

1130к

№ 1130

396
С-22

12.430

КУМЯЧЕВАЯ НОВЬ

Берегите книги!

Не перегибайте книгу во время чтения.

Не загибайте углов.

Не делайте надписей на книге.

Не смачивайте пальцев слюною, перелистывая книгу.

Завертывайте книгу в бумагу.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Иваново-Вознесенский Губком ВКП (б)

ГУБЖЕНОТДЕЛ

~~396
2-22~~

КУМАЧЕВАЯ Н О В Ъ

СБОРНИК К 8 МАРТА

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
Н. Алексеевой и К. Буторова

ИВАНОВСКАЯ ОБЛАСТНАЯ
НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ОТДЕЛ КРАСНОЙ

2010

«ОСНОВА»

Иваново-Вознесенск

1927

1941

СССР
И.В. - 9

ОСНОВА № 154

Напечатано в типо-литографии «Красный
Октябрь» Акцион. Об-ва «Основа»
в Иваново-Вознесенске в количестве
16000 экз. Гублит № 284. Заказ № 3812.
Печ. листов 7¹/₂.

ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСКИЙ
ЛИТОГРАФИЧЕСКИЙ ЗАВОД
ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСК

1931

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Издание сборника «Кумачевая Новь» — первая попытка показать жизнь, труд и быт текстильщицы Иваново-Вознесенской губернии, ее участие в революции, ее производственную и общественную работу. При этом в основу книжки мы не брали произведений авторов, занимающихся вопросами женского движения, а старались возможно большую часть сборника заполнить произведениями самих работниц.

Таким образом составлены основные отделы книжки: «1905-1917», «Наша смена», «За новый быт» и, частично отдел беллетристики.

Желая показать рост сознательности женщины-работницы и процесс выковывания из ее рядов активных работников нового советского общества, в некоторых произведениях мы давали описание жизни (автобиографию и биографию) той или иной работницы, показывая примерный путь ивановской текстильщицы: деревенская девушка — городская нянька — рядовая работница — революционерка и активистка и т. п.

Все это не дало нам возможности сделать книжку более сильной в литературном отношении.

К сотрудничеству были нами привлечены работницы центральных учреждений партии, коммунистки заграницы и местные литературные силы.

Надеемся, что наша попытка дать обобщенную книжку по вопросам женского движения послужит началом к разработке ряда тем из жизни и борьбы ивановских текстильщиц. Всех откликнувшихся и участвовавших в составлении «Кумачевой Нови» горячо благодарим.

Сборник выпускается к Международному дню работницы и, надеемся, поможет лучше, организованнее провести этот праздник.

Н. Алексеева, К. Буторов.

СО Д Е Р Ж А Н И Е:

Н. Ленин.—К международному дню работницы . . .	5—6
С. Гопнер.—Восьмое марта 1927 года	7—12
В поисках капитала	13—61
Наша смена	62—86
За новый быт	87—95
В помощь клубам	96—117
Указатель литературы	118—120

К международному дню работниц *)

Н. Ленин.

Главное, основное в большевизме и в русской Октябрьской революции есть втягивание в политику именно тех, кто был всего более угнетен при капитализме. Их давили, их обманывали, их грабили капиталисты и при монархии и в демократическо-буржуазных республиках. Этот гнет, этот обман, этот грабёж народного труда капиталистами были неизбежны, пока держалась частная собственность на землю, фабрики, заводы.

Суть большевизма, суть Советской власти в том, чтобы, разоблачая ложь и лицемерие буржуазного демократизма, отменяя частную собственность на земли, фабрики, заводы, всю государственную власть сосредоточить в руках трудящихся и эксплуатируемых масс. Они сами, эти массы, берут в свои собственные руки политику, то-есть дело строительства нового общества. Дело трудное, массы забиты и задавлены капитализмом, но иного выхода из наемного рабства, из рабства у капиталистов нет и быть не может.

А втянуть в политику массы нельзя без того, чтобы не втянуть в политику женщин. Ибо женская половина рода человеческого при капитализме угнетена вдвойне. Работница и крестьянка угнетены капиталом и, сверх того, они даже в самых демократических из буржуазных республик остаются, во-первых, неполноправными, ибо равенства с мужчиной закон им не дает, во вторых, — и это главное, — они остаются в „домашнем рабстве“ „домашними рабынями“, будучи задавлены самой мелкой, самой черной, самой тяжелой, самой отупляющей человека работой кухни и вообще одиночного домашне-семейного хозяйства.

Большевистская, Советская революция подрезывает корни угнетения и неравенства женщин так глубоко, как не дерзала подрезать их ни одна партия и ни одна революция в мире. От неравенства женщины с мужчиной по закону у нас, в Советской России, не осталось и следа. Особенно гнусное, подлое,

*) Эту статью т. Ленин написал в 1921 г., напечатана она была в „Правде“.

лицемерное неравенство в брачном и семейном праве, неравенство в отношении к ребенку уничтожено Советской властью полностью.

Это—первый только шаг к освобождению женщин. Но ни одна из буржуазных, хотя бы и наиболее демократических республик не осмелилась сделать и этого первого шага. Не осмелилась из страха перед „священной частной собственностью“.

Второй и главный шаг — отмена частной собственности на землю, фабрики, заводы. Этим и только этим открывается дорога для нового и действительного освобождения женщины, освобождения ее от „домашнего рабства“ путем перехода от мелкого домашнего хозяйства к крупному обобществленному.

Переход этот труден, ибо только идет здесь о переделке наиболее укоренившихся, привычных, заскорузлых, окостенелых „порядков“ (по правде сказать, безобразий и дикостей, а не „порядков“). Но переход этот начат, дело двинуто, на новый путь мы вступили.

И в Международный день работниц и крестьянок во всех странах мира на бесчисленных собраниях будут раздаваться приветия Советской России, начавшей неслыханно трудное и тяжелое, но великое, всемирно великое и действительно освободительное дело. Будут раздаваться бодрые призывы не падать духом перед лицом свирепой и часто зверской буржуазной реакции. Чем „свободнее“ или „демократичнее“ буржуазная страна, тем более свирепствует и зверствует банда капиталистов против революции рабочих; пример тому демократическая республика Северо-Американских Соединенных Штатов. Но рабочий в массе уже проснулся. Империалистическая война окончательно разбудила спящие, полусонные, косные массы и в Америке, и в Европе, и в отсталой Азии.

Лед сломан во всех концах мира. Освобождение народов от ига империализма, освобождение рабочих и работниц от ига капитала идет неудержимо вперед. Это дело повели вперед десятки и сотни миллионов рабочих и работниц, крестьян и крестьянок. И поэтому это дело свободы труда от ига капитала победит во всем мире.

Восьмое марта 1927 года

С. Гопнер.

Хотя каждый год мы празднуем Международный женский день, но каждый год есть что-то новое в нашем празднике.

Это потому, что жизнь во время революции идет очень быстро вперед, чуть ли не каждый день несет нам новые успехи, новые трудности. Наша пролетарская семья разбросана по всему миру. Сегодня мы узнаем о какой-нибудь новой победе трудящихся, завтра о новых жертвах, поражениях, а после завтра, глядишь, опять засиял луч победы.

Чтобы не запутаться в куче разнообразных событий, чтобы не потерять Ленинской дороги к победе, чтобы поменьше делать ошибок в борьбе и не нести лишних жертв, мы несколько раз в году устраиваем общую проверку, генеральный подсчет наших сил. Такими днями являются великие годовщины (как, например, 7-е ноября, годовщина Октябрьской революции) или международные дни. Такими днями являются 1-е мая и 8-е марта.

День 8-го марта считается женским днем, но на деле этот день обще-рабочий. Ведь не только женщина заинтересована в полном переустройстве всей жизни, всего быта, но всякий трудящийся.

Этот день назван женским не потому, что он должен интересовать только женщин, а потому, что в этот день как женщины, так и мужчины, должны подсчитывать успехи и недочеты в деле раскрепощения женщины.

В этом году мы отметим следующие успехи:

В СССР мы имеем больше, чем в прошлом году, успехов социалистического строительства. Во-первых, сильнее укрепилась крупная промышленность, увеличение ее в этом году дойдет до 40%. Затем мы видим, что в этом году выделено для капитального строительства вместо прошлогодних 780 миллионов рублей — целых 947 миллионов. Если сюда еще прибавить то, что вложено на электрификацию, то получается огромная сумма — 1 миллиард 100 миллионов рублей.

Особенно важна для победы социализма электрификация. И вот в этом году построено 10 крупнейших электрических

станций (Шатурка, Каширская, Волховстрой и другие), расширено 6 станций, строится еще 4 больших станции, построено 25 коммунальных электростанций.

Кроме того начато большое строительство рабочих жилищ и новых железных дорог.

Второй успех: мы хорошо организовали в этом году хлебозаготовки, так что кулаку не удалось повредить нам, как он это сделал в прошлом году.

Укрепился рабочий класс, еще теснее сомкнулся его союз с крестьянством, и закрепился единый фронт наш с рабочими и крестьянами всех стран.

В Международный женский день мы отметим с гордостью успехи на фронте дальнейшего раскрепощения работницы и крестьянки.

Мы видим, что партия стала уделять много внимания положению работницы на производстве, ее квалификации, продвижению ее на высшие ставки, борьбе с женской безработицей. Лучше стали теперь работать делегатские собрания работниц и крестьянок. Полмиллиона делегатов в нашей стране, они организованы и в горах Кавказа, и в холодных землях, на крайнем севере, и среди вечно кочующих киргизских народов. Всюду в нашем союзе Советских Республик приобщается женщина к строительству советов. И в то же время растет и выковывается через делегатские собрания пролетарская смена на наших фабриках и заводах, смена новых строительниц социализма во всех областях жизни.

Мы видим, что в области бытового раскрепощения—организации яслей, площадок, консультаций—партия дала указание, чтобы под предлогом режима экономии ни в коем случае не сокращать их, а укреплять существующие учреждения и для организации новых широко привлечь самодеятельность самих масс и общественных организаций.

Мы отметим также с гордостью рост грамотности, культурности и активности работниц и крестьянок, а также жен рабочих и усиление их участия в партии, в советах, кооперации, профсоюзах, комитетах взаимопомощи, в печати, клубах и школах.

Мы гордимся еще тем, что в самых отсталых республиках нашего союза, на Советском Востоке, до революции скованная по рукам и ногам труженица теперь рвет цепи домашнего и религиозного рабства и своим пробуждением гонит клич борьбы за новую жизнь по всему зарубежному Востоку.

Другие наши успехи—это рост революционного движения в других странах. Особенно успешно идет революция в Китае. Борьба рабочего класса на Западе, хотя не дала в этом году побед, но показала, что рабочий класс делается в борьбе все

упорнее и сильнее. Это показала геройская восьмимесячная стачка английских горняков, целый ряд более коротких забастовок и боевых выступлений рабочих в других странах.

С большой радостью мы отметили в этом году широкое вовлечение наших товарищей работниц Запада в общую борьбу пролетариата против капитала,—это вывдилось ярко в массовой героической борьбе работниц и жен рабочих в Англии во время восьмимесячной стачки горняков.

Также радостно отметим мы широкое участие трудящихся женщин в Китайской революции.

Вместе с тем мы отметим и трудности.

Внутри страны нам придется еще не мало бороться с кулаком и нэпманом, которые становятся последнее время очень активны. Затем труднейшая задача—раздобыть огромные средства, необходимые для дальнейшего под'ема промышленности.

Но все эти трудности мы преодолеем общими силами рабоче-крестьянских масс, если у нас продолжится „передышка“, т. е., если нам не обявят войны наши злейшие враги—империалисты.

А как раз этого теперь приходится больше всего опасаться. К прошлому 8 марта мы отмечали, что международное положение СССР укрепилось, и тогда мы ждали войны меньше, чем теперь.

В этом же году, несмотря на то, что наше советское правительство продолжает всеми средствами бороться за мир, капиталистические правительства, и из них первое—Английское, готовят на нас нападение.

Действительно, удастся ли им навязать нам войну? Трудно сказать. Помешать им могут наши братья—рабочие этих империалистических стран. И кроме того наша сплоченность и наша сила. Чем крепче мы будем у себя, тем больше они будут бояться эту войну нам обявить.

И мы должны быть на чеку. Мы должны всячески укреплять Красную армию. Мы должны быть все готовы дать достойный отпор врагу, если он осмелится помешать нашему строительству.

Какими средствами, каким оружием должны мы преодолевать все трудности, стоящие на нашем пути? Коммунистическая партия отвечает на этот вопрос по Ленински: сами массы, рабочие и крестьяне, должны притти на помощь своей партии и своему советскому строительству.

Против поднимающих голову кулаков рабочий класс должен теснее сомкнуться вокруг партии и Советской власти. Со всей энергией он должен бороться за поднятие производительности труда, за удешевление производства, за снижение цен,

за рационализацию производства. Особенно сильна должна быть борьба против волокиты и бюрократизма советских и хозяйственных учреждений. И во всей этой борьбе самое деятельное участие должна принимать работница.

Самой важная задача работницы в настоящий момент—это ее активность и сознательное участие в Советах.

Советы—главная власть на местах, высший орган управления. Советские законы созданы для служения интересам рабочих и крестьян (только не кулаков). Но широкие массы, в особенности отсталые массы, часто не знают этих законов, часто не понимают, как много возможностей у них есть защищать себя от злоупотреблений, добиться справедливых требований, наказать виновных.

Недостатков советского аппарата было бы гораздо меньше, если бы массы были культурнее и активнее работали.

В последнее время в Советы пытаются проникнуть враги советской власти. В особенности это замечается в деревне, где кулаки, видя, что советская власть дает им отпор, хотят закрепиться в Советах. В городах тоже замечается, что всякого рода непролетарские слои хотят проникнуть в Советы, отвоевать там значительное место и через них влиять на всю политику власти.

Работница, как и рабочий, должна держать ухо востро. Нет ничего опаснее того, чтобы к Советам, а, значит, и к власти допускать тех, кто против трудящихся, против советской власти, против социализма.

Чтобы Советы не попали в руки кулачества в деревне и в руки мелкой буржуазии в городе, рабочий класс должен усилить свою активность при выборах в Советы и более сознательно участвовать в самой работе Советов. Особенно должна подтянуться работница, которая часто отмахивается от общественной работы благодаря тяжелым условиям своего быта.

Достаточно ли активна она была до сих пор в деле улучшения наших Советов? В 1925—26 году работниц,—членов городских Советов,—было 11.845 человек, и они среди всех рабочих членов Советов составляли 19,5%. Этот процент выше процента предыдущих лет (в 1920 году работницы в Советах составляли лишь 5,7%, 1921 г.—7,1%, в 1922 г.—9,8%, в 1923 году—13,1%, в 1924—25г.—18,6%). Таким образом, мы видим, что число работниц в Советах с каждым годом растет.

Но если мы вспомним, что работницы на производстве составляют 27%, то увидим, что участие ее в Советах сильно отстает от ее участия в производстве.

В прошлые выборы было отмечено очень слабое участие работницы в избирательной кампании в текстильных районах, то есть там, где женских рук работает больше, чем мужских.

В нынешнем году 8-е марта совпадает с пере выборами Советов. И одним из первых лозунгов Международного женского дня является: поголовное участие всех работниц в пере выборной кампании и выдвижение лучших женских кандидатур и дружное проведение их в Советы и в дальнейшем сознательная активная работа в Советах, его секциях, комиссиях и отделах.

Нужна активная сознательная работа работниц-депутаток в Советах рука об руку с рабочими депутатами над улучшением советской работы, над упрощением советского аппарата, над уничтожением злоупотреблений, волокиты, чиновничьего чванства, бюрократизма. Нужна борьба за превращение каждого Совета в настоящую рабочую власть, близкую и родную массам, твердую против всех врагов трудящихся, деловую и быстро работающую для преодоления всех наших трудностей, для проведения всех наших задач!

В главе с работницами и рабочими, батрачками и батраками Советы должны превратиться в настоящих руководителей всей жизни страны.

В деревне роль работницы и рабочего в Совете должны выполнить батрачки и батраки. Батрачки до сих пор очень слабо участвовали в выборах. В этом году, когда кулаки стали особенно активны, батрачки вместе с батраками должны стать руководителями выборной кампании. Их задача вовлечь всю массу батрачества и беднячества в выборы, привлечь к выборам также лучших середняков и дать отпор кулачеству, оставить его в одиночестве, как во время выборов, так и в работе новых Советов.

Наряду с активным участием в деле оживления и улучшения работы Советов работница должна выполнить и другую великую задачу—внести свой труд, свою пролетарскую волю, свой деловой опыт в великое дело индустриализации страны. Для этого она прежде всего должна повышать свою квалификацию и свой культурный уровень, чтобы не отставать от рабочих, чтобы не меньше его участвовать в рационализации производства.

Кроме того работница, особенно там, где ее труд применяется широко (например, в текстильной промышленности), должна сама вникать во все подробности своего производства и через профсоюз, через производственные совещания, через кооперацию и другие организации вносить свой опыт, свои практические предложения, могущие помочь делу режима экономии, снижению себестоимости продукции, снижению цен, вообще всему, что помогает рационализации.

Работница должна помнить, что рационализация нашей промышленности есть вернейший путь к индустриализации страны, к полной победе социализма, и в то же время столбовая

дорога к равноценному положению на производстве работницы и рабочего.

В Международный женский день работница, по призыву Ленинской партии, усилит свое революционное классовое сознание. Она вспомнит, что она член великой мировой армии пролетариата. Она еще больше укрепит свою связь со своими сестрами и братьями из других стран. Она будет на своем славном посту строительницы социализма в СССР гордиться своей работой на пользу мировой революции. Она станет еще активнее помогать словом и делом еще сегодня поработавшим братьям других стран, чтобы приблизить их победоносный завтрашний день.

Теснее ряды вокруг единой коммунистической партии!

Не свернем никуда с пути Ленинизма!

Вперед на борьбу и навстречу победам!

Да здравствует Международный Коммунистический женский день!

Да здравствует коммунизм!

В ТИСКАХ КАПИТАЛА

Китайская работница борется за независимость своего народа *).

Во всем мире нет страны так густо населенной, как Китай. Там живет 400 миллионов человек, из которых большинство—крестьяне. Земли на всех не хватает. Вся земля разделена на маленькие кусочки, которые китаец возделывает своими руками, без лошади и плуга. Китайцы славятся своими рисовыми полями и чайными плантациями. Ртов много, земли мало. Помещики угнетают народ, и земля не может прокормить всех. Миллионы крестьян выталкиваются из деревни искать работы, и они выселяются во все страны и за какую угодно плату готовы работать весь день, только бы не умереть с голоду.

Китайская земля богата, а народ беден. Кроме бесконечных рисовых полей и чайных плантаций, кроме шелка, фарфора и драгоценных сортов дерева, там лежат неисчерпаемые залежи каменного угля и других ценных ископаемых. И там много, бесконечно много дешевой и покорной рабочей силы.

Природные богатства Китая и дешевая рабочая сила стали приманкой для хищников—капиталистов. Они устремляются туда в поисках обогащения. Подкупают китайских правителей и держат китайский народ в ужасающих условиях.

В 1911 году в Китае произошла революция. Была свергнута власть царя—богдыхана. Тогда же Китай разделился на ряд провинций. На севере во главе их стоят реакционные генералы, теперешняя сила которых в международном капитале,—сейчас они борются на деньги Англии, Японии, Америки и др. государств за порабощение китайского народа; на юге утвердилось национальное правительство, которое руководит теперь национально-освободительной борьбой. И эта освободительная борьба все разрастается. Крестьяне бросают свои поля, чтобы идти в народную армию.

И неудивительно. Иностранные капиталисты, забравшись, как волки в чужой хлев, на Китайскую землю, чинят там неслыханные зверства и неслыханно угнетают народ. За последние 25 лет в Китае понастроены многочисленные громадные фабрики. На них работают миллионы взрослых рабочих, женщин и детей 8—9 летнего возраста. Нигде в мире труд не оплачивается так

---

*) По книге Арберре-Ралле.

плохо, нигде в мире нет такого длинного рабочего времени. За гроши работают китайцы по 14—18 часов в день, особенно на английских фабриках. Круглый год нет праздников, даже в воскресенье не отдыхают. Изю дня в день полную неделю работают и женщины, и дети.

На фабриках рабочих бьют, истязают. Они лишены всех прав, всякой защиты закона.

Вот как описывает специальная городская комиссия положение женского труда на фабриках английских и японских капиталистов в Шанхае:.... „В воздухе носятся пыль и хлопчато-бумажные волокна, температура высокая. Ночная работа—обычное явление. Работают в 2 смены по 12 час. Нормального перерыва для обеда нет. Рабочий должны улучшить свободную минутку, чтоб с'есть свой обед по мере возможности“... Видимо, эта возможность не часто представляется!

Комиссия обнаружила на фабрике детей не старше 6—7 лет, которые тоже работали ночью по 12 часов под плетью надсмотрщиков.

На некоторых предприятиях можно было видеть такую картину: „В шуме и грохоте безостановочно работают машины. Пыль слепит глаза. Между машинами расставлены корзинки, в которых лежат грудные дети, кто спит, кто плачет, как попало (Международное обозрение труда, март 1925 г.). Никакой охраны матери и ребенка не существует. Работница родит за станком, и через день-два становится снова за станок. Плата ужасающая. За 14 часов ночной работы женщина получает 14 центов (цент—2 коп.). Значит, за 14 часов работы—28 к.

Дети получают 6—7 центов за день или ночь—это 12,14 к. в день. На них можно купить только горсточку рису“...

Помимо тяжести работы, избиений, издевательств китайские рабочие и работницы постоянно унижаются. Им нет другого названия, как „презренный китаец“, жизнь их не ценится. За малейшую попытку к протесту их расстреливают, режут им головы, бросают в тюрьмы. Лучшие портовые города, построенные на море, захватили в свои руки иностранные капиталисты.

Там, где живут китайцы, грязь, смрад, отсутствие света, жалкие лачуги. Там, где живут капиталисты,—рестораны, дворцы, шикарные магазины, волны электрического света. И китайцам запрещено ступать в европейские кварталы на родной земле. Законы Китая не обязательны для европейцев. У них свои законы, и тысячные отряды полиции охраняют граждан Англии, Америки и Японии.

Советские граждане добровольно не пользуются этими позорными привилегиями, и за это китайский народ горячо поддерживает Советский Союз.

Как работница попадает на фабрики к капиталистам? По деревням шмыгают агенты фабрикант в. Девочка в китайской семье—обуза, лишний рот, ее часто после рождения

выбрасывают в поле, где она умирает. Отец или мать рады избавиться от лишнего рта, и девочек в Китае продают агентам. 2 доллара в год, и ребенок поступает в полное рабство к нанимателю. Его запирают в общежитие и заставляют работать по 14 часов, а деньги отсылают родителям. Обыкновенно контракты заключаются на 10—15 лет.

Фабрики и общежития отделяются от мира высокой стеной. Ворота заперты. В 1924 году на самой большой прядильной фабрике в Шанхае—Сианг-Кинг во время пожара сгорело больше ста работниц, так как не успели отворить ворота фабрики.

Несмотря на эту ужасную жизнь и преследования, китайская работница подняла знамя борьбы. Ряд забастовок охватил фабрики в Шанхае, Кантоне, Пекине и Чанг-Чжоу. И некоторые окончились победой работниц. Как правило, работницы добивались организации профсоюза. Движение носило особенно яркий характер в 24—25—26 г.г. 1-го мая 1924 года в Шанхае была демонстрация рабочих, работниц и студенток, в которой участвовало 100.000 человек; в Кантоне, где было революционное правительство, демонстрация охватила 170 тыс. человек.

На шелковой фабрике в Шанхае вспыхнула огромная забастовка работниц. Администрация стегала работниц плетьюми и даже обварила некоторых кипятком из котлов. Тогда встали и остальные 15.000 работниц. Забастовка эта потерпела поражение, и многие работницы были арестованы.

Рабочая масса начинает выковывать смелых борцов революции. Работница узнала о революции в России, о стране Советов, о том, что страна Советов стоит за равенство всех наций, за освобождение Китая, и она горячо тянется к русским работницам и рабочим, чувствуя в них поддержку.

В Китае есть небольшая коммунистическая партия и огромная народная партия Гоминдан, в которую все больше начинают вступать работницы. Гоминдан находится под влиянием коммунистической партии, и теперь она во главе освободительного движения в Китае.

И когда русская работница узнает, что Англия против восставших китайских рабочих высылает воздушный и морской флот, русская работница горячо откликнется на призыв своей китайской сестры и громко воскликнет—„Руки прочь от Китая!“

Свободу поработенной сестре—китайской работнице!

Рабыни японского капитала.

„Страна восходящего солнца“—так называли Японию в старых учебниках. Скорее это страна развивающегося капитала, который может пользоваться не только лучами „восходящего солнца“, но и благами, создаваемыми руками рабочих.

Быстро идущий в гору японский капитализм в своей ненасытной, не имеющей пределов жажде наживы, прибегает к использованию в больших размерах домашнего женского и детского труда.

На фабриках и заводах работает более миллиона женщин—56% всех рабочих Японии, 9% детей, в возрасте до 15 лет, их 122.379 человек.

Шелковые ткани и другие товары текстильного производства на 85% вырабатываются женскими руками. Спины работниц, закабаленных с 8—12 летнего возраста, гнутся под тяжестью работы в течение 12—14 часового рабочего дня. Заработок работницы за одинаковый рабочий день и одинаковую работу почти в 2 раза ниже заработка мужчины. Женщина зарабатывает в день на наши деньги 71 коп., мужчина 1 р. 32 к.

Но положение японской работницы еще более ухудшается тем, что она настоящая рабыня в руках владельца фабрики и надсмотрщиков. Ведь она не просто нанялась на фабрику. Нет, она продана на нее своими родителями. Специальные агенты, „Хито-кай“, раз'езжают по самым отсталым деревням Японии, обманом скупают молодых девушек за ничтожную плату, обещая им „рай на земле“. Эти молодые жизни, попадая в руки капиталистов, становятся бесправными рабами. Они помещаются в общежития при фабриках, а где нет общежитий—ютятся в самых фабричных корпусах, лишенных солнечного света, свежего воздуха. А общежития? Это настоящие тюрьмы, в которых работница лишена всякой свободы. Живущим в общежитиях запрещается вступление в профессиональные союзы и в политические партии.

Спальни общие для мужчин и женщин. Неимоверная скученность. Во многих общежитиях даже нет комнат для больных, и последние вынуждены жить в общих помещениях.

Основную пищу работниц в этих общежитиях составляет вареный рис, подчас смешанный с ячменем и картофелем. Мясо, рыба и овощи редкий гость на столе японской работницы. Только на лучших фабриках они подаются в среднем 8 раз в месяц.

Необыкновенно тяжелые условия труда, система общежитий, отвратительное питание губельно отражаются на здоровье японской женщины. Из 200 тыс. девушек, ежегодно попадающих из деревни на фабрику, 80 тыс. возвращаются с окончательно подорванным здоровьем, 60 тыс. с недугами и 5 тыс. ежегодно умирают от чахотки. В сгорбленной с изможденным лицом старушке, возвращающейся на родину, не узнать 20-ти летнюю девушку, а ведь ей на самом деле лишь 20 лет:

В Японии совершенно отсутствует законодательная охрана женского труда. Единственная мера по охране материнства и

младенчества выражается в запрещении работать до истечения пяти недель после родов. За это время выдается ничтожное вознаграждение.

Не лучше положение японки и в семье.

Она бесправная рабыня мужа, отца и его родных. Проданная отцом, она становится рабой мужа. Муж может по любому капризу развестись с женой, отнять у нее детей. Дети могут остаться при матери только в том случае, если она имеет достаточно средств для их воспитания. Позором считается жениться на разведенной женщине. Отец имеет право продавать своих дочерей в дома терпимости.

Несмотря на тяжесть семейно-бытовых условий жизни работниц, среди японских женщин почти нет неграмотных, их всего лишь 10%.

Рабыня капиталиста, рабыня в семье, работница не имеет и политических прав. Ей запрещается вступать в политические партии, хотя за последнее время здесь она отвоевывает себе место.

Работница Японии составляет наиболее активную и революционную часть японского пролетариата. Во многих профсоюзах, которые находятся под влиянием реформистов (соглашателей), женская часть союза этого влияния не признает. В забастовочном движении год за годом работницы принимают все большее и большее участие и нередко первые начинают борьбу против предпринимателей.

В 1921 году вспыхнула забастовка на одной из крупных прядильных фабрик (Фудзисосэки), на которой работает 400 мужчин и 1450 женщин. Забастовка началась из-за заявления директора, что он не признает профсоюз, объединяющий одних 500 работниц, и увольняет 2-х руководительниц союза. На это вся фабрика ответила стачкой.

В 1921 г. общее количество бастовавших рабочих составляло 5000, а в 1923 г. уже 10000 человек.

8-е марта 1924 и 25 г. у японских работниц прошло в подполье. Нужно надеяться, что 8-е марта 1927 года даст японской работнице новый заряд революционной энергии, поднимет новые силы на борьбу с империализмом и вовлечет японское рабочее движение в освободительную борьбу всего угнетенного Востока.

В. Б.

Работница в «свободной демократической» Англии.

Раб, сознавший свое рабство и поднявшийся на борьбу за свое освобождение, на половину перестал быть рабом. (Л е н и н).

С мая м-ца прошлого года взоры всего мира были прикованы к Англии. Там шла величайшая борьба между трудом и

ИВАНОВСКАЯ ОБЛАСТНАЯ
НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

ОТДЕЛ КРАЕВОЙ

капиталом, какую только видел мир. На одной стороне были рабочие шахтеры, их жены и дети,—на другой жадный капитал, который хотел отнять у своих рабов кусок хлеба и час отдыха от каторжных условий труда. Англия издавна считается „свободной демократической страной“. Там сильные профсоюзы, там есть парламент, там все—„граждане“. Но наша работница теперь узнала цену этим свободам и „демократиям“. Именно тогда, когда разразились события, которые вскрыли живую сущность капиталистической свободы и „демократии“.

В этой стране, где царит капитал, где эксплуатация доведена до чрезмерных размеров, положение работницы таково, что неминуемо толкает ее на путь борьбы с капиталом.

Достаточно сказать, что в Англии 4 миллиона работниц работают по найму у капиталистов во всех областях промышленности и из них только 300 тыс. члены профсоюзов.

Мы знаем, как предают своих членов желтые профсоюзы Англии. Забастовка горнорабочих это показала. Вожди профсоюзов больше смотрят в сторону хозяев, чем рабочих, но все-таки они кое-как добиваются мелких уступок для рабочих. Но в „свободной Англии“ 3 миллиона 700 тысяч женщин, наемниц капитала, не имеют никакой защиты, они работают по „милости“ капитала.

Нашей работнице это трудно понять, если на 99% работающие женщины члены профсоюза. Но это так.

Английские рабочие союзы не только не стараются вовлечь женщин в союз, а даже не принимают женщин в союз.

Например, союз машиностроительных рабочих запретил принимать женщин в союз, не глядя на то, что на предприятиях этой отрасли промышленности работают десятки тысяч женщин (Иза Штрассер „Под гнетом капитала“).

Союз типографских рабочих принимает женщин, если они получают одинаковую плату с мужчинами; для этого надо быть высоко квалифицированной работницей, а тот же союз запрещает учить женщин и девушек типографскому делу.

Выходит, что женщина, лишённая защиты союза, получает ничтожную заработную плату и ей некуда жаловаться. Негде искать защиты. По воле предпринимателя она выбрасывается на улицу, и кадры безработных женщин растут. Это не пришедшие из деревни крестьянки, это городские работницы, имеющие рабочий стаж. Для того, чтобы числиться безработными, они должны представить свидетельство от хозяина, что она работала и ее не взяли на работу. Но хозяева, если хотят, выдают, а не хотят, не выдают таких свидетельств.

На 1.240.700 работающих женщин—безработных 353.500 женщин. Это записанные, а сколько не записанных? Больше всего безработных в текстильной промышленности. 162 тыс. ткачих и прядильщиц ходят по улицам без работы, имея голодные семьи. Если такой безработной посчаст-

ливится — она получает пособие по безработице, 15 шил. в неделю (на наши деньги 1 р. 05 коп.), а девушка получает 6 шиллингов (42 коп.) в неделю.

Интересно, что на 600 тысяч заявлений отказов в пособии падает 450 тысяч (Иза Штрассер „Под гнетом капитала“).

Лишенные пособия вычеркиваются из списка безработных.

Но если женщину выбрасывают голодать на улицу, то ее охотно зовут ехать в колонии Англии. Около всех мест скопления безработных висят большие плакаты: „Женщины нужны в Австралии! Поезжайте в Индию — проезд бесплатный“.

Доведенные до отчаяния девушки соглашаются на отъезд и попадают в полное рабство нанимательских контор. Они связаны контрактом. Им нет помощи и они попадают в притоны разврата для колониальных дельцов и хищников капитала.

Так капитал торгует человеческим мясом в „Свободной Англии“.

Как усмиряют «граждан» Англии.

Капитал ни перед чем не останавливается. Он содержит огромные полицейские силы для расправы над непокорными рабами. В этом деле он не щадит женщин и детей.

В шахте Глинкомер на группу рабочих напал отряд полиции в 150 человек с резиновыми палками. Ранено 32 человека — мужчин, женщин и молодежи.

Коммунистку Картрайм посадили в тюрьму с грудным больным ребенком, которому угрожала смерть в тюрьме.

На собрании капиталистов одна барынька предложила женщин-коммунисток не только сажать в тюрьму, но пороть розгами. Этим примером довольны. Каждый новый удар на теле работницы прибавляет ненависть к тому строю, который ставит ее в положение раба.

Шахтерки.

Среди женщин горнорабочих не было ни одной предательницы. Их работает на шахтах около 11 тысяч человек. Их оплата равняется теперь 28 шиллингов в неделю. Это составляет 1 р. 96 к. в неделю, т. е. столько, сколько наша ткачиха на тройке заработает в один день. Ее работа тяжела, она отбирает крупный уголь от мелкого. Работа сдельная, но капиталист не платит за мелкий уголь, хотя он наживает на нем очень много денег, перегоняя его в ценные продукты.

Шахтерка мужественно боролась во время забастовки. Были случаи, когда она вместе со своими детьми ложилась на рельсы под поезд, который должен был вести штрейкбрехеров на шахту, где бросила работу она и ее муж.

И теперь, когда свои вожди предали шахтеров, и они должны были склониться перед капиталом, на шахтах неспокойно. Забастовка многим открыла глаза, так же, как и помощь рабочих и работниц нашего Союза бастующим горнякам: ведь около 2 миллионов рублей собрано одними только женскими комитетами, помимо 1% отчислений от заработной платы.

Работница Англии поняла, кто враг, кто друг, и в день 8-го марта многие тысячи женщин-работниц выйдут на улицу, чтобы сказать: «Долой позорную демократию, обрекающую нас на нищету и бесправие!»

Да здравствует Советская Россия!

Да здравствует классовая борьба с капиталом!».

Мэри Вэб.

Письмо французской коммунистки.

Война подточила финансы Франции; слишком велики были затраты на военные нужды. Огромные займы в Америке и в Англии попали в карманы торгашей, крупных заводчиков, коммерсантов и банкиров. Они нажили на войне скандальные состояния.

Время платежей пришло. Государственные кассы пусты. Правительство левых прогрессистов—Эррио и К^о—стало популярным благодаря заявлению, что деньги должны быть взяты у тех, кто обогатился во время войны. Но это был обман рабочих. Капиталисты не хотели затронуть своих капиталов. В этом году надо уплатить 9 миллиардов рублей. Это значит—цены опять упадут вниз; и теперь 100 франков, которые раньше стоили 47 р., стоят 7 рублей, а заработная плата платится по прежнему.

Капиталисты берут труд рабочего, с каждым месяцем требуют от рабочего большего напряжения, а платят гроши, которые ничего не стоят.

Работницы, работающие в производстве одежды, получают 15 франков в день (это составляет 28 р. в месяц на наши деньги), и это квалифицированные работницы по подборке мехов, а в некоторых фирмах 8-9 франков в день (14-16 руб. в месяц).

Телеграфные служащие получают 35 р. в месяц, 6% жалавания удерживается в пенсионную кассу, пенсию же государств. служащие получают только тогда, когда им будет 60 лет.

Условия работы больничных служащих ужасны—нет никакой охраны труда. Женщины носят ведрами суп по 30 литров, подносы с мясом в 25 килограмм, по 1½ пуда, на вытянутых

руках. Были случаи, когда работница от утомления теряла сознание, и врачи признавали у нее полное истощение.

На некоторых текстильных фабриках Парижского района несознательных товарищей заставляли работать с субботы на воскресенье всю ночь напролет по 20 часов в сутки. Они жаловались фабричному инспектору, но инспектор закрывает глаза—ведь ему платит жалованье правительство.

При такой работе часты несчастные случаи. Пострадавшему, который погиб во имя прибылей капитала, выплачивают жалкую пенсию. Мать с детьми, у которой погиб кормилец по вине хозяина, получила пенсию в 600 фр., это 42 р. в год.

Так называемые незаконнорожденные дети и незаконные жены не получают ничего.

Пищевики получают 20 фр. в день, или 7 р. в неделю. А дороговизна неимоверно растет и растет.

Сжатые со всех сторон капиталом, работницы ищут выхода в борьбе. Работница стремится в красные профсоюзы Франции, и можно смело сказать, идет впереди революционного движения. За последний период был ряд стачек и большинство бастующих были женщины. Бастовали: фирмы Плювье и Монтрейе (пищевики), Дрейфус—металлисты, Бебе-жеме - химики, текстильщики, производство одежды, фирмы Изолон-Витри—химики, кишечные струны.

Во многих случаях благодаря сплоченности работницы одерживали победу. Так было на фирме Гобе-Жаме, где они шли целиком за красными профсоюзами.

Вполне понятно, что такое положение рабочих взрастило недовольство. Правительство Эррио, правительство Пуанкаре потеряло всякое доверие. Рабочий видит, что его приносят в жертву капиталу.

Характерно, что мелкие коммерсанты тоже недовольны. Налоги растут, а дела идут хуже. Выгодно положение только крупному капиталу.

Мы можем отметить характерный факт: влияние правительства уменьшается и вместе с тем сильно возрастает влияние компартии. Рабочий класс начинает сознавать, что только пролетарское правительство может дать избавление. Глаза рабочих открываются. Все те, кто клеветают на Советскую Россию, не внушают никакого доверия, так как рабочие воочию знают положение в России. При таком положении вещей мы ждем, что 8 марта 1927 года выведет на улицы огромные массы женщин, и превратим этот день в грозную демонстрацию против капитала.

Мария Брен.

Работница и ее борьба в Германии.

«А мы, мы отданы во власть волков, свиней и псов вонючих».

Генрих Гейне.

Станок скрипит, челноку не лен,
Мы ткем неустанно день и ночь.
Германия старая, ткем саван твой.
Тройное проклятье ведем каймой.
Мы ткем, мы ткем.

Генрих Гейне.

Так писал великий поэт Генрих Гейне 100 лет назад.

После того, как Гейне вплетал тройное проклятье в саван старой Германии, ее пролетариат вырос, окреп, организовался, выдержал не один бой с капиталом, но он благодаря подлой и предательской политике социал-демократов все еще отдан во власть „волков, свиней, и псов вонючих“, олицетворяющих буржуазию; теперь новое германское правительство целиком и полностью отражает ее зверское и похотливое лицо.

И надо сказать, что если раньше под пятой капитала стонали рабочие, то теперь больше, чем когда либо, стонут работницы.

В Германии насчитывается во всех областях труда 5 миллионов 500 тысяч женщин, из которых на предприятиях работает 2 миллиона 19 тысяч женщин или 24,6%.

Эта огромная армия помимо того что на ее плечи ложатся всевозможные налоги для выплаты долгов странам победительницам, тянет непосильную ношу бешеной эксплуатации капитала.

Ход станков на фабриках и заводах увеличен на 25, 30% против довоенного, заставляя германскую работницу дрожать в напряжении 10 часов работы, ибо 8 часового дня нет в помине, хотя он и провозглашен.

Заработная плата ничтожна. В некоторых областях промышленности работница получает меньше мальчика подростка, 15 коп. в час, в то время как подросток мальчик получает 22 копейки в час (металлическое производство*). В то же время существует так называемая „рекордная“ система, по которой часовой расценки определяются нормой выработки, а норма выработки так высока, что ни одна работница не в состоянии выполнить ее. В результате серьезное снижение заработной платы.

Производство предъявляет к работнице огромные требования.

Если во времена рабства неготорговец покупал негра, кричал ему „открой рот“ и щупал ему зубы, как лошади, то теперь германская работница подвергается не меньшим издевательствам, чем чернокожий раб. Она попадает в лапы специ-

*) Иза Штрассер — «Под гнетом капитала».

альной комиссии, которая изучает ее организм почище рабовладельца. От нее требуется: здоровье общее физическое, здоровые нервы, почти машинная быстрота движений, умение в одно и то же время сосредоточить внимание на каком-нибудь одном процессе и в то же время сразу на нескольких предметах внимания. У нее требуется умение двигать одновременно: одной ногой, предплечьем правой руки и кистями обеих рук. Не многие истощенные и измученные нуждой женщины могут выдержать такое испытание. И это все во имя нищенской платы, которую работница вдобавок получает на 40 и 30% ниже мужчины, на одинаковой работе и одинаковой квалификации. Надо ли говорить еще, что после войны заработок работницы снизился почти на 50%.

Свирепствует система штрафа за все решительно, вплоть до лишней минуты в уборной, и эта система венчает величественное здание неслыханной эксплуатации.

Общий заработок рабочей семьи настолько понизился, что замужняя женщина вынуждена искать работы на фабрике. А это в Германии не принято, считается предосудительным и прежде не было необходимостью. Сейчас же наблюдается огромный рост участия замужних женщин в производстве. В 1888 г. из всего числа женщин, занятых в производстве, замужних было 12%, а в 1924 г. уже 41%.

Второй характерный пример этого же порядка: в угольной промышленности женский труд применяется для переноски угля из шахт (под землей), причем при тех низких расценках, которые существуют для этого дела, мужчин, которые бы хотели исполнить эту работу, не находится. Дороговизна жизни, часто отсутствие кормильца, невозможность прожить на один заработок, отдают работницу во власть „смердящих псов капитала“. На международной конференции коммунисток отмечалось, что хозяева и надзиратели надругаются над телом работницы, и работницы, под страхом расчета, подчиняются издевательствам этой своры.

В то же время капиталисты прекрасно понимают все значение работницы в промышленности и в классовой борьбе. Пускаются в ход решительно все средства для того, чтобы использовать религиозную и политическую отсталость работницы. Для этого насаждаются и поддерживаются желтые и христианские профсоюзы, которые отвлекают работницу от задач классовой борьбы.

Однако, чем сильнее гнетет капитал, тем больше противодействия он встречает. Так, с момента избрания Гинденбурга, когда многие женщины, а в том числе и работницы, отдали свои голоса Гинденбургу, прошло уже не так много времени, но кампания против возвращения капиталов и поместий германским князьям показала, что в женской массе произошли большие сдвиги. 6 миллионов женщин голосовали за конфис-

Работница и ее борьба в Германии.

«А мы, мы отданы во власть волков, свиней и псов вонючих».

Генрих Гейне.

Станок скрипит, челноку не лен,
Мы ткем неустанно день и ночь,
Германия старая, ткем саван твой.
Тройное проклятье ведем каймой.
Мы ткем, мы ткем.

Генрих Гейне.

Так писал великий поэт Генрих Гейне 100 лет назад.

После того, как Гейне вплетал тройное проклятье в саван старой Германии, ее пролетариат вырос, окреп, сорганизовался, выдержал не один бой с капиталом, но он благодаря подлой и предательской политике социал-демократов все еще отдан во власть „волков, свиней, и псов вонючих“, олицетворяющих буржуазию; теперь новое германское правительство целиком и полностью отражает ее зверское и похотливое лицо.

И надо сказать, что если раньше под пятой капитала стонали рабочие, то теперь больше, чем когда либо, стонут работницы.

В Германии насчитывается во всех областях труда 5 миллионов 500 тысяч женщин, из которых на предприятиях работает 2 миллиона 19 тысяч женщин или 24,6%.

Эта огромная армия помимо того что на ее плечи ложатся всевозможные налоги для выплаты долгов странам победительницам, тянет непосильную ношу бешеной эксплуатации капитала.

Ход станков на фабриках и заводах увеличен на 25, 30% против довоенного, заставляя германскую работницу дрожать в напряжении 10 часов работы, ибо 8 часового дня нет в помине, хотя он и провозглашен.

Заработная плата ничтожна. В некоторых областях промышленности работница получает меньше мальчика подростка, 15 коп. в час, в то время как подросток мальчик получает 22 копейки в час (металлическое производство*). В то же время существует так называемая „рекордная“ система, по которой часовой расценки определяются нормой выработки, а норма выработки так высока, что ни одна работница не в состоянии выполнить ее. В результате серьезное снижение заработной платы.

Производство пред'являет к работнице огромные требования.

Если во времена рабства негроторговец покупал негра, кричал ему „открой рот“ и шупал ему зубы, как лошади, то теперь германская работница подвергается не меньшим издевательствам, чем чернокожий раб. Она попадает в лапы специ-

*) Иза Штрассер — «Под гнетом капитала».

альной комиссии, которая изучает ее организм почище работодателя. От нее требуется: здоровье общее физическое, здоровые нервы, почти машинная быстрота движений, умение в одно и то же время сосредоточить внимание на каком-нибудь одном процессе и в то же время сразу на нескольких предметах внимания. У нее требуется умение двигать одновременно: одной ногой, предплечьем правой руки и кистями обеих рук. Не многие истощенные и измученные нуждой женщины могут выдержать такое испытание. И это все во имя нищенской платы, которую работница вдобавок получает на 40 и 30% ниже мужчины, на одинаковой работе и одинаковой квалификации. Надо ли говорить еще, что после войны заработок работницы снизился почти на 50%.

Свирепствует система штрафа за все решительно, вплоть до лишней минуты в уборной, и эта система венчает величественное здание неслыханной эксплуатации.

Общий заработок рабочей семьи настолько понизился, что замужняя женщина вынуждена искать работы на фабрике. А это в Германии не принято, считается предосудительным и прежде не было необходимостью. Сейчас же наблюдается огромный рост участия замужних женщин в производстве. В 1888 г. из всего числа женщин, занятых в производстве, замужних было 12%, а в 1924 г. уже 41%.

Второй характерный пример этого же порядка: в угольной промышленности женский труд применяется для переноски угля из шахт (под землей), причем при тех низких расценках, которые существуют для этого дела, мужчин, которые бы хотели исполнить эту работу, не находится. Дороговизна жизни, часто отсутствие кормильца, невозможность прожить на один заработок, отдают работницу во власть „смердящих псов капитала“. На международной конференции коммунистов отмечалось, что хозяева и надзиратели надругаются над телом работницы, и работницы, под страхом расчета, подчиняются издевательствам этой своры.

В то же время капиталисты прекрасно понимают все значение работницы в промышленности и в классовой борьбе. Пускаются в ход решительно все средства для того, чтобы использовать религиозную и политическую отсталость работницы. Для этого насаждаются и поддерживаются желтые и христианские профсоюзы, которые отвлекают работницу от задач классовой борьбы.

Однако, чем сильнее гнетет капитал, тем больше противодействия он встречает. Так, с момента избрания Гинденбурга, когда многие женщины, а в том числе и работницы, отдали свои голоса Гинденбургу, прошло уже не так много времени, но кампания против возвращения капиталов и поместий германским князьям показала, что в женской массе произошли большие сдвиги. 6 миллионов женщин голосовали за конфис-

кацию имущества князей. Женская масса пошла за лозунгами компартии. Ряд стачек показывает боевую стойкость германской работницы. О том, какие настроения сейчас в женской массе в Германии, особенно ярко видно из письма немецкой работницы-кожевницы Марии Вольтер, полученного Иваново-Возн. отделом работниц. Она пишет:

„Сейчас мы имеем первые результаты женских делегатских собраний, организованных в Берлине, Гамбурге, Бремене, Дюссельдорфе, Хемнице и Штутгарте.

Работницы следят за этими конференциями с большим интересом и воодушевлением. Посещения конференций были очень многочисленные, прения оживленные, — они показали жалкую картину теперешнего положения работницы во время капиталистической рационализации производства.

9-го ноября коммунистическая партия по всей Германии праздновала 9-ю годовщину русской революции — это была благодарность масс за тот первый и самый трудный шаг, который Вы сделали, чтобы облегчить международному пролетариату дорогу к его освобождению.

Наш лозунг — „установить железный единый фронт всех трудящихся“ глубоко проник в массы и под руководством компартии мы сумеем завоевать в Германии красный Октябрь“.

Это письмо ярко говорит о том, что сдвиг в массе чрезвычайно велик, что затронута самая отсталая женская масса, что недалек тот час, когда „старая Германия“ капиталистов, „волков и псов вонючих“, наденет свой гробовой саван, сотканный руками миллионов рабочих и работниц, и к жизни возродится новая Германия — Германия Советов Рабочих Депутатов.

Оживление среди работниц, революционный подъем среди их говорит о том, что международный день 8-го марта встретит горячий отклик в сердцах работниц и пройдет под боевыми лозунгами германской компартии.

„Х о р о в о д“.

Отрывок из романа А. Страширова „Х о р о“.

А. Страширов, брат замученного софийской охранкой депутата М. Страширова, является одним из популярнейших писателей современной Болгарии. Выпущенный им недавно роман „Хоро“ заключает в себе ряд потрясающих описаний сентябрьских убийств 1923 г.

Полковник вращал глазами от возмущения. Наконец, он принял решение и крикнул своего адъютанта:

—Лейтенант. Прикажите трубить тревогу и пусть деньщик подаст мне коня. Пойдите. Вышлите мне сюда первый патруль: на эту проклятую полицию нельзя положиться. Пойдите. Немедленно начните аресты всех прохожих. Всех без исключения.

Ад'ютант в третий раз пристукнул каблуком и вышел.

Старый полковой батюшка Нако нервно прикоснулся пальцами к вискам и забормотал про себя:

—Тебе хочется арестов? погоди, погоди. Будет история... Когда начинают убивать под нашими окнами, значит—крестьяне уже под городом... Бог знает, что нас ждет завтра...

Но полковник сразу прекратил это бормотание.

— По местам, господа.

Он подбоченился.

—Ах, так!.. Уложить полицейского вахмистра у меня под окном!..

Все снова замолкли. Батюшка трусливо вздохнул.

В ночи из безвестных полей, из темного далекого доносилось таканье пулемета. Кто стреляет? Столбы пламени рвались к небу, гудел набат, со свистом и ревом вылетали струи из брандсбоев.

Тяжело стучали и сжимались человеческие сердца в подвалах и других убежищах, в амбарах и конюшнях, и бились в такт с далеким стуком пулеметов...

Крестьяне поднялись, нет сомнения...

О, дикие звери, настал ваш конец.

Там, перед густой чащей фруктовых деревьев, сверкают штыки солдатской колонны. Перед ними теснятся женщины.

Белоснежная ночь простирает над садом свой светлый покров. Слышится треск затворов.

Из толпы привязанных к деревьям арестованных доносятся полузадушенные слова, глухие стоны. Вдруг кто-то кричит:

—Люди, нас хотят перебить!. Ой!..

Но тотчас же все умолкает—между деревьями показалась широкая серая фуражка.

Старый сапожник Капанов повернул шею назад к привязанному с другой стороны дерева сыну.

—Сабчо, они нас убьют. Они для этого сгоняют баб. Помни мои слова, ты это увидишь.

Сабчо застонал.

—Стыдись, Сабчо, не теряй духу, сынишка. Ты ведь мужчина.

Но Сабчо дрожал всем телом. Тяжело умирать молодым, а тут он ожидал еще первого ребенка. Если бы позволили хоть разок взглянуть на него, а потом пусть убивают.

Старый сапожник все это хорошо понимает.—«Собаки.»

—Вздыхай глубже, сынок, вот так.

И сапожник громко втянул в себя воздух. Но у Сабчо послышался лишь полузадушенный хрип. Он умрет еще до того, как они приткнут его штыком. Старый толкнул изо всей силы сына ногой.

—Глубже дыши, говорю я тебе, собака. Проклятие, ведь мы все равно перемрем.

Сабчо очнулся.

—Я не хочу умирать, отец.

—А я разве хочу? Но так много умерло людей, Сабчо. Быть может они тебя и не убьют. Что же будет, если начнут убивать молодых. Но смотри...

С соседнего дерева кричала хриплым голосом старая крестьянка Марга:

—Бо-же, за что меня убивать, я же женщина.

Старый Капанов вытянул голову—рядом отвязывали маленького адвокатика Дарленского.

—Начинается. Смотри, Сабчо, начинается.

Глаза Сабчо вылезли из орбит, губы опухли и потрескались. Он безумно закричал:

—Ой, помогите, люди. Они убивают нас.

Звериный вопль прорезал белоснежную ночь. Старый сапожник заворочался в своих путах. Люди, возившиеся с Дарленским, оставили его и подошли к Сабчо.

—Кто кричал?

Сабчо сначала притих, а затем снова завопил:

—Я-а-а.

Отец стиснул язык между зубами. Гулкий выстрел прикончил Сабчо. Белоснежная ночь стала ярко кровавой в глазах старика. Оттиснутые к задней стене дома женщины закричали и их истерзанные фигуры колыхались, как привидения, на темном фоне стены. Солдатские штыки сверкали, как канделябры на похоронах.

Пахло кровью. Женщины, выгнанные из двора, пробирались к груде трупов. Они рвали на себе волосы, дико вопили перед солдатской колонной. Засвистели плети:

—Замолчать.

Затем пришли начальник гарнизона, бургомистры, прокурор и несколько чиновников. Полковник выхватил саблю и послышался его грозный голос:

—Позор и проклятие всем изменникам отечества на вечные времена. Плюйте на них. Кто не будет плевать, того я уложу на месте.

... Все плевали.

Стали плетями сгонять женщин. Вот, кажется, и они начнут плевать. Впереди всех, видимо, помешанная, буйствует растрепанная и окровавленная жена убитого Капанова, кричит под ударами:

—Эх, вы, эх! Кто посмеет плевать, того я задушу своими руками.

Она подскочила к самой куче, подняла руки и впиалась когтями в тело.

—Мы не будем на них плевать, господин офицер. Ведь мы оторвали их от своего тела.

Занесенные плети застыли в воздухе. Все замолкло. Куча мертвецов стала пухнуть под покровом белоснежной ночи. Стало страшно до безумия. Полковник сперся о свою саблю и видно было, как у него дрожат ноги. Он что-то бормотал, затем лицо искривилось улыбкой:

—Хорошо, ты права... пусть так. Не надо плевать... Хорошо. Затем он качнул головой и торжественно крикнул:

—Музыку. Давай сюда музыку. Эй.

Женщины бросились было назад, но их задержали.

—Хоровод. Музыка, играй хоровод.

Оркестр заиграл. Полковник замахнулся саблей:

—Бур омистр, веди хоровод. Все сюда. Танцуй, говорю я. Если не будете танцевать, я завалю вашими трупами всю Марицу.

Жена Капанова, расставив ноги, вытянулась перед ним во весь рост и, как пьяная, шипела:

—Убивай, собака, убивай.

Полковник на мгновение сжался, но затем выхватил у полицейского плеть:

—Танцуй, старая ведьма.

Капанова схватила его своей окровавленной рукой и прыгнула, как разъяренная тигрица.

—Эй, офицер, танцуй.

Полковник отшвырнул ее ногой, а она заплясала на месте:

—Эх, черная земля. Эх, сладкая земля. Эх! эх!. Расступись подо мной, раздайся, сволочь. Проглоти нас, эх, земля!

Работница и крестьянка в СССР.

В международный женский коммунистический день вся страна под руководством партии проводит проверку того, что сделано для вовлечения работниц и крестьянок в социалистическое строительство и по их раскрепощению.

Еще в декабре 1868 г. Маркс писал о том, что „общественный прогресс может быть измеряем только по общественному положению женщин“. Если с этой точки зрения подойти к тем достижениям, которые имеются в нашей стране, можно со спокойной совестью сказать, что движение вперед у нас идет гигантскими шагами.

Убедительным языком цифр можно показать ту колоссальную революцию, которая произошла в общественном сознании по отношению к правам и обязанностям трудящихся женщин.

Не только подрастающее поколение воспитывается уже в духе новых понятий, но и старое поколение как города, так даже и деревни, признало свершившийся факт и, если можно так выразиться, борьбу против женского равноправия прекратило.

Мы до сих пор еще недостаточно оценили этот, огромного значения, исторический факт. Имеется рост участия трудящихся женщин в производстве, в организации хозяйства, в управлении страной; одновременно идет работа по раскрепощению трудящейся женщины от домашней кабалы (организация детских учреждений общественного питания и пр.).

Еще на 1-м конгрессе I Интернационала Маркс вел борьбу с прудонистами по т. наз. „женскому вопросу“. Он уже тогда поставил перед пролетариатом задачу добиваться специальной охраны женского труда, создания условий, которые давали бы возможность женщине участвовать в производстве и рожать здоровых детей.

Тов. Ленин развил эту мысль в целую программу, которая вошла составной частью в программу нашей партии. Во всей работе среди трудящихся женщин все время красной нитью проходят эти две основные задачи—поднятие культурно-политического уровня и подготовка работниц и крестьянок к участию в социалистическом строительстве и одновременная работа по их бытовому раскрепощению.

Условия хозяйственного развития не дали возможности к 10 годовщине Октября развернуть бытовую работу до тех пределов, которые обеспечили бы работнице и крестьянке все необходимые условия для абсолютно равноправного участия в общественной работе. Несмотря на это, можно с удовлетворением констатировать, что результаты в области роста политического сознания и активности женской массы весьма значительны.

Самой сложной твердыней, которую пришлось завоевывать трудящейся женщине, были органы управления—Советы. От сельсовета до ЦИК'а. Труднее всего было в этой области пробить брешь в толщу народных предрассудков, которые заключались в том, что управление государством—не женское дело. И сама женская масса чрезвычайно осторожно и медленно приобретала веру в свои собственные силы, веру в свои права на сложную работу управления государством. Имеющиеся далеко не полные цифры НКВД РСФСР дают следующую картину: по 388 округам и уездам и 538 городам в 1924 г. участвовало в выборах 19,9% женщин, в 1925—26 г.—28,7%. Избрано было в 1924—25 г. в члены сельсоветов — 9%, в 25—26 г.—10,5 женщин. В городах участвовало в выборах в 24—25 г.—27,5% женщин, в 25—26 г.—38,1%. Избрано в члены горсоветов: в 24—25 г.—18,6%, в 25—26 г.—19,5%.

Этот сухой язык цифр говорит хотя о несколько медленном, но неуклонном росте как политической активности женских масс города и деревни, так и росте политического доверия к ним со стороны всего трудящегося населения.

Рост процента женщин, избираемых в городские и сельские советы, при условиях проводимого партией общего курса на рабочую демократию, имеет особое значение, ибо при последних выборах население избирало тех, которым оно в той или иной мере доверяло, кому оно совершенно добровольно и сознательно поручало такую ответственную работу. Происходящие теперь перевыборы советов должны закрепить и двинуть дальше имеющиеся в этой области достижения. Данные кооперации, рост числа пайщиц города и деревни, рост числа и процента трудящ. женщин в органах управления и контроля, равно как и цифры профсоюзов, говорят о том же. В профсоюзах имеется 2.217.000 женщин.

В промышленности женщины составляют 708000 или 27%.

Число пайщиц в кооперации возросло за год с 889778 до 1.035442 г.

В первую очередь этот сдвиг является результатом общего под'ема культурно-политического уровня масс трудящихся и тех специальных форм и методов работы, которые партия в течение всех лет с успехом проводит среди трудящихся женщин.

Делегатские собрания работниц и крестьянок дали стране и партии тысячи и тысячи полезных работников во всех областях социалистического строительства. Делег. собрания как в городе, так и в деревне, завоевывают себе все больше и больше признания, как общественная единица, служащая, при правильном руководстве, надежной опорой партии, советам, профсоюзам и кооперации в их работе. Всего делегатов в прошлом году было 484820 ч., из них работниц 96073. Примерно каждая десятая работница — делегатка.

Работа дала значительные достижения и в области роста интереса к учебе, грамотности, культуре. В ликпунктах, на курсах, рабфаках, школах и вузах, везде растет напор со стороны женской молодежи, растет число трудящихся женщин, через учебу готовящихся к общественной работе. Особенно важным является рост % и абсолютного числа женщин в школах ФЗУ. В некоторых отраслях промышленности % женщин в ФЗУ превышает % занятых в производстве (у текстилей).

Не взирая на все хозяйственные трудности, работа по бытовому раскрепощению значительно продвинулась вперед, что выявилось не только в росте числа детских учреждений (ясли, детские сады и площадки и пр.), организации общественного питания и др., но также в том огромном внимании, которое эта работа приобретает среди взрослого трувящегося населения города и деревни.

К этой работе привлечена самодеятельность широких масс трудящихся. Сейчас уже приходится не агитировать за ясли или за общественную столовую, а помогать их строить, чтобы удовлетворить все растущие потребности в них. По сведениям Наркомздрава по СССР имеется 739 постоянных яслей, 585 детских консультаций. Летних сельских консультаций 3056 и пр.

К 10-й годовщине нельзя не отметить, как показательного культурного роста женских масс, тиражи и спрос как на специальные журналы для работниц и крестьянок, так и на специальные книжки, которые в этом году были изданы в количестве 5 миллионов экземпляров (общий тираж женских журналов, издаваемых парткомами, равн. 345.500 экз.).

Особенное значение имеют достижения в работе среди восточных тружениц. Воистину нет более прекрасного зрелища, как демонстрация в день 8-го марта по старым городам Средней Азии, среди узких, кривых улочек, среди мужчин в красочных ярких халатах и тюбетейках, демонстрация женщин, снявших чадру и своим красным платочком бросающих гордый вызов одевающемуся в средневековье.

На советском Востоке имеются тысячи делегатов, членов советов, работающих в кооперации.

Богатый опыт и достижения партии в работе среди женщин имеет огромное значение и для всех братских компартий. Опыт ВКП переносится на Запад и Восток. В капиталистических странах создаются делегатские собрания, проводится огромная работа по превращению женской части трудящихся из резервов в активную действующую колонну мирового пролетариата, так же, как и в СССР, трудящиеся женщины составляют ряды активных строителей социализма.

Ф. Нюрина.

Наши достижения.

(Работница и крестьянка в Иваново-Вознесенской губ).

Рост активности в массах.

Необходимо проверить тот путь, который прошла работница и крестьянка нашей губернии за последний год. День 8-го марта—день подсчета наших сил. А работница и крестьянка—это великая сила в нашем производстве и в сельском хозяйстве губернии. 85 тысяч работниц работает на фабриках. Крестьянка несет основную тяжесть в сельском хозяйстве, которую бросают на ее плечи «мужики», уходя на отхожие промыслы.

Надо сказать, что пройденный путь является путем крупных достижений.

Общая сознательность работницы и крестьянки повысилась. Выборы в фабком, выборы в Советы показали это. Женская масса участвует в выборах наравне с мужской массой.

На выборах фабрично-зав. комитетов работница на 55% присутствовала на выборных собраниях. Это значит, она шла на выборы в фабком в том проценте, в каком была она на производстве.

Идущие в настоящее время перевыборы в Советы дают еще более яркую картину активности работниц. За редкими исключениями работницы сознательно принимают участие в выборах и дают от 60 до 80% посещения в выборных собраниях.

В кооперации рост пайщиц-работниц идет непрерывно: В 23-24 году—23.926 ч., в 25 году—28.170 ч., в 26 году—38.659 ч.

Эти цифры говорят о большом и глубоком сдвиге в женской рабочей массе.

Но выборные собрания выявили и другое: работницы глубже и серьезнее подходили к разрешению вопросов, выдвигали ценные предложения по режиму экономии, улучшению жизни детей, стройки жилищ, приспособленных к коллективной жизни. Твердо и сознательно поддерживали свои кандидатуры и защищали их, когда в этом была надобность, чего раньше на наблюдалось.

У работницы заметен рост веры в свои силы.

Крестьянка в своей массе идет за работницей, несмотря на неблагоприятные моменты, которые имеются и от которых она пока бессильна избавиться. Непризнание крестьянки, как общественной работницы, все еще имеющее место в деревне, развивающееся пьянство, зверское подчас отношение к женщине,—все это большой порок для крестьянки, который она должна преодолеть, и она его преодолевает. Происходящая сейчас выборная кампания в Советы выявляет большую активность крестьянок. Процент посещения выборных собраний крестьянками повысился не на один или два процента, а приблизительно на 15—20% против прошлого года.

Это огромный сдвиг, и этот сдвиг массы чувствуется в повышении требований, которые выдвигают крестьянки: больше яслей, детплощадок, изб-читален, требования социального страхования по материнству.

Прямое участие в стройке.

Растет сознание женской трудовой массы, растет участие женщин на выборной работе. Это наглядно видно и у работниц и у крестьянок.

В профсоюзах.

В Губотделах Союзов было женщин: в 1925 году—37, в 1926 году—50. В уездных отделениях Союзов: в 1925 году—44, в 1926 году—98.

В фабрично-зав. к-тах и Месткоммах.

В пленумах: в 1925 году—24,1%, в 26 году—26,5%; в рабочих аппаратах: в 1925 году—15,5%, в 26 году—20,7%.

Следовательно, в рабочих аппаратах, там, где действительно люди несут всю тяжесть прямой работы, где надо действительно работать, а не сидеть, там количество работниц повысилось очень крупно.

А не надо забывать, что работать стало труднее и требование к кандидатам со стороны массы гораздо выше. Здесь работница выдержала крупный экзамен.

А вот высший орган профсоюзов губернии—ГСПС. В пленуме его было работниц: в 1925 году—12,7%, в 1926 году—19,5%; в президиуме: в 1925 году—10%, в 1926 году—13,5%.

Опять крупный, последовательный рост.

В кооперации прошедшие перевыборы показали такой рост работниц и крестьянок в аппаратах кооперации:

Членов собраний уполномоченных в 1924 г.—ни одной женщины, а в 1926 г.—404; членов правлений в 1924 г.—11, а в 1926 г.—45; членов ревкомиссий в 1924 г.—9, а в 1926 г.—51.

Проходящие теперь перевыборы в кооперацию показывают рост женщин в аппаратах по деревенским кооперативам: было 26 женщин—членов правлений, стало 27 чел.; было 41 женщина члены ревкомиссии, стало 43, и это в то время, когда при выборах в аппараты кооперации в деревне были случаи явной недооценки сил крестьянки в кооперативной работе. Нет пока сведений о перевыборах правлений в рабочих кооперативах, но и там, несомненно, участие женщин возрастет. Наконец проходящая кампания перевыборов в Советы дает все основания предполагать, что % женщин в Городских Советах превысит прошлогодний. Из деревень поступают сведения, что % женщин в сельсоветах повышается против прошлого года, и идет значительное выдвижение женщин на должности председателей райсельсоветов.

Через какую работу идет путь работницы и крестьянки к рулю советского управления, в профсоюзы и кооперацию, даже в партию? — Этот путь лежит через делегатские собрания работниц и крестьянок, которые охватывают в настоящее время 14 тысяч человек. Вот что говорят итоги работ делегатских собраний работниц в нашей губернии (выборка по 7 районам): из 6221 делегатки закончило работу 4302 делегатки. Из них было неграмотных 531; 301 работница выучилась читать и писать. Из 4302 делегаток избрано на разную работу 1147 человек. В составе делегатских собраний вырос актив, который ведет за собой массу работниц—1432 человека.

По праву можно сказать, что делегатские собрания стали тем водоемом, из которого все организации черпают новые, свежие силы для строительства, а партия новых борцов революции.

За зиму 25-26 года вступило в партию 404 работницы, из них 337 были делегатки.

В партию работница идет не очень быстро, держится на одном уровне—23% по отношению ко всему количеству вступивших в партию. Это объясняется тяжестью семейных условий, но рост крестьянки в партию идет непрерывно. Заметно другое явление: тяга к учебе. Есть тяга к политграмоте. В прошлом году в школах политграмоты было беспартийных работниц 375 чел.; в этом году 1300 человек женщин обучается во всех видах политучебы, помимо делегатских собраний, помимо кружков политграмоты и бытовых кружков. Другой показатель: работница и крестьянка выдвигаются в партии на руководящую работу: в составе уездных комитетов партии было 16,8% женщин, а в 26-27 году стало почти 20%; в бюро губкома была одна женщина, стало 2; в пленуме губкома было 9 женщин, стало 12; в составе бюро рабочих ячеек в 1926 году, в июле, было 16% женщин, в том же году, в декабре, 22,4%;

в прошлом году секретарей партийных комитетов было только 3 женщины на всю губ.; последние перевыборы дали такую картину: секретарей партколлективов 7, цеховых ячеек 4, деревенских 4, советских 2. Это составляет пока ничтожный %, но это все-таки шаг вперед.

Работница и крестьянка идет на социалистическую стройку, идет, перешагивая через значительную косность, перешагивая через трудность работы, упорно участь, практикуясь, овладевая умением управлять государством, перешагивая через тяжелый быт, который крепко еще хватает ее за ноги, пытаясь их связать на ее пути к работе и знанию; перешагивает семейную драму материнства и замужества, в том противоречии, которое создает общественная работа и семейные обязанности, и идет строить социализм.

Вместе с ростом участия женщины в стройке растет сеть учреждений, раскрепощающих ее от пут быта. Вот показательные примеры. В 1917 году было учреждений: домов ребенка 2 на 60 человек детей, яслей для детей работниц 4 на 280 ч.; в 1923 году было домов ребенка 9 на 280 детей, яслей для детей работниц 4 на 358 детей, яслей в деревне не было совсем, детских консультаций в городах—2.

В 1926 году картина резко меняется: домов ребенка 6 на 170 детей, яслей для детей работниц 33 на 2067 детей, яслей в деревне для крестьянок 100 на 2566 детей, детских консультаций для детей работниц 19, детских консультаций в деревне 5, молочных кухонь для выдачи бесплатно молока 15 на 3000 порций, консультаций для женщин 12.

Здесь мы видим большой рост учреждений, помогающих женщине, и этот рост захватывает деревню.

В 1927—1928 г. г., по сметам, сеть детских учреждений расширяется еще больше, строятся новые, специально приспособленные, здания под эти учреждения. Рабочий класс вкладывает капитал в дело раскрепощения работниц и крестьянок. В 1927 г., благодаря настойчивым требованиям работниц, удастся расширить сеть дошкольных детских садов до 12, вместо имевшихся 4, летом открыть 43 детских площадки с питанием для детей, открыть дом отдыха с детьми для матерей на 50 коек, расширив его к 1928 г. до 100 коек. Идет большая работа по организации в яслях вечерних комнат для детей; для более взрослых детей организуются комнаты при клубах (Зарядье, БИВМ).

Пробивая себе дорогу к общественной работе, направляя свои усилия на стройку социализма, великую стройку нашего времени, работница постепенно рвет путы, которые связывают ее, путы старого быта—семьи и корыта. Ту огромную работу,

которую выполняют работницы и крестьянки в великой стройке, те жертвы, которые они приносят, начинают оценивать общественные организации, начинает оценивать вся масса рабочих, и если Ленин говорил, что потом мы будем двигаться вперед с огромной быстротой, если подтянем за собой всю массу рабочих и крестьян, то надо прямо сказать, что мы видим уже теперь первые шаги этого движения вперед.

Н. Алексеева.

Восточница и борьба за ее раскрепощение в С.С.С.Р.

Наша работница слышала о „восточнице“, слышала о том, что восточница наиболее угнетенная женщина в мире. Но вряд ли знает наша работница севера быт и жизнь восточницы в С.С.С.Р., знает про ее борьбу за свое раскрепощение, про усилия советской власти вывести восточницу на светлую дорогу человеческой жизни и советского строительства. А между тем в нашем огромном государстве, на его окраинах, существуют целые республики: в горах Кавказа, в Средней Азии, на Крымском полуострове, в далеких Киргизских степях,—жизнь которых сложилась совсем иначе, чем жизнь центральных районов. Полудикие горские племена, кочевники, у которых нет постоянного жилья, которые вместе со своими стадами переходят с одного места степи на другое,—вот где выковалась рабская доля женщины-восточницы.

Жалкое и позорное наследство оставило советской власти царское правительство в национальных республиках и областях. Завоевав эти области мечом и огнем, царское правительство держало их в „черном теле“, тормозило их развитие, поддерживало вражду между отдельными племенами и народами, чтобы легче было ему справиться с ними. Спаивало и разоряло население этих областей.

Царское правительство поддерживало всю затхлую старину их обычаев, подкупало их князей и священников, чтобы держать народ в кабале, и кроме того усиленно насаждало „русский язык“, „православие“, которое еще больше отталкивало эти народы от „русских“, лицо которых они видели в своре жадных и жестоких чиновников, грабителей-купцов и скупщиков.

Русское правительство царизма сделало свое дело. Оно сделало ненавистным для этих народов самое слово „русский“. А эти области постепенно еще больше делались отсталыми, нищими областями. Ведь царизм поступал с этими народами совсем так, как теперь хищники капитала поступают со своими колониями. Боязнь всего „русского“, враждебного им заставило

народы угнетенных областей еще крепче цепляться за свои старые дедовские обычаи, а среди этих первое место занимало угнетенное бесправное положение женщины.

Только теперь, когда образовалась советская власть, когда самый маленький народ стал равным в Российской Федеративной Республике, только теперь, когда власть перешла в руки советов рабочих и беднейших крестьян, когда были прогнаны князья и бай, только теперь, когда Советская Республика делает все, чтобы поднять окраины, помочь им стать на ноги, — народы далеких восточных окраин поняли значение Октябрьского переворота, сущность советской власти и жадно потянулись к новой, пробудившей их жизни. Окраины оживают и пробуждаются, начинает развиваться промышленность, начинает крепнуть культурная жизнь, выдвигаются строители советской общественности из прежде забытых и угнетенных, темных кочевников. Это сделала советская власть. Но старые болячки не так скоро проходят. В этих областях советский закон дал полное уравнение в правах работницам и крестьянкам, призвал женщину Востока к строительству социализма. Но сила обычая и религии еще велика, и труженица Востока еще не сумела полностью взять в свои руки те права, которые дал советский закон — и только путем величайших усилий партии, советских органов втягивается в великую стройку женщина Востока. Это движение идет, нарастает и всему миру являет величайший пример освобождающей силы пролетарской власти, когда тысячи женщин порывают с рабским прошлым, сбрасывают душные покрывала затворничества и вступают в великую пролетарскую семью, строящую новую жизнь.

Не без борьбы дается это право труженице Востока. В большинстве восточных областей распространено магометанство, религия ислама. И она, как всякая религия, затуманивает сознание народа и освящает „своим божественным законом“ самые дикие и зверские обычаи, и среди них первое место занимает отношение к женщине.

По мусульманским обычаям и законам женщина лишена всех прав:

она должна: безусловно подчиняться мужу. Угодать всем старшим в семье. Не может развестись с мужем. Муж может развестись без ее согласия. Разведенная жена не имеет права никогда взять своего ребенка. Она может быть снова продана в замужество своими родственниками. По смерти мужа его имущество переходит его родным, а не ей.

Девушек выдают замуж насильно, часто тогда, когда им исполнилось 8, 9 лет. Бывает, выдают таких детей за стариков.

Девушку можно взять замуж только за „калым“, за выкуп, который платит жених родителям. Выкуп этот очень высок. Женщина не имеет права на землю, в безводном Туркестане на „воду“.

Кроме этих ужасных законов, оставляющих женщин в рабстве с детства до могилы, жизнь восточницы, особенно кочевницы, тяжела и по другим причинам. Она не только рабыня тела, она рабыня труда. Женщина в семье скотовода всю работу несет на себе. Мужья только торгуют и пасут скот, переезжая с одного места на другое.

В горах Кавказа женщина тоже главная рабочая сила в семье, в поле, около скота, в домашней и кустарной работе. А муж воин, торговец, джигит (молодец). Нельзя сказать, что нашей северной крестьянке хорошо живется. Некультурность, дикость здесь тоже велики, мужья бьют жен, женщина рожает часто в поле, но по сравнению с восточницей ей хорошо живется. Вот кочевница: она живет в юрте. Ветер и холод свободно туда проникают, задувает снег. Костер разведен просто на полу, воняет навозом, дым выедаёт глаза, кругом невылазная грязь. Здесь она живет, работает и умирает.

В Монголии существует пословица:

„Чем больше сала на халате, тем человеку больше почести“. Роды у женщины - кочевницы Казакстана вызывают ужас: на роды собираются самые здоровые парни. Садятся вокруг женщины, начинают выть, кричать, дразнить ее, кривляться—они думают, что этим они отгоняют „злых духов“. Наконец самый сильный выдавливает ребенка из живота, иногда прямо с маткой. Сколько погибает матерей и ребят при этой „помощи“. Женщина восточница и в горах Кавказа и в Средней Азии не смеет показать свое лицо. Они в покрывале избегают шумных улиц, не смеют зайти в магазин, на базар. В некоторых местах Средней Азии существуют отдельные базары для женщин, куда мужчина не смеет зайти.

И вот в таких то условиях партия и Советская власть борется за равноправную и человеческую жизнь восточницы. Партия прежде всего заботится о том, чтобы разбудить „восточницу“, разбудить в ней желание к учебе, к свету, к знанию, к свободе, потому что, пока сама восточница не поймет своих прав, она останется во власти старых обычаев.

И партии это удается, хотя с огромным трудом. Восточница сбрасывает покрывало, преодолевает семейную кабалу, идет в комсомол, в партию, бежит из аула в город, под защиту женотдела, пробивает себе дорогу в совет. Становится сама женотделкой и борется за раскрепощение восточницы. Но это не легкий путь: достаточно сказать, что в одной Азербайджанской республике за 4 месяца было убито 25 женщин своими мужьями за то, что они взяли развод через Народный

суд без согласия мужа. Много женотделок, комсомолок поплатились жизнью за то, что они порвали оковы своего рабства.

Партия дело пробуждения восточницы проводит осторожно, но неуклонно. Какими способами?

Правительство наделило восточницу землей, и в Средней Азии „водой“, борется с „калымом“, и в этой борьбе поддерживается беднотой.

Партия борется с многоженством и выдачей малолетних замуж и это наиболее трудная борьба. Она открывает клубы для женщин, организует при этих клубах мастерские для них, организует кружки. Теперь таких клубов по Востоку организовано свыше 60—многие из них насчитывают по 3.000 членов женщин. Здесь получает политическое свое воспитание восточница. Этими клубами охвачено 25.000 ч. восточниц.

Советская власть организует артели для женщин востока, давая этим возможность независимого существования. Она открывает фабрики, в которые вовлекаются восточницы, где из них выковываются руководящие кадры пролетарок восточниц. Партия создает делегатские собрания восточниц, которые охватывают около 40 000 восточниц и связывают через делегатов многие сотни тысяч женщин. В глухие уголки партия посылает смелых агитаторов, которые на языке восточниц рассказывают им про партию, борьбу рабочего класса и права восточниц, защищают женщин от произвола и часто жертвуют жизнью от напряжения сил в суровой обстановке жизни или от удара ножа обозленного богача.

Последнее время в степях стали организовываться „Красные юрты“—передвижные повозки, которые едут вместе с кочевьем в степи вместе с работниками, ведущими работу среди женщин. Партия вызывает все новые и новые женские силы и дает им возможность учиться, чтобы вернуться со знаниями к своему народу.

И есть уже большие достижения на востоке.

В советах участвуют уже 17.596 женщин. Они уже принимают участие в строительстве советов. Сотни де-ушек учатся в высших школах. И в день 8-го марта все громче звучит голос пробужденной восточницы, которая перекликается со своими сестрами по труду.

Велико значение пробуждения нашей восточницы и для всего зару-ежного востока.

Женщина Китая, Афганистана и Индии воочию видит, что дает Советская власть восточнице, и тем ярче загораются ее симпатии к советской стране, и она примыкает к великой борьбе за освобождение человечества от власти капитала.

В день 8 марта, в международный красный праздник, пошлет русская работница привет своим сестрам восточницам и призовет их к дальнейшей борьбе за новую лучшую жизнь.

Наталья Силина.

1905—1917.

«Лучше брошу собакам, а вам не дам» (Ответ фабриканта Гарелина собравшимся рабочим на их требования о повышении заработной платы).

Нелегко жилось рабочим и работницам накануне первой русской революции 1905 года.

Низкая заработная плата, чрезмерные штрафы, грубое обращение, все это толкало рабочих на борьбу, заставляло их искать защиты от гнета. Темный, забитый рабочий эту защиту видел в царе-батюшке, которому «достаточно узнать о положении рабочих и все будет сделано для облегчения их участи». Вот этой-то защиты и пошли искать рабочие с женами и детьми к Зимнему дворцу в Петербурге 9 января 1905 года. Но царь-батюшка обманул надежду собравшихся с хоругвями и иконами рабочих. Вместо слова защиты свинцом он ответил безоружной толпе, стоявшей на коленях перед дворцом. Алая кровь окрасила площадь. Трупы расстрелянных мужчин, женщин и детей остались свидетелями царского произвола. Свинцом были не только расстреляны собравшиеся, но и у оставшихся в живых этим свинцом была убита и вера в царя. Рабочие убедились, что царь им не защитник, что спасение лишь в их борьбе. Забастовками, прокатившимися из конца в конец по всей стране, ответили рабочие на царский произвол, на свое безвыходное положение. В этих забастовках рабочие выставляли требования не только улучшения своего положения, но и свержения царя. Не миновала эта забастовочная волна и Иваново-Вознесенских текстильщиков.

Начавши с экономическими требованиями майскую забастовку, Ивановские рабочие, на опыте борьбы увидевшие связь буржуазии с правительством, уже скоро присоединили и политические лозунги, выдвигаемые большевистской партией, — «управление страной через своих выборных».

Первый в стране Совет рабочих депутатов, возникший на Талке, взял на себя руководство борьбой Ивановских пролетариев. Талка стала сердцем бастующих рабочих, отсюда они уходили, окрыленные надеждами на успех.

16 июня казацкие штыки и нагайки напоили берег Талки кровью рабочих, собравшихся для обсуждения своих нужд.

Как и после кровавого воскресения в Петрограде, Ивановские рабочие не сломлены окончательно после расстрела на Талке. В них только ярче разгорается ненависть к своим угнетателям, к тем, которые «лучше собакам бросят, а рабочим не дадут». Они лишь яснее сознают необходимость беспощадной борьбы, борьбы до конца с ненавистным капиталистическим строем.

Начавши «кровавым воскресеньем», пройдя стачечную волну, рабочее движение в 1905 г. кончается открытой борьбой московских пролетариев с царским правительством на баррикадах Красной Пресни.

Революция 1905 г. потерпела поражение, но она расчистила путь для победы рабочих в 1917 г. Она указала рабочим и работницам единственный путь борьбы с капитализмом под руководством большевистской партии, она указала на необходимость в борьбе иметь прочный союз рабочего и крестьянина. Она породила на свет Советы рабочих депутатов, сделавшихся не только органами революционной борьбы, но и органами социалистического строительства. Она была репетицией 1917 г.

Заготив после 1905 г. бунтующие массы в крови, царское правительство вместе с буржуазией начало новую грабительскую войну.

3 года кровавой бойни чрезвычайно ухудшили положение рабочего класса. Все возрастающая дороговизна сводила на-нет прибавку заработной платы. Голод. Часами мерзли работницы в очередях, чтобы получить на семью фунт—полтора хлеба. Не лучше положение крестьянства, которое страдало от недостатка скота, рабочих рук. А война несла в результате еще новые налоги. Царское правительство показало всю свою гнилость и невозможность вывести страну из тупика. Буржуазия, боясь своей гибели, волновалась.

Недовольство всех слоев населения росло. К этому прибавилось брожение в армии. Солдаты становились дезертирами.

Волной прокатились по стране забастовки в 1917 году. Рабочие выдвигали требования уже не только прибавки заработной платы, уменьшения рабочего дня, но, под влиянием работы большевистской партии, они выдвигали и новые лозунги: «Долой войну, долой самодержавие».

Работница, с войной заменившая в производстве в значительной мере мужчину, горячо поддерживает эти требования. Особенно сильно разрослись беспорядки и забастовки на фабриках 22, 23, 24 февраля.

23 февраля, (по новому стилю 8 марта) работница Ленинграда вышла на улицу с красными знаменами, с требованиями «Хлеба, мира, возвращения мужей с фронта».

Это было боевое выступление работниц вместе со всем рабочим классом против самодержавия.

Царизм пал под натиском восставшего пролетариата, собравшего под революционные знамена крестьянство. Но взять в свои руки власть пролетариат оказался слаб. У власти снова буржуазия, старающаяся использовать свою власть для собственного укрепления, для доведения грабительской войны до победного конца.

Но наряду с буржуазным правительством во всех крупных промышленных центрах возникают более революционные органы власти—Советы Рабочих, Крестьянских и Солдатских Депутатов, пока еще находящиеся под влиянием меньшевиков.

Весь период от Февральской до Октябрьской революции прошел в неутомимой работе большевистской партии по раз'яснению массам политики буржуазного правительства и их помощников эсеров и меньшевиков, в работе по организации масс на борьбу за Советы.

В этой работе работница заняла почетное место. Вместе с рабочим классом она идет на демонстрацию в июльские дни и там подвергается расстрелу. Она идет в солдатские казармы для раз'яснения истинного значения событий и привлекает армию на сторону большевиков. Работницы собираются в заводах и выносят требования 8 часового рабочего дня, улучшения условий труда и прекращения грабительской войны. Временное Правительство, правительство капиталистов и помещиков, своим нажимом на рабочий класс показало работнице, кто ее друг и кто враг. Рабочая масса все более и более идет за большевистской партией, идет за ее лозунгами.

Не была в стороне от общего дела и Иваново-Вознесенская работница. Наиболее сознательные из них подготавливали массы к новой борьбе, борьбе за Советы, борьбе за право на лучшую жизнь. Вот как описывает одна работница—Смирнова (Родники)—отношение рабочих к Советам.

— «Митинг. Море голов. На трибуне большевик, раз'ясняющий политику буржуазии. Оратор говорит, что ни Керенский, ни Милюков, ни другое буржуазное правительство не дадут прав рабочим и крестьянам. Это сделают только Советы. Затем выступают меньшевик и эсер, которые говорят, что, мол, сразу Советы нельзя, что рабочие не справятся с этой работой, так как темны и еще несознательны. Но ни «Учредилка», ни Керенский, ни Милюков не заслужили внимания наших чумазных героев. Одно кричат—«Даешь Советы, нам нужны Советы». Стоявший со мной рядом благообразный мужичек с примазанными волосами и говорит: «А ты чего орешь? Каких тебе Советов? Баба, а туда же орет».—А я ему заявила, что, если все бабы заорут, вот тогда и будут Советы».

Вместе с рабочими работницы перед Октябрем с оружием в руках охраняли фабрики от расхищения буржуазией, чувствовавшей свой скорый конец. «Октябрь» был подготовлен пар-

тией в массах. Нужен был только сигнал, чтобы рабочая масса ринулась в бой.

Рабочая революция победила. Началась громадная работа по укреплению молодой республики, по упрочению завоеваний Октября, по строительству новой жизни. И в этой работе от 17 года до наших дней громадная доля проделана женщинами-работницами. Вчерашние ткачихи—сегодня с винтовкой защищают октябрьские завоевания на фронте, собирают средства и силы на борьбу с врагом в тылу, организуют жизнь на новых началах и везде проявляют стойкость, неутомимую энергию. Но это не все. Нужны новые силы для дальнейшей работы. Нужна смена. Она идет.

Е. Булыгина.

Больничная касса на Родниковской ф-ке.

В 1912 году правительство издало закон об организации больничных касс. Рабочие знали, что эта подачка им досталась не даром. Они несколько раз заявляли о своих правах и интересах правительству, но оно отвечало им нагайками, арестами, расстрелами. Так было и тогда. В 1913 году у нас на фабрике вывесили об'явление, гласившее о выборе уполномоченных в больничную кассу. Рабочие заволновались, ожили, с оглядкой собирались кучками, читали об'явление, обсуждали кого выбрать.

Некоторые говорили: «мы выберем уполномоченных, а их потом и уволят с фабрики, или арестуют». Толкам и пересудам не было конца. Отнеслись сознательно, даже женщины проявили себя. На ф-ке работало 12 тыс. Надо было избрать 85 человек. Результат выборов оказался таков: из 85 чел. было около 15 чел. женщин. Всем уполномоченным дали по книжке «Нормальный устав больничной кассы». Этот устав не вполне удовлетворял рабочих, и мы решили выработать свой рабочий устав. Когда устав был выработан, надо его было обсудить всем уполномоченным. Администрация же фабрики с организационным собранием почему то медлила. Они тоже готовились и заседали в главной конторе, а мы в лесу.

Я никогда не забуду этого заседания! Кончался сентябрь, серые тучи ходили по небу и сеяли мелкий дождь. Деревья освободились от листьев и стояли тихо, тихо, как бы погружаясь в печальные думы.

Свисток возвестил об окончании работ. 10 часов вечера. Рабочие, после тяжелого труда, спешили на покой, только уполномоченные, выйдя за ворота, поджидали друг друга, чтобы направиться к указанному месту. Я тоже дожидалась товарища Шашкова И. М. Это был старый рабочий-партиец. Мы шли

последними. Ночь темная. Мне было жутко. Я первый раз в жизни шла на тайное собрание в лес, о которых так много слыхала. Шли по линии железной дороги, а по мостовой раздавался конский топот. Это стражники делали ночную облаву. Дошли до переезда. Я едва разглядела человека, сидящего на барьере, который тихо сказал: «вправо», а направо был лес, где и назначили сборный пункт. Прошли несколько шагов, никого. Молча идем дальше: Свернули влево, и я увидела толпу, такую же безмолвную, как лес. Подошла. Стоим, затаив дыхание. Эта картина сильно взволновала меня. Лес показался таким величественным, как эта толпа. В непроглядную ночную тьму, в дождик, усталые пришли рабочие в лес обсуждать свои насущные вопросы. Только здесь, в этом лесу, чувствовали они себя хозяевами. На краю леса собрание открывать было опасно, потому что могла накрыть полиция, и мы пошли дальше, спотыкаясь о пни, кувыряясь через канавы, полные воды. Пришли в такую чашу, что дальше идти нельзя. Тут и остановились. Выбрали председателя и секретаря, открыли собрание. Зачитали выработанный устав, внесли кой-какие поправки. Дальше стали обсуждать, как поступить, если не примут наш устав. Тогда решили отстаивать самые главные пункты. На этом и кончилось наше собрание.

На следующий день нам вручили повестки, приглашавшие нас на первое организационное собрание, в 6 часов вечера. Явились все. Собрание открыл директор фабрики П. Х. Матисен, в настоящее время директор Ткацкой фабрики. Он об'яснил, для чего выбрали уполномоченных и что такое больничная касса. Нам предложили заслушать «Нормальный устав», Заслушали, но принять отказались и выдвинули свой рабочий устав, и когда тов. Думин Ф. М. подал устав председателю, тот положил его на стол и сказал, что это нелегальщина, и отказался зачитывать. Так неудачно кончилось первое заседание.

В эту же ночь были арестованы: молодой слесарь К. В. Уханов, в настоящее время председатель Моссовета, слесарь т. Жуков, его уже нет в живых, и проборщик Майоров А. А. (он оказался провокатором и в настоящее время отбывает наказание).

В числе уполномоченных работала Лебедева А. М. (тоже оказалась провокаторшей и отбывает наказание вместе с Майоровым в Иваново-Вознесенском Губисправдоме).

Потом пригласили нас на второе заседание и заявили: Или принимайте устав, или не будет открыта «больничная касса». Мы попросили сделать перерыв и решили принять «Нормальный устав» с изменениями некоторых пунктов, на что хозяева и согласились.

В. Смирнова.

Как прибыл шрифт в Родники.

Теплый, sereneкий весенний день. Я и моя подруга—учительница из соседнего села—идем в Родники от станции Горкино. Идем медленно, тихо. Мы исполняем ответственное поручение—доставляем в Родники шрифт. Нужно было провезти его по железной дороге от Костромы и переправить от Горкино до Родников так, чтобы ни у кого даже и крошечной тени подозрения не возникло. Упакован он на подобие стопок с книгами. Для нас, учительниц, этот груз вполне понятен,—мы возвращаемся с Губернского учительского съезда с «литературой». Долго тащимся до Родников... Устали... ноют руки, плечи... А в душе птички поют... Ведь скоро мы свою типографию наладим, будем сами печатать прокламации, разъясняя рабочим и крестьянам сущность капиталистической эксплуатации, наводним этой литературой округу, район, развеем всюду «семена крамолы», как сказала бы фабричная администрация.

А мы идем и радуемся: «Как ты думаешь, Вера, к первому мая мы выпустим свои листовки?» Да.

И хочется, чтобы поскорее было это первое мая, к которому мы изготовим сотни листовок и разбросаем среди рабочих.

А сейчас нужно идти осторожно, делать спокойное невозмутимое лицо перед встречными, чтобы ни в ком, ни у кого никакого подозрения.

Вот и Родники. Ворота благополучно пройдены. Мы на Захаровке. Шрифт водворен на место в квартире Ю. П. А. и нас никто не выследил. Ведь мы только учительницы, возвращающиеся с Губернского съезда с «литературой».

Е. Емельянова.

Депутатка в первом совете.

Поступила на фабрику Гарелина в 1898 г. Жизнь была очень тяжелой; над нами, работницами, издевались. Не было отдыха. Жизнь тянулась нудно, как осенняя ночь.

Вдруг прорвало. Начались маевки. Прокламации, листовки запыльхали своим разноцветом. И здесь началась новая жизнь для меня. Первый раз я пошла на массовку, которая была на Сластихе, массовку разогнали казаки, арестовали некоторых и перепороли. С тех пор я и стала ходить на собрания.

Помню, 12 мая 1905 г. около 5 часов вечера пришли к нам на фабрику и велели выходить. Станки остановились. Мы пошли на другие ф-ки выгонять рабочих, а потом к Управе, чтобы предъявить требования.

Предложили выбрать депутатов для переговоров с хозяевами. Я была выбрана депутаткой от ватерного цеха. Переговоры с хозяевами ни к чему не привели. Они решили взять нас измором.

3 июня около одиннадцати часов дня мы пошли на Талку, а там уже стоят казаки во главе с полицеймейстером Кожеловским. Депутаты собрались во главе с т. Дунаевым; т. Ноздрин открыл собрание. Кожеловский отдал приказ стрелять. Сначала было два холостых залпа, а потом боевой. Земля обагрилась алой кровью. Казаки пороли.

Когда очнулась—тело было испорото. Струилась кровь. Платье изорвано. Кто-то подал воды. Еле дотянулась до черно-рабочей больницы. Там уже ждали жандармы для ареста, но один доктор помог и спрятал в кабинете.

Измученная, испоротая, истерзанная, я отправилась домой. А по дороге дети и взрослые бросали камни и кричали: «вот идет политикантка». И от этого стало еще больней.

Забастовка окончена. Вышли на работу. Рабочие встретили враждебно: нужду они пережили большую. Обвиняли: «вы, мол, затеяли забастовку».

В день осенней Казанской церковь снабдила хоругвями, чтобы по городу прошла манифестация. Началась бойня. Церковь благословила. Одураченные рабочие в «черной сотне». Днем били евреев, а вечером депутатов.

Пришли к моей квартире человек 200, среди них все больше наших рабочих, которые меня выбирали. Стали кричать: «Где она? Мы ее разорвем!». Ворвавшись в квартиру, искали меня, но хозяйка говорила:—«Да разве я такую стану держать на квартире?»

Поздно вечером я с подругой ушла из Иванова в деревню. Но и там были против нас. Крестьяне узнали, кто мы такие, пришли и заявили хозяину: «Гоните их, а то придем с кольями, сами проводим». Опять в путь. Пошли на Кохомскую станцию, хотелось узнать, что в Иванове, а там увидели товарищей, тоже едва удрали. Только на четвертый день стихло...

Вернулись в город. Пошли работать. Но тут случилось нечто ужасное. Мы стояли за работой. Вдруг двинулась ткацкая. Станки остановились. Направляются к нам. Кто с гонялкой, кто с палкой. Идут нас бить. Охваченная ужасом, больше чем перед казаками, я встала на колени перед всей ткацкой, умолять, чтобы не били.

Раздались крики: «Спустите ее с лестницы, на ней креста нет!». Показала крест, кто-то его сорвал. А директор приказал итти в контору за расчетом. Я и еще несколько товарищей, выброшенные на улицу, два месяца скитались без работы. Кормиться нечем. На работу не брал никто. Пришлось во время каждой дачки стоять у ворот фабрики и просить у рабочих.

Давали, кто сколько мог. Собирали по 10-12 р. и делили между собой. Хозяевам и это не нравилось, приказали «гнать их от ворот, как собак!».

Полгода с подругой скитались без работы. Уехали в Кострому, там поступили на фабрику. Проработали около месяца. Потянуло домой, в родное Иваново. Поступили на фабрику Бурылина.

Наступил 1915 год. Снова фабрики встали.

Мы пошли к тюрьме выручать товарищей.

Я пошла с подругой, Катей Сергеевой. Грянул выстрел... Катю убили наповал.

1917 год. Были сомнения в победе. Боялась: повторится 1905 год. Связывали ребяташки...

А сейчас я в партии. В той партии, которая в 1905-м году звала к борьбе.

А. Крупетчикова.

Дни Талки.

Отец работал ткачем у Маракушева, а мать шпульницей у Бакулина. Было мне тогда 17 лет, и я тоже работала у Маракушева. Когда началась майская забастовка 1905 года, меня выбрали в Совет Рабочих Депутатов.

Первое собрание депутатов было в городе в Мещанской Управе.

3-го июня 1905 года расклеили об'явление: не производить никаких собраний.

А народ собрался на Талку—не меньше 10.000 человек, и все разбились по группам.

Только вышел тов. Дунаев говорить речь, все вдруг всколыхнулись: две роты солдат и полицеймейстер с двумя сотнями казаков. Тогда народ стал переходить через речку на другой берег. Полицеймейстер закричал: «расходись, здесь вам не место».

А народ ему кричит: «Вам здесь не место».

Полицеймейстер дает приказ стрелять...

Прозвучал первый залп, народ шарахнулся, а Дунаев громко кричал: «товарищи, не расходитесь, холостыми палят!»

Второй залп ударили. Потом еще залп...

Народ бросился....Две раненых женщины и молодой парень лежали навзничь...

— «Ловите Дунаева», кричат, а Дунаев побежал в лес.

Дошли до Шуйского тракта. Настигают казаки, да на счастье едет знакомый рабочий на велосипеде.

Я к нему: «Митя, постой, дай велосипед».

— «На что?»

— «Дунаев здесь в кустах, сейчас настигнут»... Ну, тот и дал. Дунаев только фуражкой махнул, крикнул: «ну, товарищи, спасайтесь, я теперь спасен» и поехал вдоль ж. д. линии. Редко кто, как он, ездил на велосипеде. Поезд перегонит.

Идем дальше, видим, лежит под кустом Зубковская ткачиха Гибкова, говорит нам: «не ходите, товарищи. Стреляют и меня ранили». Взяли мы у женщины шаль, положили ее и понесли в больницу.

Пришли домой, видим: зажгли Гандуринскую фабрику, побежали на пожар. Тогда было такое настроение у рабочих, что ходили днями и ночами, не ели, не пили. Такой был подъем у рабочих. Идем Шереметьевской улицей, столбы подпиливают и проволоку рвут, народ был раздражен до крайности.

Начали громить лавки и уже ничего не понимали... едут казаки или не едут, все равно.

Помню и еще один кровавый день... Печальная картина, за сердце берет.

Кончилась забастовка. Стали на работу. Дожили до осенней Казанской.

Народ был темный, как листок шатался: руководителей арестовали, а черная сотня имела влияние на рабочих, особенно среди подмастерьев, и подбивала избить депутатов.

И стали требовать: «давай депутатов!»; как выдали, то и давай депутатов бить.

У нас одну женщину избили до полусмерти, а на фабрике М. Гарелина (теперь Рабкрай) прядилку, подругу Дунаева, Лизу Скворцову убили на смерть, прямо шестерней раскроили ей голову.

А после сами же рабочие приходили в ужас:—«что же мы делаем?—говорили они,—сами выбирали сами и убиваем».

Работница *Кириллова*.

1905 г.

(Отрывки из воспоминаний).

Когда собрались на Талке, казаки стрелять начали. Все бросились бежать. И вот вижу, казак бросился за женщиной. Она в реку, он за ней, и давай ее хлестать нагайкой. Она тонет. Казак топит ее. Еще не успела отойти вперед, и снова жуткая картина перед глазами. Казак нагайкой хлещет работницу Гандуринской ф-ки Нарышкину. Она вся в крови, бровь рассечена, а мизинец руки и бедро раскроены. Я сорвала ленту с головы и повязала ей палец и бедро. Не успела оглянуться, как казацкая нагайка ударила мне по голове и по спине. Потеряла сознание. Долго потом болела. *В. Исаева*.

Революция 1905 года пронеслась радостным кличем, а жизнь у меня была тяжелая. Работала на фабрике Компании, на моих руках был больной муж и четверо детей. Начались забастовки, голодают ребяташки. Тянет на Талку. Обращаешься за помощью к матери, а там ответ был один: «Раз ходишь на собрания, будь, анафема, проклята и помощи от меня не жди».

Помогли соседи и стачечный комитет. Умер муж. Нужда заставила пойти к матери. И вот помню тот день, когда черная сотня разгулялась. Наш дом был разграблен, потому что брат был революционер. Добрались и до меня, хотели убить, спаслась у соседей.

М. Малышева.

Расстрел в 1915 году.

(Военный суд во Владимире).

Больше месяца ждали—будет вторая забастовка. В первую, в мае, просили прибавы жалованья. Получили всего по полтиннику в день.

Накануне 10 августа 1915 г. я получила прокламацию. Там писалось: «Долой войну, долой буржуазию, довольно нам для нее спину гнуть». В день 10-го августа я была во второй смене и утро была дома. Но мне дома не сиделось, у меня все не ладилось, тянуло в фабрику. Вышла я на Троицкую улицу, народ шел мне навстречу толпами.

Спросила я женщин: «что, как на фабрике?».

Отвечают: «забастовка».

Побежала бегом.

На фабрике никого уже не было. Все вышли кучками, стояли у ворот отставшие.

Я к ним: «где народ?».

Пошли на Полушкинскую,—говорят,—вызывать рабочих.

Я тогда не пошла на площадь, а кинулась домой, так как ключ был у меня, а золовки не было дома. Отдала соседке ключ и говорю ей: На-те ключи, отдайте мужу, а я, мол, иду бастовать. А соседка говорит: «что ты, безумная, куда ты? Там, слышать, стрелять будут,—убьют, хоронить не пойду».

Я говорю: «зароют и без вас, не важно».

Пришла я к фабрике, вижу, что весь народ у Маракушевской фабрики. Ворота заперты. Но это никого не удержало. Перелезли через забор, открыли ворота, вошли во двор. Откуда ни взялись казаки и давай хлестать направо и налево. Тут немного разбежались, опять сошлись и пошли к Городской Управе... Шли беспорядочно, молча, перебрасываясь словами... Шли очень быстро, лавиной. Улицы запрудили до отказа.

Когда подошли к Городской Управе, вышел полицеймейстер и потребовал, чтобы шли к кладбищу, а народ кричал: «выдайте арестованных».

— Мы, говорит, посоветуемся.

Пошли к кладбищу. Партийцы уговаривали, чтобы вели себя чинно и не безобразничали. На кладбище мы были около 5 часов.

Много выступало ораторов.

Из-за того, что было много народу, передние стояли на коленях.

Дождались решения администрации: «выпустить не можем, у кого нашли прокламации».

И решили: всем скопом итти к Управе и требовать. Впоследствии узнали, что были и провокаторы, которые заодно действовали с полицией,—например Чугунов и другие.

Чугунов предлагал итти к тюрьме, ее разбить и выпустить арестованных. А мы тогда плохо могли разбираться и пошли на тюрьму с голыми руками.

Вышли на Приказный мост—видим, стоит воинская застава, а мы решили итти прямо на них, призывая их присоединиться к нам.

Прапорщик Носков засвистал в свисток.

Раздались выстрелы. К моим ногам упал рабочий Зиновьев... с простреленной грудью, приподнялся, послал солдатам проклятие и упал мертвым.

Сзади были крики: «Не бойтесь, холостыми стреляют».

Второй залп. Я почувствовала сильную боль в правом боку и, уже падая, думала, чем это меня ударили, не подумала, что ранена. А когда очнулась, вижу—лежу в луже крови. Глянула,—народ разбегается, а казаки хлещут нагайками направо и налево. А в боку рана,—сочится кровь,—и не чую, что у меня сзади вторая рана. Я ее руками зажала.

Я слышала стоны и вопли и просьбы раненых о помощи.

Кто кричит: «помогите»,—кто кричит: «добейте меня».

Мучались мы до-темна на площади. Приехали огромные телеги, явились полицейские и велели валить мертвых и раненых вместе на телегу.

Меня случайно захватили на носилки и доставили в перевязочный пункт, и когда меня и девушку доставили в больницу и стали перевязывать раны, доктор говорит: «Вот почему у нас война проигрывается: не на войне стреляют разрывными пулями, а у нас в Иванове». У этой девушки оказались в куски разорваны обе ноги.

Когда меня перевязали—вытащили на извозчика голую, и я на извозчике сидела 2 часа около больницы. Мест не было в больнице, а домой не отправляли.

Затем нас отправили в бараки, к кладбищу, где лежали раненные солдаты.

Утром на рассвете пришли снимать допрос из полиции.

Доктор не допустил. Муж меня искал целый день и нашел только под вечер.

На другой день перевезли в чернорабочую, где тоже лежали раненные женщины, и там с нами очень плохо обращались доктора.

На допросе меня спрашивали, зачем я шла. Только выписалась из больницы, требует надзиратель. Объявил мне, что я под надзором и каждую неделю должна являться в полицию. Дома лечил фабричный фельдшер.

Он посоветовал итти на фабрику поработать, а то выгонят.

На фабрике заведующий встретил: «А, политиканка—будешь ли бегать?»

Работать не дал.—«Поправляйся, говорит, потом придешь».

А другой раз, когда я пришла, то даже и в фабрику не пустили. Вышел табельщик и сказал: «Твой паспорт и расчет у надзирателя, иди и получи».

Потянулись мои непросветные дни: из полиции домой, из дома к надзирателю, а потом получила повестку на 24 февраля 1917 г. явиться в г. Владимир. На военный суд.

Получила я повестку и куска хлеба не было, а муж был в царской армии. Ехать было не на что. Пошла в Управу, чтобы дали бесплатный проезд, а мне говорят: «вали по шпалам».

Заложила я пальто и поехала во Владимир. Нашла во Владимире 24 чел., тех, кого вызывали на суд, и нас судили военным судом, при закрытых дверях. По статье выходило, что на мою долю падало 8 лет поселения в Сибири.

В конце-концов все-таки нас оправдали, так как почва под их ногами уже колебалась.

Тут же вскоре началась и революция.

Анна Замашкина.

Предоктябрьская организация.

В 1916 году, на прядильной фабрике Компании, в настоящее время БДМ, была стачка ватерщиц прядильного отдела. Бастовали потому, что были ужасные условия труда, работали самые тяжелые сорта и отбросы, для палаток на войну. Работа была тяжелая, а заработок падал.

Требовали лучших сортов и прибавки, бастовали две недели. Пошел раскол, не поддержали другие цеха и пришлось приступить к работе. В декабре месяце я была выбрана уполномоченной бастующих для ведения переговоров с хозяевами и дирекцией, а также и с фабинспектором.

Когда я была уполномоченной, то тут увидела, что такая стачка никогда ничего положительного не даст, когда 400 работниц бастуют, а 4000 их ругают. Во время стачки мне удалось познакомиться со многими рабочими, и по окончании стачки, когда я шла, на меня указывали: «вот главная забастовщица».

Не знаю, каким образом получилось, что ко мне подошел мужчина и предложил свежие новости об войне. Я только получила «Русское Слово», которое выписывала, но там было мало утешительного: били и били людей. Заинтересовалась, взяла. Каково же было мое удивление, когда я увидела, что это прокламация, в которой говорилось, что в Питере угрожающее положение царствующему дому, что и здесь надо готовиться к этому, что только, прогнав царя и взяв в свои руки управление, можно покончить войну. Я сначала решила прочитать это в уборной, но потом побоялась и только некоторым поведала, что дело неладно и царя скоро прогонят.

Это дело было в феврале месяце. Через неделю я опять встретила этого человека, который мне опять дал прокламацию и еще маленькую брошюрку, которая оказалась программой и уставом партии. Я засмеялась и сказала, что у меня программа есть. Я ее получила от моего мужа Щеголева. Больше я не встречала этого человека.

1-го марта слышу, что царя прогнали, стало повторяться всюду, и мне одна работница, которой был хорошо знаком Балдин Александр, сказала, что завтра выйдем и мы и что теперь выходит пол-Маракушевской фабрики.

В четверг утром побежала в Посад, хотелось узнать, что происходит. Походила по переулку у Дербеневской ф-ки и, увидев там толпу народа, побежала домой сказать, что царя прогнали.

Мне встретился рабочий с Гарелинской фабрики—Марков, я его спросила: «прогнали царя?». «Прогнали», говорит. Пришла я домой и об'явила эту радость.

Через несколько времени пришла с фабрики мать, которая плакала и боялась, что теперь будет еще хуже, будут купцы закрывать фабрики и убивать народ. Когда ей говорили, что войска с нами, то она меня ругала дурой, политиканкой, и не хотела пустить из дома, боясь, что будет опять то же, что она переживала, когда я ушла на Красный мост, где стреляли и где я каким то чудом уцелела, когда со мной была убита наша ткачиха Марфуша и ранена Васса Левина. На другой день была массовая демонстрация, я пошла с другими работницами, впереди шел наш фабричный полицейский надзиратель с старшим полицейским. Я так чувствовала себя радостно и свободно, указывала работницам на надзирателя и говорила: «смотрите, идет, а селедку дома оставил, пойдемте подразнимте его».

Мы догнали его и начали спрашивать, как он себя чувствует без Николая. Он отругивался от нас, а мы его донимали до самой площади. Особенно я, так как во время забастовки он меня вызвал к себе в канцелярию, ругал всякими скверными словами, плевал в лицо и хотел посадить в темную для пьяных, позвонил куда то и потом чуть не в толчки выгнал, грозя, что если я когда-либо буду в толпе рабочих, то он меня расшибет.

Когда пришли на площадь, там уже было много народу и все подходили. Я стояла и завидовала тем, которые были впереди, руководили; мне так хотелось что-либо сделать и я пошла вместе с рабочими и с учениками в казацкие казармы разоружать казаков.

Подошли к казарме. Там была суматоха, кто кричит, что не отдают оружие, кто—что уже отдали, я была на улице и не могла пройти в здание и жадно ждала, что будет дальше. Помню, отхлынула толпа и из казармы вышли рабочие, неся сабли, нагайки, винтовки. Мне дали нести саблю и нагайку, кто-то шутил: «дай-ка я попробую тебя нагайкой». «Я пробовала, сказала я, на Талке».

С гордостью несла я эти трофеи, которые мы сложили у Городской Управы. Столько было всевозможных переживаний в этот день, что я пришла домой, как пьяная, но неудовлетворенная: хотелось самой делать что-то определенное. Я слышала, что выбрали первый Совет, пошла послушать,—не пустили, не помню почему: или много было народу, или вообще не пускали не членов Совета.

Когда вышли на работу, то было много всяких разговоров восторженных и трусливых; боялись, что придут откуда то войска и нас будут убивать. Большинство же радовались и мечтали скорей покончить с войной.

Во время смены ко мне подошел рабочий и сказал: «иди в подвал, тебя там требуют». Я пошла. В подвале было много рабочих, горячо обсуждавших что-то. Оказалось, выбирали уполномоченных от рабочих и выдвинули меня. Я, так желавшая работать, испугалась, но все таки не отказалась. Тут же уполномоченным давались всевозможные заявления и жалобы: и вполне справедливые и дельные, и нелепые требования, и несправедливые жалобы на администрацию.

Работать было трудно, все было новое, а связи с партийцами у меня не было. Я это очень чувствовала и искала, как бы скорей вступить в партию. Вскоре же начались выборы фабкома, и я была выбрана в рабочий аппарат. В числе членов фабкома были следующие т. т.: Тарасов Алексей, Балдин, Манахов, Полякова Евдокия и целый ряд других т. т.. Работа в фабкоме проходила днем и ночью. Сколько было всевозможных вопросов, недоразумений, приходилось иногда и один и тот же вопрос обсуждать по несколько раз. Много возникало недоразу-

мений с администрацией. В начале марта месяца мне тов. Гаричев принес партийный билет, чему я была очень рада. Я, кроме работы в фабкоме, была выделена парторганизатором и не мало смеялась, когда узнала, что моя 55-летняя мать записана в партию. Это было просто недоразумение, такие недоразумения пришлось исправлять и механически таких партийцев, как моя мать, проводить в союз.

Я очень любила ходить на все собрания, особенно партийные, а их было достаточно: и меньшевики, и эс-эры, и монархисты, и кадеты. Пойдешь, бывало, по городу и обязательно попадешь на какое-либо собрание. А уж тут споров то сколько!.. Каждый хвалит свою партию. Рабочие больше прислушивались к большевикам и шли к ним.

Были и такие казусы: у меня сестра, тогда молоденькая девчонка, работая на фабрике Маракушева, какими то судьбами попала под влияние Михайловой Федосии—эс-эрки, и вступила в партию эс-эров. Ничего не понимала, только говорила, что там такие вежливые и приличные и там лучше. Как работницу, ее провели в комитет эс-эров. Мне очень хотелось послушать, что они там говорят, и я сказала сестре, что тоже начинаю колебаться и мне хочется послушать, что у вас говорят.

Сестра поговорила с кем-то и я два раза ходила к ним. Рассказывала потом о своих наблюдениях в ячейке Полякову, Балдину и др. товарищам.

Помню, было собрание в женской гимназии, спорили все партии, и я выступила на собрании, указывая, что «вы, эс-эры, как бары, большевиков ругаете, что они грубы, а говорите только ерунду». Связать политически я в то время свое выступление не могла, а потом решила идти опять к ним в комитет; тут-то они меня и выставили: «ты, говорят, шпионка». Я не обиделась, и надо мной потом много смеялись.

Однажды мы с Ворониной Евдокией, которая была тогда большевичка, а теперь вышла, и с Смирновой, которая работала у Гарелина, тоже большевичка (я ее в настоящее время потеряла из виду), пошли на эс-эровское собрание. Говорили краснобай Майоров, Лапшин Олег (теперь коммунист) и так много всего наобещал, что мои работницы размякли, говорят мне: «пойдем, запишемся и в эту партию, будем работать, крестьянам пользу приносить». Я им указала, что в двух партиях состоять нельзя, они мне не поверили:—«ничего ты не знаешь, сама только вступила»—и пошли записываться. Я за ними подошла к столу, их, конечно, встретили приветливо. Я стала протестовать, что не имеете права их записывать, они являются членами партии большевиков.

Долго мы спорили, подошел Майоров, я ему говорю: «если ты придешь записываться к нам в партию, а из эс-эров не выпишешься, то мы можем-ли тебя принять?» Он посмотрел на меня и сказал: «Это тебя мы выгнали из комитета?»—«Меня», говорю.

«Нет, не можем так записать», сказал он работницам, «идите, выпишитесь из своего комитета, а потом приходите в наш комитет, к Петрову, он вас запишет».

А мне только этого и хотелось. Ну, думаю, дудки. Теперь вам не видать этих работниц. Если у меня не хватило политического толка им об'яснить, почему они ошибаются, то в ячейках им расскажут, и тут-же пошла в ячейку и заявила. Конечно, приняла меры, и работницы к ним не пошли, остались в нашей партии.

Больше всего нас беспокоила в фабкоме беспорядочная работа; целый день толкотня, шум из за пустякового вопроса, и мы на ячейке не раз об этом говорили, изыскивали меры, как наладить работу, а указаний сверху, которые определенно бы устанавливали работу фабкома,—не было.

На нашей фабрике работа фабкома еще осложнялась и тем, что у нас хозяев было пять человек, и вот поди с ними и сговорись: ездит каждый день разный хозяин, придешь с ним говорить, а он отвечает: «с этим вопросом незнаком, говорите с тем, с кем раньше говорили», так и уйдешь ни с чем. А то придет один из них, как мешок с мякиной: ты ему говоришь, а он ничего не понимает, хлопает глазами; плюнуть ему в глаза хочется да и только. Больше всех у нас отличался Витов Фелор. Уж такой плут,—придешь к нему, а он начнет рассказывать, как рабочие живут за границей.

Помню такой случай: фабкому надо было разрешить очень важный вопрос—о сырье для фабрики, а хозяев нет и нет. Звонили: того нет дома, тот болен, а Витов зовет к себе, приехали, принял и говорит: «у меня подагра». Посмотрели мы его дом, Балдин и говорит: «А хороша, Куркина, у него изба-то?» «Да, говорю, вот бы ясли или детский дом для детей погибших на войне отцов» Витов и спрашивает, нравится-ли нам его дом. Балдин ему и бухнул: «Да, хороша изба-то, она нам пригодится; ведь все-таки мы вас выгоним, дома-то на рабочем поту нажиты, ну и надо их рабочим». Вот потеха-то была смотреть, как Витов озлился и разговаривать с нами больше не стал. Ушли мы от него ни с чем.

«Что это говорю, Балдин, долго-ли мы будем им кланяться?» «Погоди, говорит, молодайка, еще дадим мы им перцу».

Работали все, не покладая рук, не жалея себя. Иногда дни пропадали даром, а иногда работа давала такие блестящие результаты, что сама на себя удивляешься; вот так, мол, и прямо можно брать власть и управлять государством. Наша фабрика особенно давала повод думать об этом: хозяева бросили дело, денег не было, за все ругали большевиков и фабком.

Приходилось трудновато, а потом и меньшевики и эс-эры мешали работать. Соберем митинг, а они тут, как тут. Помню, собралось рабочих тысячи три, я выступала и ругала эс-эров за то, что они собирают железо, хотят делать косы крестья-

нину, а где крестьянин? на войне, в окопах. Кончите войну, верните его домой, это лучше, чем у вас будут ржаветь груды железа. Эс-эры видят, что дело срывается, давай подмастерьев на меня натравлять, те шумят, говорить не дают, чуть не стащили меня. Выступил Лапшин и тоже против меня. Я позволила, чтобы нам дали подкрепление и опять на трибуну. Тут меня тащат за юбку долой, а я не ухожу, знай кричу, умолкли, слушают, и вот вижу: идет моя смена—т. Наумов. Тут уж я без бою сдала позицию. И много приходилось переживать таких моментов в 17-м году, иногда жутко было даже. Помню июльскую демонстрацию против Временного Правительства. Очень хотелось всех рабочих вывести на площадь, и я всю ночь не спала, все думала—удастся ли, а среди рабочих было недовольство, поговаривали, что выйдут, бросят работу, будут просить хлеба. Надо было вывести их нам, а не допустить, чтобы они вышли. Собрали митинг, вышли все 5 тыс. человек: так горячо говорили, что толпа пошла за нами на площадь.

Работа кипела во всю—и в фабкоме и в совете.

Когда меня избрали в фабком секретарем, я здорово струсила: ну, думаю, пропала моя голова! Как буду протокол писать—не знаю. До меня был секретарем беспартийный Поленин, я к нему: «учи, говорю, ты знаешь как, а то мы сочтем тебя за саботажника». Он и выучил меня писать протоколы. С какой любовью я сделала первый протокол! Ведь подумать надо: сама прядилка, пишу постановление пяти тысяч рабочих! Ну, у кого тут не проснется гордость!

Стали на фабрике поговаривать о национализации фабрик. Хозяева сбежали, денег нет, сырья нет. Рабочие в фабком лезут горой, требуют: «взялись за дело, так доводите до конца».

Началась областная забастовка. Стачкомы, дежурство у телефонов. Пикеты. Помню, как мы с Мониной О. В. (она умерла), несли ночное дежурство у хлопкового склада. Темно... Жутко... Мониная говорит: «Курочка, а ведь кто-то прошел к складам, пойдем, посмотрим». Идем тихо.. Никого нет.

Утром мы встретились уже в фабкоме, она идет ко мне и смеется.

—«Курочка чортова, ведь и винтовки то у нас были не заряжены!»

М. Куркина

О февральских днях.

Вот приходит 17-й год. Февраль. Как сейчас помню, я работала в утреннюю смену. Часов около 9-ти начинают бродить рабочие. Думаю, что что-то неладно. Иду к одному товарищу, а он не дал мне ни слова сказать, схватил меня и говорит: «революция». Тут же побросали работу и пошли

на площадь, где был памятник «его императорскому величеству». Там в простых, но вонзающихся глубоко в мозг словах я услышала, что самодержавие свергнуто, что нет у нас больше кровавого Николая, что у власти Временное Правительство. Кружилась голова, хотелось еще и еще раз слышать слово «революция». Хотелось крикнуть на весь мир, что мы, русские работницы, свое позорное прошлое рабство должны отбросить вместе с царским тронem, что и для нас настало время не только «детей рожать, да как вол работать».

Когда я забралась на трибуну, то не от страха дрожала, а от радости. Помню, что говорила несвязно, но меня понимали. Дельного мало я сказала, но тогда все было правильно. А настроение какое было у всех, трудно передать!.. Готовы были целовать друг друга без конца.

Потом митинги, да собрания, и я узнала, что только большевики могут вести дальнейшую борьбу за интересы трудящихся, и 10 марта я вступила в ряды партии. Тут меня выбрали в завком, сняли с работы. А работать тогда было не легко. Работали вместе с фабрикантами и, хотя у нас на фабрике и не было самого хозяина, но зато были его директора. Соберемся для обсуждения вопросов — рабочих пять человек, да их тоже пять. Они ученые, а мы забитые, плохо понимающие. Но чутье и дух рабочего побеждали в этой обстановке. Так и шло время. Рабочие, часто подстрекаемые враждебными элементами, срывали свое негодование на своих выборных, и подчас приходилось выдерживать их нападки. Были моменты, когда полуголодные рабочие хотели выбросить из окна, но здесь нам приходилось сохранять самообладание и успокаивать взбудораженных рабочих.

Дальше — выборы волостных и уездных земств; и здесь тоже пришлось проводить большую работу. Нужно было побывать в каждой деревне и агитировать за список большевиков. У крестьян тоже порой приходилось попадать в здоровые переpleты.

Так через упорную работу в городе и деревне, проводимую с большевистской настойчивостью, шла подготовка к Октябрю.

Е. Туртушкина.

Союз солдатских жен.

Февральская революция послужила толчком к развитию активности всех слоев населения.

Захватила эта волна и буржуазных дам, жен фабрикантов, торговцев и др., которые уже в апреле делают попытки организовать союз женщин, в который бы вошли как женщины работницы, так и жены буржуазии. Эта попытка не увенчалась

успехом, т. к. была разбита выступившими на собрании представителями Совета Рабочих Депутатов, указавшими работницам истинный путь.

В этом же месяце работницы - солдатки, получавшие из попечительства семей солдат жалкие крохи — 2 р. 02 коп. в месяц на семью, и возмущенные задержкой, собрались на площади у Городской Управы вместе с полуголодными детьми и требовали выдачи пособий. Кстати сказать, что это «попечительство семей солдат» состояло из фабрикантов, помещиков и их жен.

Из состава собравшихся на площади была выделена для выяснения положения т. Машинистова, которая после разговора в Управе с городским головой выяснила, что от попечительства ждать нечего, и решила обратиться в Совет Рабочих Депутатов.

Совет Рабочих Депутатов, учитывая недавнюю попытку буржуазии через союз женщин взять под свое влияние женщину-работницу, решил, что сейчас наступил момент, когда работницу можно направить по другому пути. Было предложено создать организацию солдатских жен, под руководством Совета Рабочих Депутатов.

Партийная организация, в лице выделенного товарища (т. Жиделев) руководила деятельностью союза. Имея такую опору, союз стал быстро расти и скоро насчитывал в своих рядах пять тысяч семей. Были произведены выборы делегатов от фабрик, в числе которых были т. Шустова, Машинистова, Манькова, Гладышева и ряд других товарищей, всего 13 человек. Эти избранные товарищи составили Исполнительный Комитет Союза. Вот что рассказывает т. Шустова о работе союза: «примерно в мае месяце на фабрике были выборы делегатов в союз солдатских жен. Избранной оказалась я. Когда я пошла на первое заседание комитета союза солдатских жен, которое было в помещении Городской Управы, я долго ходила около двери, не решаясь войти. Боялась, что над мной будут смеяться. Только когда в щелку увидела в числе собравшихся одну знакомую женщину, решилась войти. В скором времени меня избрали заместителем председателя союза, а позднее, после отъезда т. Машинистовой, и председателем союза.

Деятельность союза проходила под лозунгами: «Мы требуем мира, хлеба», «Отдайте нам из окопов мужей, отцов, братьев и сыновей», «Долой коалиционное министерство, да здравствует мир»; таким образом, родившись на почве голода, союз воспринял лозунги большевистской партии и стал их проводником в массах, как в тылу, так и на фронте».

Эти лозунги члены союза солдатских жен поддерживали на всех собраниях и митингах. Тов. Седова в своих воспоминаниях указывает на митинги, которые проводились в Посаде — в цирке. Участниками митингов, наравне с солдатками, были представители буржуазии, которые стояли за войну до побед-

ного конца. Выступавший оратор т. Жиделев, предлагавший резолюцию протеста против войны, был поддержан солдатками, участницами союза солдатских жен, которые ходили с ним по всем митингам.

Все делегатки союза были вовлечены в практическую работу. Город был разделен на районы, в которых каждый член союза производил обследования солдатских семей, выявлял нуждающихся в пособиях и выносил это на разрешение исполнительного комитета союза.

Распределение же пособий шло опять от попечительства, но передано вновь организованному, в котором большинство было за союзом и одно место предоставлено старому попечительству, от которого была выделена Гарелина А. К. Когда работа Союза была налажена, стали, в целях агитации против войны, устраивать демонстрации солдаток, на которых солдатки требовали послать на фронт процентовиков, а вернуть с позиций мужей... Это, да еще задуманное отчисление с заработной платы процентовиков в пользу союза, вызвало их возмущение, угрозы по адресу руководителей союза.

Таким образом, союз принял характер политической организации и в то же время явился первым шагом для многих работников в их дальнейшей общественной работе.

О составе самого Исполкома союза дает яркую картину воспоминание т. Машинистой:

«В Городской Управе нам была предоставлена комната № 11. На первое заседание обещал прийти т. Кузнецов, да к нашему несчастью запоздал. Собрались мы за общим столом. Стали выбирать председателя, я оказалась грамотнее всех и на основании этого была избрана председателем собрания. Этот горе - председатель сложил руки крестом на столе, да хлопал глазами, как сова, не зная, как начать собрание, а остальные и того менее. Делалось темно, а как осветить комнату, не знали, т. к. не умели еще обращаться с электричеством. Выручил из положения официант Управы, который отвернул выключатель и наполнил светом комнату, и пришедший тов. Кузнецов, который об'яснил нам, как надо вести собрание. Мне, как самой грамотной, приходилось первое время быть одновременно и председателем и секретарем».

А тов. Шустова в своих воспоминаниях пишет:

«Помню, однажды мне пришлось выступить на общегородском собрании солдаток с докладом о работе союза. Что говорила — не помню, но только помню, что меня слушали, а когда кончила, начали аплодировать. Я настолько смутилась, что, не зная, что мне делать, тоже зааплодировала сама себе».

Под лозунгом протеста против войны и за советы деятельность союза протекла до октября 1917 г., впоследствии эта работа приняла социально - исследовательский характер, т. к. с большевиками воевать солдаткам не приходило в голову.

В конце 18 года, деятельность союза солдатских жен стала замирать, и он постепенно влился в другие организации: союз инвалидов, женотдел.

Несмотря на свое краткое существование, союз солдатских жен сыграл не малую роль.

Выбрасывая лозунги протеста против войны и поддерживая их на всех митингах, он уже являлся помощником нашей партии. И второе, будучи в то время единственной формой организации женских масс, он приучил работниц к самостоятельной общественной работе, т. е. выполнял ту роль, какую впоследствии стали выполнять делегатские собрания.

Шустова.

По продотрядам.

Кажется, не было такого дела, за которое бы не бралась работница, от которого бы она стояла в стороне.

Гражданская война. Белые генералы пытаются задушить молодую Республику. В стране нет хлеба. Нужно кормить армию, нужно кормить и рабочих. Деревня не сдает добровольно разверстку. Государство прибегает к помощи продотрядов, вербуемых из добровольцев. Партия посылает для руководства их деятельностью своих членов и в качестве агитаторов, и в качестве агентов по сборке хлеба. Работница идет в отряды: то она агитатор, как тов. Подборнова, то агент по сборке хлеба—Седова, Подборнова, то она председатель продовольственной комиссии, как тов. Куликова.

В чрезвычайно трудных условиях приходилось работать. Крестьянин, подогреваемый темными, враждебными элементами, не только задерживает выполнение разверстки, прибегая при этом ко всяким ухищрениям, но нередко встречает отряд с колючими.

Вот как описывает работница Подборнова работу в продотряде: «Это было в Вольском уезде, Симбирской губернии. Из уезда пришла телеграмма «откомандировать трех партийцев в продотряд». Назначили собрание для обсуждения вопроса, кому ехать; кто говорил о большой семье, кому не на кого оставить крестьянство. Тогда я, несмотря на то, что на руках имела троих малолетних детей, заявила, что я поеду. В Упродкоме была зачислена в продотряд. Сначала агитатором, а потом и агентом по сборке хлеба.

Нас разбили по 10 человек в волость. Началась работа. Мне, как женщине, работать было очень трудно. Недоверчивое отношение к женским силам, насмешки, а подчас и оскорбления—вот с чем пришлось столкнуться при первых же шагах в моей работе.

А к этому прибавлялось еще и враждебное отношение со стороны части крестьянства к взиманию продрозверстки. Не один раз крестьяне, воодушевленные темными, враждебными элементами, встречали нас кольями. Приходилось действовать очень осторожно. Я начинала почти всегда с крестьянок. Собирала их на собрание, раз'ясняла необходимость выполнения разверстки, приводила примеры героизма рабочих, а уже с обработанными крестьянками приходила на общий сход. Были от мужичков приемы и похуже: грозились убить или выбросить в окно, но все это приходилось выдерживать. Труднее было с самой отборкой хлеба. Бедняк, правда, отдавал все, оставляя себе лишь паек, но зажиточные крестьяне прибегали к разным ухищрениям. Был такой случай: к нам, в ВИК, приходит молодой парень и заявляет, что под гробом его матери зарыто 12 пудов хлеба. Он это открыл из-за мести к отцу. При обыске это оказалось правда.

В таких условиях приходилось работать три осени и две зимы, выявляя злостных неплательщиков, все время под угрозой быть убитой».

Несмотря на все трудности, сознание долга у работниц всегда выше страха за свою жизнь, и порученное им дело они всегда доводили до конца.

В пикетах.

17-й год. У власти Временное Правительство. Те же владельцы фабрик и поместий, продолжающие старую политику, политику войны, политику мажима на рабочий класс. Надежды рабочего на революцию не оправдались. Он по-прежнему раб капиталиста, по-прежнему он гнет спину, чтобы дать больше прибыли фабриканту. Среди рабочих начинается брожение; дороговизна, низкие расценки, задержка заработной платы, все это подталкивало к выступлениям, и рабочие решают бастовать. Вот что об этом пишет работница Малкова:

«Фабрика Ивана Гарелина. Рабочие выставляют требования о повышении сдельных расценок и поденной оплаты, последней, кажется, на 10 копеек. Потребовали во двор самого «хозяина». Битых три часа держали рабочие в тесном кольце фабриканта, добиваясь его согласия. Гарелин отвечал, что, хотя он и имеет свой капитал, но распорядиться им не может. На днях будет с'езд фабрикантов, на котором этот вопрос будет стоять. На отказ рабочие об'явили забастовку».

Такие же забастовки охватили все фабрики и заводы Иванова и его окрестностей. Всюду организовались стачечные комитеты. О них рассказывает тов. Николаева:

«Стачкомы, боясь, чтобы со стороны владельцев фабрик не было каких злоупотреблений, чтобы за это время из предприятий не вывезли сырье и другие запасы, чтобы не испортили машин, взяли всю охрану фабрик на себя и при помощи рабочих пикетов провели эту работу. На призыв стачкома о создании пикетов живо откликнулась рабочая масса. В пикеты пошли не только мужчины, но и женщины, как партийные, так и беспартийные. В тот момент все чувствовали громадную ответственность, которую берут на себя. Чувствовали, что, охраняя фабрику, они сохраняют ее для себя, сохраняют ее для будущего.

Взяли в руки оружие те, у которых оно никогда не было. Кто ходил по корпусам вместо хожалого, кто дежурил вместо сторожей в корпусах, кто нес наружную охрану фабрик и складов. Дежурили иногда бессменно, по неделям не уходя домой, отказывая себе в пище и сне».

Об этих ночных дежурствах рассказывает Малкова М.:

«Мой пост был № 7, угол материальной палатки. Дежурство несла начиная с 11 часов вечера до 3-х ночи; зорко приходилось смотреть, чтобы не пропустить кого-либо мимо фабрики без пропуска. Одежда и обувь были ветхие, и холодный сентябрь давал себя чувствовать. Но возложенные обязанности выполнялись строго. Часто посты проверял комиссар Кулагин или же Жугин, но всегда рабочие-дозорные были на своих местах. Помнится один холодный вечер, часов 12. Мимо моего поста идет студент, как после выяснилось родственник, Гарелина. Я потребовала пароль, но он, не обращая внимания, продолжает свой путь. На третье требование пришлось поднять тревогу, дать вверх выстрел и непослушного господина задержать и передать в стачечный комитет.

После этого меня перевели к воротам на более опасное место. На той же неделе, в 2 часа ночи, тов. Кулагин пошел проверять посты. Застучал в ворота, не называя своей должности, требовал открыть их. Нас на посту было двое: я и товарищ Шабарин. Шабарин с винтовкой, я с наганом. Командую: винтовку на прицел и иду к воротам выявить личность. Вижу: свой—тов. Кулагин. Он проверял стойкость и смелость пикетов. Только с пуском фабрик пикеты были распущены».

Так, работница не только одинокая, но нередко и обремененная семьей, ставила интересы всего рабочего класса выше собственных, отказывая себе во всем, подготовляла почву для Октябрьского переворота.

НАША СМЕНА

Наша смена.

„В среде работниц и крестьянок, гораздо больше организаторских талантов, чем мы привыкли думать“.

Ленин.

В 1905 году, в движении революции в Иваново-Вознесенской губернии, работница занимала еще очень скромное место; выделялись только отдельные фигуры.

Но уже 1917 год выдвигает новый слой работниц, которые прошли тяжелую школу борьбы, участвуя в гражданской войне и организуя мнение масс и трудовой их подъем в годы борьбы с голодом и разрухой.

Сейчас большинство этих работниц занимают самые ответственные посты и в промышленности, и в советских учреждениях, и на профсоюзной работе, и в парторганах. Был один период, когда казалось, что новая смена еще не выросла, что в общественной работе вертятся все одни и те же давно знакомые фигуры. Сейчас положение сильно изменилось. Последующая работа делегатских собраний выработала широкий слой новых выдвиженок и подняла для революционной стройки новые сотни работниц и крестьянок, которые двинулись в советское строительство с необыкновенным подъемом и со всей страстностью неисчерпанных еще сил. Это время характеризуется большим движением в партию, что особенно сказалось в ленинские дни, и темп этот, не ослабляясь в последующие годы, дает 23% работниц в партию.

В 1925—26 году институт делегатов дал нам 1500 человек активных работниц и выдвинул 1420 чел. работниц на выборную работу советов, профсоюзов, партии и кооперации.

Пополнение рядов партии идет почти исключительно за счет делегатов.

Из 404 работниц, вступивших в партию за 7 зимних месяцев, 333 были делегатками.

Все поры советской общественности наполняются работницами и крестьянками. Они преодолевают громадные препятствия, которые им ставит семья. Мы знаем сотни случаев, когда работница терпит издевательства мужа, отца, свекра, а все-таки идет на общественную работу, идет на собрание и, сознавая, что надо выбирать между семьей и работой, не

считается с собой, рвет с мужем и остается в партии, в Совете, в фабкоме. Мы знаем ряд случаев, когда работница днем на работе, вечером на собрании, целую ночь стирает белье на свою семью, а утром идет на смену.

На общественной работе тоже подчас не сладко. Соповещения общественниц показали, как еще тяжел наш государственный аппарат и недостаточно чуток к работнице и крестьянке. На работе она частенько встречается насмешку, недоверие, недостаток внимания, отсутствие поддержки.

На совещании общественниц работницы и крестьянки указывали: «дадут нам отчитываться руководители и посмеиваются: ну, мол, как она отчитается, посмотрим», а нет того, чтобы помочь дать письменный материал, разъяснить, что потруднее».

Через нужду, через разрыв с мужем, через ночную работу для дома, преодолевая косность и недоверие, идут работница и крестьянка к управлению государством, мужественно и героически несут красные кирпичики на великую стройку социализма в нашей стране.

Пройдут года, и только тогда во всем величии встанут эти женские образы из трудовых слоев рабочих и крестьян, которые уже теперь затемнили те героические образы «русских женщин», о которых пел поэт Некрасов и страницы о жизни которых обливали слезами лучшие люди прежнего времени.

В немногих страницах, которые вошли в отдел «Новой смены», приподнят только краешек завесы, которая скрывает эту новую вырастающую, бодрую, сильную рать, строящую производство, укрепляющую Советы, работающую в профсоюзах, идущую в партию, борющуюся за мировой Октябрь.

Но простыми и безыскусственными заметками, сплошь состоящими из устных рассказов героинь новой стройки, мы отдаем дань всем тем, которые выросли для великого строительства в годы тяжелого трудового напряжения рабочих масс во имя революции.

Н. Алексеева.

Надежная опора.

Впереди многочисленной армии красных текстилей идут сознательные работницы—активистки производственных совещаний,—настойчиво и умело улучшающие советское ткачество.

Шуйская прядильная фабрика Ивтреста особенно хороша поздним вечером. Длинный высокий корпус залит электрическим светом. Окна фабрики, как огненные клетки фланели, вдребезги бьют вечернюю темноту.

Я поднимаюсь по узорчатой чугунной лестнице в третий этаж, где в мюльно-ватерном цехе работает ватерщица Завалова.

Длинные хитреные машины цокают. Ременные приводы, как ленты шумной воды, падают с передаточных колес. Белые цевки танцуют на ватерных машинах—одни медленно, сонливо, другие бойко, бурно... белые нитки пряжи дрожат, накручиваясь на цевки... Между машинами чисто.

—Товарищи, ватерщицы, фабком говорит, что работница Завалова очень активна в работе производственных совещаний... верно ли это?

Долго беседую с ватерным цехом. Оказывается—фабком прав.

Работница Завалова все восемь часов, бдительно следя за своей машиной, заботится и о своих товарищах... Где чуть что не ладно—сейчас же идут к Заваловой,—она всему даст ход. В одно время в мюльно-ватерном цехе было плохо налажено увлажнение, и хлопок давался для пряжи плохого качества. Завалова немедленно подняла вопрос по этому поводу на заседании цехового бюро... Она говорила:

—«Нельзя так, товарищи. Увлажнение плохо—брак. Хлопок плох—опять брак. Убытки. Нужно исправить дело».

И исправили. И браку стало меньше.

По предложению ватерщицы Заваловой были сменены брачные цевки, которые задерживали работу и рвали пряжу. Когда число ватерных машин было увеличено, стал ощущаться острый недостаток в запасных с'емщицах. Завалова немедленно подняла этот важный вопрос в цеховом производственном совещании и добилась увеличения числа с'емщиц. Кроме того, по ее же предложению дирекция фабрики занялась правильным распределением рабочей силы. Завалова на ряде фактов указала, что рабочие часто, не зная, что делать, гуляют, толкаются зря...

В одно время в цехе не доставало железных ящиков для клажи пряжи. Это задерживало работу цеха, но никто, кроме Заваловой, не поставил вопроса о ящиках на производственном совещании. Она указала на большой вред этого обстоятельства и дирекция немедленно выполнила предложение Заваловой.

По ее предложению на фабрике введены разборщицы цевок. Они негодные цевки отбирают и сдают обратно, а годные передают на машины. Раньше этого не было, и негодные цевки рвали пряжу, увеличивая брак и простои. Теперь этого нет.

Все предложения Заваловой проведены в жизнь и сводятся к весьма заметному улучшению производства. Все перечисленные ее предложения уменьшили брак, ускорили и облегчили работу ватерщиц и, сократив порчу пряжи, увеличили производительность труда.

Завалова с 14-ти лет, не покидая свое машины, работает на фабрике. Зорко следя за производством, она и своих товарок по цеху учит разумному, хозяйственному отношению к фабрике:

—Давайте, товарищи, дружнее и ближе подходить к улучшению нашего производства. Никто не будет делать за нас. Ежедневное заботливое отношение к работе всего цеха во много раз улучшит наше положение... Вникайте в свою работу.

Так говорит Завалова, и рабочие ее слушают, доверяют ей и стараются больше ходить на производственные совещания и ближе всматриваться в дела своей фабрики...

Я прихожу в шпульно-сновальное отделение, к моему пальто липнет белый хлопок. Работницы босиком управляют своими машинами.

В этом цехе работает вторая активистка производственных совещаний—Татьяна Шамина. Шпульница 23-х лет.

Она никогда на совещаниях не говорит зря, не предлагает бестолковых предложений, всегда ставит серьезные вопросы, близко касающиеся улучшения производства.

На фабрике были мелкие цевки с задирами; от этого початка не доходила до конца—не только получался большой брак, но бросали и хорошую пряжу. Шамина на производственном совещании поставила этот вопрос, и дирекция удалила брачные цевки. Не стало ни брака, ни порчи пряжи.

Цех работал на щетках. Благодаря этому и у сновалей, и у шпульниц было много брака, была рвань. Шамина настойчиво предложила снять щетки. Хотя дирекция только через 8 месяцев выполнила предложение Шаминой и выполнила его только на 62%, а все же брак и рвань снизились почти до нуля.

Раньше на прядильной № 2 не метили катушек, благодаря этому нельзя было учесть—кто сработал плохую, кто хорошую катушку. Никто не старался сработать хорошую, думая, что все равно не узнают, которая моя—пройдет.

Шамина на совещании предложила метельщицам метить, кто как сработал катушку. После этого качество мотки улучшилось почти вдвое. Всякий старается не ударить лицом в грязь.

Все предложения Шаминой практичны, бьют в сердце производственных недостатков и на другой же день после их введения доказывают, что они улучшают производство. Как Завалова, так и Шамина не пропустили ни одного производственного совещания.

П. О.

По БИВМ-у.

Близко-близко к Уводи придвинулся корпус ткацкой фабрики Большой Иваново-Вознесенской Мануфактуры. Во втором этаже—ткацкие станки. Рядами, как по нитке, выстроились они. Насажены так часто, что по тропкам между рядами еле-еле

могут разойтись две ткачихи. Припудрились хлопковым пухом части станков. Шумно. Ткачихи переговариваются знаками, кричат друг другу в уши, иной раз угадывая смысл речи по губам.

Живой лес приводных ремней в корпусе... Нитку за ниткой сеет непоседа-челнок, и свежий миткаль кроет станок.

За станками—ткачихи. В большинстве—каждая хозяйничает за двумя станками. Привычным глазом смотрит, чтобы на миткале не было редин, чтоб не рвались основа, уток... Слушает—не сбился ли станок со своей привычной песни.

* * *

—Где бы мне повидать Комарову?

—«Вон она, в розовом платье, за парой стоит...»

Очки придают ей строгий вид, а на самом деле она живая, подвижная, хотя и не молодая женщина. За станком—36 лет, а стала к нему шестнадцатилетней девушкой.

Мы вышли из корпуса в узкий корридор, здесь не так шумно.

—«Как-же, как-же... К производственным совещаниям привыкаем»... и улыбкой засветилось лицо собеседницы. «Вот насчет заграждений от шкивов говорили много. Такие, как у нас, были неудобны, плохи. Обметаться нельзя, работать тоже—того и гляди платье привернет... Не раз толковали на совещаниях. Подмастерья ругаются: слышь, на вас, ткачихи, не угодишь... вы больно капризны... Ну, ни одна работница зря ни на чем не будет настаивать, без толку языком трепать... Теперь по нашему предложению каждый ремень загражден особо в ящичке, а не досками заложен, как раньше... Правда, еще не у всех станков так сделано, ну, мы знаем, что сразу ничего не делается»...

Товарищ Комарова—член фабкома, у ней имеется ряд других выборных должностей, но со станками она не расстается. Любимое дело...

—«Побегу к станкам,—после пятиминутной беседы молвила товарищ Комарова,—кабы там чего не стряслось».

* * *

—Уж коли вы о дельных ткачихах хотите говорить, так лучше Матрены Захаровой вам не найти... Рассказывали мне ее товарки. Вот, первое дело:—мало ли встречается, что концы основы остаются на навоях после метки, когда кусок выткан... Бросали эти остатки, без толку; они пропадали, а другой раз конец-то три метра, а то и больше бывало... Первой стала дорабатывать эти остатки Захарова. Ругали ее подмастерья... Что тебе—больше всех надо, что-ли? На производственном совещании Захарова из-за этого не мало воевала... Признали, что надо дорабатывать, а не бросать концы основы...

—Смотришь—метр, два, а то и три лишку миткаля на каждом навое; их раньше не было, а сколько навоев-то сменяет-

ся... И ткачихам за лишек переплачивают. Да что совещания—Захарова у нас нарзаседательницей выбрана, цеховой делегаткой, и жен-делегаткой, да и не первый год уже выборная, ее мы знаем и ценим—деловая баба...

Сейчас Захаровой за сорок перевалило. Она беспартийная.

* * *

Ткачихи называли еще несколько фамилий активисток из своего корпуса: Курнатову, Тихомирову, Воронину...

—Не жалуемся, дельные женщины у нас есть... И хоть говорят, что у бабы волос долог, а ум короткий, ну, да это раньше было, а теперь времена не те...

* * *

Все-таки слабо еще участие женщин в производственных совещаниях. Правда, обычно их на совещаниях больше, потому что в производстве их большинство.

В октябре, на Шуйской прядильной № 2, на совещании первой смены из 40 чел. присутствующих, женщин было 36.

На Томне, в сентябре, на совещании ткацкого отдела присутствовало 82 человека: мужчин 17, а остальные все женщины; в ноябре, на таком же совещании, из 77 присутствующих—женщин 55.

Женщин почти не проводят в производственные комиссии. На Томне в обще-фабричной производственной комиссии нет ни одной работницы, а в цеховых бюро они есть.

На Большой Кохомской на производственное совещание пригласительного отдела в декабре месяце пришли 30 работниц и 37 мужчин; в январе на 123 человека—явилось 23 женщины. В шпульно-сновальном отделе цеховое бюро из 5 человек—из них три работницы.

С учетом достижений и выполнением предложений, которые дают совещания, пока плохо. Тем более плох учет участия работниц.

Однако то, что работница уже считает фабрику св ей, чувствует себя хозяином, заботится о производстве,—говорит о том, что теперь «времена, действительно, не те».

Кинешемские выдвиженки.

За 9 лет революции мы имеем значительные достижения в области выдвижения женщин на квалифицированную производственную, хозяйственную и кооперативную работу. С большими трудностями, но упорно преодолевая их, кинешемские работницы выдвинули из своей среды ряд работниц на руководящую работу, работающих и по настоящее время.

Вот имена их:

Дозорова, — ватерный подмастерье ф-ки «Красная Ветка». Работает с 1925 года и в настоящее время управляет комплектом машин, с работой справляется прекрасно, работницы ее любят, видя умелую работу и хорошее к ним отношение.

Шоронова, — ватерный подмастерье ф-ки Наволоки. Управляет самым большим комплектом прядильной ф-ки, доходящим до 70 машин. Даже администрация говорит, что она не уступит старым подмастерьям-мужчинам, а подмастерья мужчины в шутку говорят: «это мол,—чорт, а не баба».

Кедрова Матрена, — вступила в работу ткацкого подмастерья ф-ки Демьяна Бедного с марта 24 года; практиковалась на работе при ремонте машин Вандышевской ф-ки и вскоре была поставлена на комплект в 29 станков. Теперь т. Кедрова управляет комплектом в 49 станков, и работа ее заслуживает полного одобрения.

Марычева, — ткацкий подмастерье ф-ки «Красная Ветка»; работает также на комплекте.

Рыбина и Кудряшева, — ткацкие подмастерья ф-ки Томна. Им в своей работе пришлось встретиться с особенными трудностями; вначале плохо относилась администрация, которая ворчала, что эта работа не для женщин, мастера и подмастерья плохо учили. Теперь эти трудности преодолены. Рыбина и Кудряшева своим упорством и желанием работать добились своей цели и работают в качестве подмастерьев и по настоящее время.

А вот 2 молодые девушки-выдвиженки, токаря на ф-ке Демьяна Бедного, — Мянцева и Беликова. Историю их учебы можно назвать историей преодоления насмешек и неверия в их силы. Однако обе девушки сдали удовлетворительно пробу и работают на станках вполне самостоятельно.

Мы отметили лишь несколько работниц, выдвинутых на квалифицированную работу; всего же работает на Кинешемских ф-ках 14 выдвиженок.

Работницы-командиры промышленности.

В Кинешме работают на хоз. должностях 3 работницы: 2 в качестве помощников заведывающих (прядильной и ткацкой ф-ик) и одна —смотрителем шпульной.

Ефалова, — ткачиха. Первая выдвиженка на ф-ке Томна на руководящую хозяйственную работу. Работает в качестве пом. заведующего ткацким отделом. Хорошо справляется с работой и пользуется полным доверием администрации ф-ки Томна.

Сорокина, — ватерщица. Только что выдвинута на должность помощника заведывающего прядильным отделом ф-ки Томна; до этого времени работала в качестве женорга и последнее время руководила производственным совещанием.

Леонтьева, — шпульница; теперь смотритель шпульной ф-ки Наволоки; работает энергично, ведет упорную борьбу за поднятие труддисциплины.

В профсоюзах.

Свешникова, — бывшая работница-банкаброшница; работает председателем ФЗК ф-ки Демьян Бедный, работа которого по району по заключению под'отдела текстилей стоит на первом месте.

Егерова, — бывшая ватерщица, работает в качестве председателя охраны труда Вандышевской ф-ки. Обследование ГСПС показало, что ее работа поставлена лучше других комиссий данного фабкома.

Кроме того в уездных отделениях профсоюзов работают: заместителем председателя уездного отдела профсоюза текстилей и член ЦК текстильщиков т. Савенкова; председателем профсоюза нарпит — т. Соловьева; председателем союза коммунальников — т. Хлопунова.

Всего на руководящей работе в рабочих аппаратах профсоюзов работают 18 выдвиженок.

На советской работе.

Арсентьева — старший инспектор труда; работает 2 года, пользуется авторитетом, уважением со стороны рабочих и хозяйственников; с работой вполне справляется.

Рябина, — судья дежурной камеры и трудовых дел; вначале работала в качестве секретаря месткома милиции, выросла в делегатском институте, выдвинута в народные судьи.

Смирнова Зинаида, — ткачиха ф-ки Наволоки, член Райсельсовета села Наволоки, работала удовлетворительно; работницы выдвигают ее опять на советскую работу.

Всего на ответственную советскую работу выдвинуто 5 работниц.

В кооперации.

Потепалова, — домашняя хозяйка; работала вначале в качестве практикантки ЕПО ф-ки Томна, теперь член правления ЕПО. Добросовестно работает, не считаясь с семьей в 6 человек, с головой уходит в работу, вся отдается ей.

Всего на руководящую кооперативную работу выдвинуто 6 женщин.

На партийной работе.

Это всем знакомые наши фабричные и деревенские женорги. Не считаясь с отдыхом, не щадя здоровья, ведут они тяжелую и ответственную работу по политическому воспитанию работниц и крестьянок.

Вот некоторые имена: Серебрянская, Колоскова, Аделева, Фролова, Зверева, Кочеткова, Кулагина, Кудряшева — все они работницы от станка.

Женя—Горсоветчица.

Евгения Павловна Федосеева, 20 лет, ткачиха БИВМ, член горсовета.

Под грохот станков стройная голубоглазая девушка рассказывает:

—Отца у меня убили жандармы. Это было в 1915 году, 10 августа. Маленькая я тогда была, но помню. Работал отец на Грязновской (теперь Сосневской) фабрике. Пришел как-то отец с работы и говорит как бы в задумчивости только одно слово:

—Сегодня!

Мать набросилась, зарыдала: «себя не жалеешь, хоть детей пожалел бы!». А нас три сестры было, я самая старшая (одна умерла недавно).

—Почем знаешь? — отвечал отец. — Я, может, из-за детей и иду... Не хочу, чтобы дети мои, как я, в кабале жили! — И ушел. Потом слышим — стреляют. Побежали мы на площадь посмотреть, а там стражники усатые на конях ездят и нагайками народ бьют. Было это на площади у Приказного моста, где теперь памятник поставлен.

Видим — подехали подводы, раненых и убитых подбирают. И отец там. Подбежала я, гляжу — не узнать его. Бледный, весь в крови лежит. — Папенька! — кричу и дергаю его за рукав. — Пойдем домой! — А он только хрипит. Свезли их, куда-то в сарай сложили, там сутки пролежали без всякой помощи. Мать нас забрала всех троих, думали хоть поглядеть на отца. Так жандармы и не допустили, а через 8 дней отец умер: пуля ему в спину попала и сквозь живот прошла...

У Жени затуманились глаза и руки чуть-чуть задрожали. Жалко отца! Но тут же, оправившись, продолжала. — Мать за хлопотами о детях окончательно свое здоровье убила. Умерла от туберкулеза. Сестра младшая — тоже. Поступила я на фабрику, теперь работаю на двух станках, зарабатываю 36 рублей. Сестра у меня больная, надо ее поддерживать. Да вот еще домишко подремонтировать — разваливается.

Выбрали меня в горсовет, две нас от всей фабрики: я да Куликова, заведующая. Работой интересуюсь, ни одного собрания, ни пленума не пропустила. Записалась в секцию здравоохранения. На обследования с врачом ходила, например, в прачечную ГОМХ'а. Вентиляция там плохая — и в самой прачечной и в гладильной. Работницы в обморок падают. Это отметили. Потом — чистое и грязное белье в одной комнате держат.

А то еще барак обследовали на Кладбищенской улице. Теснота там ужасная, грязь. В двух комнатах живут 60 человек, все больше татары. Некоторые безработные. Помойная яма будто никогда не очищается, в углу комнаты — груда мусору,

скверный воздух, испарения. Освещения нет. Часто там происходят драки, милицейского поста вблизи нет. Обо всем этом мы говорили на горсовете, и кое-что уже сделано. Намечены постройки новых домов, бараков. Дело за средствами.

—Как я живу?— Живу—не тужу. Времени вот свободного нет, всегда занята. Сестра и то ругается: «никогда тебя дома не видно».

Состою сейчас членом бюро коллектива комсомола, членом бюро ячейки. Член партии. Работаю организатором цехоргов второй смены. А эта работа тоже времени порядочно отнимает.

—Я и рабкорка!— прищурилась Женя.— Вот они все на меня злятся: и подмастерья, и табельщик (мигнула она в сторону покосившегося табельщика).— Чуть что, я сейчас в газету: иначе нельзя! Был у нас подмастерье Подборнов. Придут к нему сказать, чтоб станок уделал, а он по матушке кроет. Несколько раз плакали от него ученицы. А я его продернула—присмирел!—Женя довольно улыбнулась.

—А то вот ткачихи часто обращаются. Одна одно не понимает, другая—другое. Каждой приходится растолковать, объяснить...

—Читаю ли я что? Конечно! Не читавши, жить не могу!— улыбнулась Женя.— Все книжки по естествознанию беру, например,—откуда произошла земля, воздух, из чего она состоит. Люблю читать о том, где какие страны, какие там живут люди, животные. В своей фабричной библиотеке все книжки по этому вопросу перечитала.

—Эх, засиделась с вами, а мне на смену пора!—встрепенулась вдруг Женя и вскочила. Над фабрикой пронесся гудок. Со смены и на смену выходили ткачихи. Одна из них, уже старуха, с добрыми морщинами на лице, остановилась и, проводив Женю ласкающими глазами, проговорила, «окая» по-владимирски:

—Она у нас девка—у-у! Деловая!

В. Иодко.

Нюра—активистка.

Анна Яковлевна Козлова два года была членом Шуйского горсовета. 16-ти лет она встала за станок и 15 лет не отходит от него. Она до 1924 года была неграмотна. Тяжелое детство, затем тяжелая беспросветная жизнь с мужем пьяницей... Некогда было учиться. Разведясь с мужем, Козлова в 1924 году окончила ликпункт.

У нее тройка маленьких детей... И на фабрике и дома — везде ее ждет работа. Но Козлова находит время и для общественной деятельности. То она — цехорг, то она — член бюро

профсоюзов, то она—член губернского кооперативного совета, то—член лавочной комиссии, то—член страхового совещания при уздраве.

Работница Козлова, не стыдясь своей малограмотности, вникает и интересуется всеми вопросами советского строительства. На конференциях и съездах она обязательно высказывает свою точку зрения.

Ольга Щекалдина.

С 14 лет поступила к Гарелину на фабрику учиться на ватерах. Шесть лет проработала и вышла замуж—за рабочего мастера по ремонту машин. Народила пять человек детей. Подбирай только. 12 лет на фабрике, а после этого не работала 14 лет. Поступила уже на фабрику, когда мужа взяли на войну, он попал в плен и был в плену 3½ года, а Щекалдина маялась с 5-ю ребятами, шила белье, кое-как перебивалась. В 24 году была выбрана цехделегаткой, работала две сидки, работала в кассе взаимопомощи, сборщицей союзных денег. Несмотря на свою семейную загрузку, посещала все собрания и активно выступала.

Выбрали в Горсовет, пошла в секцию труда устанавливать трудовой стаж.

Человек сто прошло через ее руки; приходилось расспрашивать, проверять документы и ставить на пособие страхкассы.

Горсовет для нее явился, так сказать, школой первой ступени, а потом выучилась, выбрали в Губисполком. Но от фабрики не оторвалась, держит связь с избирателями, разъясняет, рассказывает им, как умеет, что делается в Горсовете, в ГИК'е...

За два года.

Товарищ Колосова уже два года член Горсовета. Первый год она работала в секции народного образования, второй год работает в двух секциях: по народному образованию и Губ. Р. К. И., где состоит секретарем бюро этой секции. Товарищ Колосова провела большую работу: обследовала детскую колонию имени Батурина, детдом № 4, что на Всесвятской, мастерские при детдоме, которые обслуживают ряд детских домов. По материалам обследования была выделена докладчиком на пленарном заседании секции народного образования.

Помимо этой большой работы тов. Колосова участвовала в обследовании хлебопекарни, работала по обследованию лесозаготовительных органов—Лесзага и Ивлеспрома, при чем выделена содокладчиком по этому вопросу на пленуме Горсовета.

Горячо интересуясь работой, внося в нее большое умение и добросовестность, т. Колосова старалась держать связь с избирательницами: она отчитывалась перед домохозяйками своего района в Рылихе и делала отчетный доклад Горсовета на собраниях рабочих Сосневской фабрики.

Когда Президиум Горсовета запросил выдвиженцев на практическую общественную работу, то секция Р. К. И. выдвинула т. Колосову, как первого кандидата на эту работу, с аттестацией членов коллегии Г. Р. К. И.

В школьном совете.

Несмотря на то, что домашняя обстановка тов. Тутуевой сломила бы на ее месте всякого, т. Тутуева второй год принимает горячее участие в общественной работе. На ее руках большой муж и двое детей, но Евлампия Порфирьевна самая аккуратная посетительница общих и делегатских собраний, лучше других держит связь с домашними хозяйками своего района и работает, как прикрепленная к Горсовету, в секции народного образования. Все лето проработала на летней площадке для детей рабочих ремизо-бердочного завода. Каждая мелочь на этой площадке прошла через ее руки.

Тутуева работает в комиссии по приему в школу II ступени и в первую семилетку, где и состоит членом школьного совета.

Ее работа заслуживает полное одобрение окружающих. Товарищ Тутуева новый тип женщины домохозяйки, которой уже душно и тесно у печки, которая уже не может жить без общественной работы.

Н. Семенова.

Рассказ Ильичевой.

В 1917 году, семнадцатилетней девушкой, жила я в городе Серее и работала на фабрике быв. Павловской. Захватила меня революция! Ни одного собрания не пропускала, ходила на все митинги. Очень хотела не отстать от своих товарищей—большевиков. Часто отца своего спрашивала: почему их «большевиками» зовут? А он только и скажет: «молода еще, чтобы все знать».

Бывало, отец не позволяет, а я все бегу на собрание, стала кое что понимать. Больше всего мне беды было от дедушки. Он у нас всем домом распорядился и, в конце-концов, в 18-м году настоял выдать меня замуж. А я страсть не хотела замуж, и жених не нравился.

Выдали, живу с мужем. Ну, конечно, какая жизнь! Частенько думала о том, чтобы покончить с собой, но жалела мать, которая жила тоже под гнетом своей свекрови, а отец строго держал и часто бил.

В 18-м году меня, по разгрузке, с фабрики сняли, и пришлось ехать в деревню, работать на земле. Тяжело. Помощников в семье не было. Родился ребенок, мужа взяли в Красную армию. Стало голодно жить. Тогда городские ходили по деревням и, что пспало, меняли на хлеб.

Понимала, что люди свои, рабочие, голодают. Хлеба у нас было достаточно, и я всегда делилась. Из-за этого в семье был всегда скандал, и свекровь жаловалась деду, когда он приезжал домой. Много я вынесла и попреков и побоев.

Вернулся муж из Красной армии. Хлеба было излишку. Стали собирать продрозверстку. Многие хлеб прятали, и муж тоже хотел прятать, да я не давала. И опять из-за этого муки приняла. Муж опять ушел в армию, а я осталась с детьми. Урожай был плохой, и пришлось мне продать лошадь, осталась я с одной коровой. В хозяйстве прожить без лошади никак нельзя, и мне приходилось вымаливать лошадь за отработку.

Вот такая была жизнь до 22-го года. Пришел муж—еще тяжелее стало. Постоянно попрекали, что прожила я хозяйство, не хотела прижимать. Потерпела я год и, воспользовавшись тем, что беднячек брали в фабрику, пошла работать.

Тут сразу ожила. Потянуло к общественной работе, к жизни, к партии. Подала заявление. Стала посещать собрания, записалась в школу политграмоты, выполняла всю работу, что поручали. А дома не было жизни. Муж был противником.

Для меня так вопрос встал: или партия, или семейная жизнь.

Не хотела я променять партию и разошлась с мужем. Всецело отдалась общественной работе, новая жизнь для меня открылась.

Когда пустили Нижне-Середскую фабрику, меня послали на фабрику для чистки станков и для работы среди женщин.

Потом в фабксм меня выбрали, выбрали и членом бюро ячейки, где проработала два срока. В фабрике я работала на 3-х станках.

Из партийных я одна на ткацкой. Всюду меня выбирали и выдвигали, и для дома времени не оставалось. Спала я не больше 4—5 часов в день. Родился ребенок, но и тогда я не прекратила работы, и сейчас я член Горсовета, член правления ЕПО и член женкомиссии.

Ильичева.

Строит жизнь детям.

Отец был сапожник, а мать ткачиха. Известно, какая жизнь. Только два года в школе поучилась,— погнали в няньки. Потом на кондитерской Головина проработала три года. Мать в ногах валялась у Гарелина, чтобы позволил взять на фабрику ученицей. С раннего утра бежала на фабрику и училась до 6 с половиной часов, а потом опять на работу в кондитерскую. Полных 14 часов непрерывно работала. Через шесть недель выучилась на ткачиху, взяли на фабрику. Там работала до самого останова фабрики.

В первые выборы делегаток на фабрике стала я делегаткой-практиканткой в Горпродукте. Три года так проработала.

В 1923-м пошла на Сосневскую, уборщицей ткацкого корпуса, а потом опять на станок. Здесь от общественной работы не отказываюсь. Меня проводят цехделегаткой,— в жилищной комиссии, квартиры обследую, заявления разбираю, председательствую в ревизионной комиссии фабкома.

В 1924-м году вступаю в партию. В 1925 году посылают завхозом в ясли; очень я боялась этой новой работы, но все же пошла.

Секретарь коллектива * мне говорит: «чего ты боишься? С нашей помощью справишься». И вправду — выучилась и веду самостоятельно все хозяйство. Было много ревизий, но с радостью и гордостью могу сказать, что дело идет хорошо. Ребятам в яслях тепло, сухо и сытно.

Кузнецова-Суслова.

Из делегаток в фабком.

Анна Селиверстовна Колесова.

Мало у нас еще женщин, которые своим трудом добились умения вести большую работу. Особенно мало таких, которые могли бы вести большое и сложное дело. Например, быть председателем расценочно-конфликтной комиссии. И если вырастают такие, то их ценят и рабочие и работницы.

Вот на нашей фабрике выросла такая женщина. Это Анна Селиверстовна Колесова, подлинный тип тех женщин активисток, которых вызвала к жизни октябрьская революция. 16 лет т. Колесова провела у станка, по профессии ватерщица. В 1922 году выбрали ее делегаткой. Проработала год, упорно работала над собой, выбрали ее в цеховые делегатки. И тут три года подряд, тесно связавшись с массой, несет она по выборам этот нелегкий труд. Колесова всегда чутко улавливает запросы массы и умеет добиваться нужного для них. В 1925 году Колесову выбрали уполномоченной ЕПО и членом комитета

Уездной страхкасы, где работает и сейчас; в 26-м году избирается членом пленума фабкома и скоро настолько завоевывает доверие, что ее выбирают в рабочий аппарат фабкома председателем расценочно-конфликтной комиссии. Так, шаг за шагом женщина работница вступает в ряды тех, кто управляет государством.

Яков Паркиш.

Хотя и беспартийная.

М. Козлова.

Родилась в с. Парском, в самой, можно сказать, бедняцкой семье. Родители, как ни были бедны, а послали меня учиться в приходскую школу; школу окончила 11 лет. 15-ти лет пошла уже на фабрику, работала 6 лет ровняльщицей, а потом перешла на ватерную.

В 20 году умер у меня муж. В горе я не растерялась, хотя и было двое малых ребят.

С 1918 года пошла на общественную работу в своем цеху. Много раз мне говорили: почему ты не идешь в партию?—Но я думаю, что мало еще знаю, мало могу помочь партии. Выбрали меня в делегатки женотдела и цеховым делегатом, возложили работу и по партийной линии, хотя я беспартийная. Теперь взялась за учебу. Хочу подготовить себя к партии. Выбрали меня в горсовет, членом фабкома. Работы по горло, и я работаю вместе с партией, хотя и беспартийная.

Н а ш а К а т я .

Сразу ее не заметишь. Среднего роста, худощава. Она склонилась над станком, выбирающая готовые полотна ткани. Ловкость рук, быстрые движения и сосредоточенный взгляд говорят о том, что она вся ушла в работу.

В минуту, когда станки идут хорошо, работница быстро схватывает карандаш и клочек бумаги, лежащие тут же в ящике, и начинает что-то, напряженно думая, чертить на бумаге. Видимо, она считает. Но вот кончилась бабилка. Она быстро ее сменяет, пускает станок, внимательно, хозяйским глазом оглядывает—все ли в исправности, подбегает к соседке, которая отлучилась, и пускает ее станок.

Снова минута свободна. Она уже не пишет, а что-то вполголоса говорит про себя. Так, не только в свободное от работы время, но и во время работы, не отрываясь от нее, обрабатывая не только свою пару, но помогая и соседкам, училась

Кириянова счету и письму. Подруга давала ей примеры на счет до 100 и над этими-то числами, складывая 33+60, думала она в перерывы от работы, приписывая к 33 шестьдесят палочек. Эта упорная работа над собой сделала свое дело, и из неграмотной работницы (училась в школе 2 недели) вышел крупный общественный работник.

Кириянова с пятнадцати лет на фабрике Балина в Юже, где жили ее родители. 17-й год застал ее там же. В 18-м году она член комсомола и впервые начинает принимать участие в общественной работе, работая председателем правления клуба рабочих подростков. Она в то же время активный работник своего цеха. К Кате идут работницы за всеми разъяснениями. 21-й год. Катя замужем. Из комсомола вышла. Но во взглядах на общественную жизнь с мужем не сошлась. Развод. Катя снова одна и уходит с головой в работу. Фабрика встала и с пуском Родниковской фабрики она перебрасывается в Родники.

Ткацкая. Общежитие работниц. Новые товарищи. Южане держатся несколько обособленно. Катя у них, как организатор. Понемногу втянулись в общее течение жизни. Выборы цехделегаток. Катю избирают в их число, а потом и в члены пленума фабкома. Кириянова не только сама аккуратный посетитель всех профсоюзных и женских собраний, но обычно она ведет за собой и других работниц, живущих с ней в одной спальне. В то же время она и активный работник клуба. Будучи беспартийной, она все же близка к работе партии. Со смертью тов. Ленина почувствовала, что надо быть в его партии, и в первый же Ленинский призыв вступила в ВКП.

Скоро ее избирают цехженорганизатором и членом бюро ячейки.

Летом 1925 года, с развертыванием ясельной сети в деревне, Кириянова с несколькими работницами перебрасывается в деревню, где заведует детскими яслями. Днем с детьми и по хозяйству, ночью за прачку, с восходом солнца полощет белье,—так работала Кириянова.

В праздничные дни беседы с крестьянками. Своей неутомимой работой, образцовым порядком в яслях, чутким, внимательным отношением к нуждам и запросам крестьянок она заслужила доверие не только крестьянок, но и бородачей-мужиков. Катя стала первой советчицей и любимицей не только Филисова, но и окраинных деревень.

Осень, когда перед райженотделом встал вопрос о подборе волженорганизатора для Филисовской волости, первым кандидатом была т. Кириянова, сама своим упорным трудом создавшая почву для работы и имеющая авторитет среди населения, а с марта 1926 года она уже выдвинута на работу заведующей Родниковским райженотделом и этой работе отдает себя целиком.

Так, малограмотная работница, благодаря упорной работе над собой, энергии, любви к делу, руководит работой среди женщин целого района, поднимает новые дремлющие силы из рядов работниц и крестьянок и вовлекает их, вместе с коммунистической партией, в дело строительства новой, светлой, радостной жизни.

С первого делегатского собрания.

Маленькая, живая, ей 52 года, а она не может усидеть на месте ни минуты. То ей нужно в Горсовет на заседание, то на пленум фабкома, то на заседание комиссий по назначению пособий по безработице при Губстрахкассе, то посмотреть и проверить работу делегатского собрания или секции. Вечно в работе, и, кажется, она никогда не усидит без работы. Большую школу борьбы и общественной работы прошла тов. Засорнова.

С 8 лет пошла работать на огороды, с 15 лет на фабрике, а всего 42 года ткачихой. 17-й год застал в Архангельске стрелочницей, а в начале 18-го года приехала обратно в Иваново на Маракушевскую фабрику.

Начала свою общественную работу с первой ступеньки, с которой начинает теперь большинство работниц—с делегатки.

1919-й год. По фабрикам Иваново-Вознесенска начинаются выборы делегатов. Непонятна для работниц роль и задачи делегатов, недоверчиво они относятся к выборам.

Выбрали самых активных работниц. На Маракушевской фабрике в числе 8 работниц была выбрана и тов. Засорнова. В первом делегатском собрании было всего 150 человек. Все вопросы, которые стояли перед разрешением молодой Советской республики, были предметом обсуждения делегатского собрания. Делегатов можно было видеть везде: они участники воскресников, контролеры в учреждениях, главным образом, детских, шьют белье для фронта, убирают солдатские казармы, больницы, принимают детей голодающих.

Тов. Засорновой пришлось провести большую работу по организации детского приемника.

По окончании 6-ти месячного срока работы—наиболее активные делегатки были брошены по различным учреждениям.

Перевыборы делегатского собрания 1-го созыва проходили уже с большим подъемом. Практическая работа делегатов сделала свое дело. Бывшие делегатки стали уже сами участвовать в организации второго делегатского собрания.

По окончании 6 м. делегатского стажа тов. Засорнова—практикантка Губземаотдела, которым посылалась в волость на с'езд.

Через некоторое время из Губземотдела была снята для работы в деревенском п/отделе при Губкоме ВКП(б) инструктором красной повозки.

Красные повозки оказывали помощь крестьянкам-красноармейкам, как в их хозяйстве (косили сено, рубили и пилили дрова, боронили и пахали поле), так и по разъяснению и отстаиванию их прав.

С ликвидацией деревенского п/отдела Засорнова перешла в агентство Центропечати заведующей красной повозкой, а после ликвидации красных повозок—инструктором Ивановского уженотдела в 1922 году. В конце 1922 года была послана на женработу в союз горняков, где организовала первые делегатские собрания торфянок. После этого снова работала в Губженотделе инструктором, а потом в губбирже труда. С конца 1924 года тов. Засорнова уже организатор по работе среди женщин и председатель комиссии по охране труда в завкоме ремизобердочного завода. Последняя работа—член фабкома и женорганизатор ф-ки ИВПИ и член Горсовета в секции охраны материнства и младенчества.

Так, начавши свою общественную работу с первого делегатского собрания, не отрываясь от работы среди женщин ни на один день, тов. Засорнова в нужный момент всегда была готова принять возлагаемую на нее работу и эту работу выполняла с честью.

С у х а н о в а.

Дочь рабочих, с 9 лет сама зарабатывала кусок хлеба. Гонимые нуждой родители еще ребенком отдали ее к огородникам, где за непосильную работу платили 20 коп. в день. С 14 лет, малолеткой, поступила на фабрику Каретникова разбирать катушки, а с 16 лет—на прядильные машины. В тяжелых условиях проработала на фабрике 8 лет. В поисках лучшего решила переехать в Иваново, где целый год ходила от фабрики к фабрике в надежде найти работу, перебиваясь кое-какой работой. Наконец поступила на фабрику Гандурина разнорабочей.

На этой фабрике проработала 11 лет. 1917 год застал меня там же. Переживши много горя и нужды, горя ненавистью к хозяевам, я искала путь для того, чтобы выбраться из рабства. И решила: моя дорога должна быть общей с большевиками, и на второй день революции я вступила в ряды большевистской партии. Начиная с 1917 года, исполняла ряд должностей и поручений. Работала в органе надзора при организации фабрично-заводских комитетов, была членом фабкома. Как и многие работницы во время забастовки сразу же откликнулась на призыв стачкома, пошла в пикеты с винтовкой в руках охранять

фабрику от расхищения. Не умела обращаться с винтовкой, которой и в руках никогда не держала, но приходилось делать вид, что действовать умею.

Тут-то и запала у меня мысль о необходимости пройти военную подготовку на случай, когда пролетарскому государству потребуются и наши силы.

Несмотря на насмешки со стороны некоторой части работниц, я все же, вместе с мужчинами, прошла 96 часовую военную программу.

В 1918 году, во время Ярославского мятежа, вместе с рядом других товарищей была мобилизована.

Прошла месячную подготовку на санитарку и была отправлена на Ярославль.

После мятежа снова вернулась в производство.

В 1920 году меня избирают членом фабкома.

Через два года я была послана избачем в Авдотьинскую волость. Там проводила выборы делегаток и вела с ними работу, подготовляла к кампании по перевыборам ККОВ. Но производство меня тянуло к себе, и в 1923 году я снова на фабрике БИВМ, работаю в заварке, состою членом бюро коллектива ВКП (б) и членом женкомиссии, а с 1927 организатор среди женщин на фабрике.

Так революция открыла мне глаза, научила работать, и теперь сама веду работу среди женщин, вместе с партией воспитываю новую смену.

Председатель Р.К.К.

Ей сейчас 35 лет. Дочь рабочих, сама с 14 лет на фабрике Родниковской М-ры, бывш. Красильщикова, теперь «Большевик»,—ткачихой. В 1914 году пришлось испытать первое «боевое крещение». На фабрике вспыхнула забастовка. Рабочие вышли с требованием увеличения заработной платы. Для переговоров с администрацией были избраны делегаты от всех цехов; в то число попала и тов. Туртушкина от ткачих своей смены. Бастовали два месяца, но фабрикант не шел на уступки. Конец забастовки положили приехавшие блюстители порядка: губернатор и фабричный инспектор. Собрали конференцию рабочих, на которой и предложили высказать свои требования. Выступила, дрожа от волнения, и тов. Туртушкина и рассказала об условиях труда ткачих. Но в ответ получила: «Стыдно заниматься таким грязным делом. Тебе нужно замуж выходить, да детей рожать, а ты еще делегаткой являешься».

С того раза еще больше стала разгораться ненависть к хозяевам. И после Февральской революции 1917 года 10-го марта вступила в коммунистическую партию. При выборах зав-

кома была избрана в завком—товарищем председателя. В тот тяжелый и ответственный момент, момент массовой организации рабочих в профсоюз, в момент перехода власти в руки Советов, голодовки, условия для работы были чрезвычайно тяжелыми. Тов. Туртушкина так работала в завкоме до 1919 года, когда была мобилизована Райкомом в качестве руководителя продотряда в Самарской губернии.

Там проработала шесть месяцев—с мая по сентябрь. Можно представить себе трудности этой работы, если принять во внимание разгорающуюся кругом гражданскую войну.

Только успела отдать все отчеты Губпродкому, как в январе 1920 года была снова мобилизована на фронт. Пришлось отдать троих детей в детский дом (муж умер). Прошла курсы красных сестер милосердия и была отправлена в распоряжение Военно-санитарного управления. Проработала год сестрой, а затем фельдшером, 2½ года работала по сыпному тифу, заболела тифом сама и только после 3-х месяцев болезни получила отпуск. Райком послал ходатайство об оставлении для работы в Родниках, еще 6 месяцев работала заведующей райженотделом, а потом налаживала хозяйство детского дома.

«Тетю Дуню» знали и любили не только крестьяне, воспитанники детского дома, но и ребята улицы, которых она сумела привлечь к себе.

С 1925 года, после непродолжительной работы секретарем советской ячейки ВКП(б), рабочими Родниковской фабрики снова была избрана в состав фабрично-заводского комитета. Почти два года работала в фабкоме по работе среди женщин, а в настоящее время—заместитель председателя фабкома и председатель расценочно-конфликтной комиссии. Работа на фабрике, где работает более десяти тысяч человек, не легка, особенно в РКК. Нужно не только учитывать требования или претензии рабочих, нужна правильная оценка положения, знание политики профсоюзов и твердость в проведении этой политики.

Из делегаток в члены Губпрофсовета.

(Работница Никитина с ф-ки Томна).

Т. Никитина работала на ф-ке Томна в прядильной на банкаброшах и в феврале 1917-го года, когда приходилось очень голодно, поехала за хлебом в Казанскую губернию. Там попала в руки белых, заболела тифом, а когда вышла из больницы, белые мобилизовали копать окопы и под конвоем гоняли на прессовальную фабрику прессовать сено.

Проработав лето в ужасных условиях, Никитина вышла замуж за рабочего с мельницы и сама поступила на мельницу писать талоны, где проработала до 1921-го года. Потом сельский

сход настоял, чтобы перешла я работать в американскую столовую, там тоже целый год работала. После этого муж построился, и мне пришлось сидеть дома, но и тут тянуло на общественную работу. Я доставала и шила белье для ребятишек в детском доме города Лаишева.

В 1924-м году муж умер, и я вернулась на родину к себе на фабрику, пошла работать в сортировочную, а теперь работаю на ленточной. С 24 года, с октября, я была выбрана делегаткой, много занималась, аккуратно работала. Меня выбрали в городской совет, в Уисполком и членом ревкомиссии в ЕПО.

Работы мне давали все больше, а потом выбрали членом Губпрофсовета.

Могу сказать, что развернуть общественную работу толкнуло меня делегатство, и я бы хотела, чтобы каждая работница прошла делегатское собрание.

Седова Клавдия.

Работницы городского района Иваново-Вознесенска хорошо ее знают и не удивительно: будучи заведующей Райженотдела городского района, она постоянно бывает на фабриках как во время работы, так и на собраниях.

Прежде чем взять на себя эту большую и ответственную работу, тов. Седова прошла большую жизненную школу.

С 11 лет стала добывать себе кусок хлеба, сначала в прислугах, а потом на фабрике. Тяжелые условия труда и существовавшее неравенство будили дремавшую мысль, а политические книжки ее развивали. Родители, боясь, что дочь станет «политиканткой», поспешили выдать замуж.

1905 год—забастовка. Тов. Седова связана материнством, но она все же идет на Талку послушать Дунаева и др. товарищей.

1905-год раскрыл глаза. Окончательно убедилась в необходимости вести борьбу с царизмом.

С революции 1917 года начинается громадная работа по организации масс в профсоюз.

Рабочие, а особенно работницы, напуганные царскими палачами, относятся недоверчиво, боясь, как бы не вернулось старое и не пришлось бы вновь пострадать. Но раз'яснительная работа делала свое дело. И не мало участия приняла в ней тов. Седова, работавшая в то время у станка. В это же время организуется союз солдатских жен; союз, руководимый большевиками, ведет агитацию против войны. Тов. Седова вступает в члены союза и, вместе с солдатками и руководителем союза тов. Жиделевым, посещает все митинги, проводя резолюции с требованием прекращения войны.

В 1918 году Седову выбирают в фабком. Страна переживает разруху, голод, рабочие вынуждены сами отправляться добывать себе хлеб по деревням. Дня три в неделю фабком только и занимается выдачей удостоверений на проезд. Чрезвычайно трудный период. Но рабочие не теряли надежды на окончательную победу, и чтобы веру в силы рабочего класса поддерживать, чтобы не отдать рабочий класс под влияние меньшевиков и эс-эров, которые вели большую борьбу, приходилось упорно раз'яснять путь революции рабочего класса. В это время тов. Седова выбирается в Совет Рабочих Депутатов.

Весь 1920-й год т. Седова в Ейске, работает среди работниц на транспорте. Парторганизация посылает в деревню собирать разверстку. Работа трудная, много товарищей пострадало от неосознанности крестьянства. Хлеб собран. Нужно его отправлять, но паровозы без топлива. И снова работа, но уже среди работниц: организация субботников для накачивания мазута и отправки эшелонов.

1922-й год в Иванове—разнорабочей по двору на фабрике...

Выбирают в фабком, а потом женорганизатором на БИВМ.

В 1924 году инструктор Губженотдела, а в настоящее время заведующая городским Райженотделом. Любовь к делу соединяется в ней с настойчивостью в достижении намеченных целей. Много приходится вести работы, чтобы на свое место выковать новых работников, новых борцов, которые были бы истинными ленинцами, продолжали бы его дело.

Из батрачек в секретари ячейки.

(Рассказ т. Молосковой).

Я сама Иваново-Вознесенская. Родилась в Родниках. Отец и мать кровные рабочие. Отец умер рано, мне и году не было. Воспитывала мать. Легкой жизни не знала. Училась в школе 3 года. А потом пришлось итти по чужим людям, батрачить за хлеб.

В 19 лет вышла замуж и поступила на прядильную. Ребята пошли. Наступил Октябрь, а у меня мал мала меньше. Кругом кипит, каждый день новое слышишь, а ты сиди, как привязанная. Тянуло к общественной работе.

В 1919 году осталась я одна с тремя сынишками. Тяжело было. Самые страшные года 20-й и 21-й. Часто казалось: вот не вытерплю, пропаду, ведь фабрика-то стала. Пришлось мне с ребятами пуститься искать лучшего места, и я два года прожила в Самарской губернии. В 21-м году, в конце его, вернулась в Родники и пошла на фабрику ленточницей в прядильную.

Вступила в партию, и скоро меня послали работать в ясли. Работала в них до двух лет, ребят полюбила, и когда эту должность сократили, опять вернулась на фабрику, откуда пошла на курсы. Но опять потянуло к детям и снова в яслях работала два года. Постоянное участие в партийной работе не дает мне возможности оторваться от партийцев, товарищей по фабрике.

В последние перевыборы выбрали секретарем парт - цех ячейки.

Часто я думаю о тысячах работниц, которые выбиваются из рабства и тьмы на светлую ленинскую дорогу, и тогда у меня усталость как рукой снимает.

Крестьянка—общественница.

О своей жизни т. Е. Н. Шеберешева так рассказывает: «Я родилась в Ермиловской волости, Ярославской губернии, в д. Ульяновской, в очень бедной семье. Семья была большая. Уже в 10-11 лет я управляла всем домашним хозяйством, работала в поле, а когда исполнилось семнадцать, то, не спросясь, выдали замуж, да в чужое село. Но и тут не посчастливилось: муж скоро умер. Пошла в прислуги и проработала 3 года. Снова вышла замуж за вдовца с детьми, и здесь жизнь не была сладкая. Бедность страшная, муж выпивал, был очень слабого характера, и своими силами приходилось одевать и кормить семью.

Пришел Октябрь, дал крестьянам землю, я стала усиленно заниматься сельским хозяйством, а голова была задурена религией, и многого я не понимала.

Тогда часто устраивали собрания. Ходила на них и тут совсем разубедилась в своем темном понимании и сознала, что это дурман для народа.

Скоро выбрали в делегатки, и я втянулась в работу. Захотелось учиться, послали в совпартшколу. Прослушала я четырехмесячные курсы и тогда узнала всю сущность советского строительства.

Когда добилась, что вся моя семья стала одним духом дышать, я подала заявление в партию, меня приняли; вот с 1925 года я работаю по работе среди женщин в качестве сельорганизатора в своем селе, принимая участие во всей работе района: член школьного совета, член президиума комитета крестьянской взаимопомощи, член районного совета крестьянских депутатов и член бюро Мопр'а.

Вот как я прожила свою жизнь и вот как, в 40 лет только, увидела настоящий свет».

Пирогова

(Тейковское Е.П.О.).

Тов. Пирогова первый раз попала в кооперацию, когда была избрана в члены ревизионной комиссии. «Когда меня выбирали, говорит тов. Пирогова, совсем я ничего не понимала в кооперативной работе, и это меня пугало: как, думаю, я справлюсь? Еще там намошенничают, а я буду отвечать,—совсем духом упала».

Однако ее опасения оказались напрасными. Она очень много работала над собой и скоро научилась разбираться в документах и даже не раз указывала недочеты своим товарищам по ревизии.

На другой год тов. Пирогова проходит в ревизионную комиссию без возражений, и ее пример вызывает такое доверие к женским кандидатурам, что в Тейковское ЕПО проводят 3-х женщин.

Тов. Пирогова разбирается во всей сложности работы кооперации, и Правление ЕПО неоднократно снимает ее с фабрики, давая ответственные поручения.

Так выросла, как кооперативный работник тов. Пирогова, всегда живая, деятельная, хозяйственная, деловая и артельная кооператорша.

Крестьянка Котельникова

(Васильевское ЕПО, Шуйского уезда).

Три года подряд пайщики Васильевского ЕПО выбирают членом Правления тов. Котельникову; она, главным образом, работает по организации крестьянок в кооперацию, и ей это удается.

Вокруг нее организовался в кооперации довольно крепкий женский актив. Она дает задания крестьянкам, к ней постоянно ходят за советами, ей приносят образцы нехорошего товара, дают свои деловые замечания пайщицы. Она действительный приводный ремень от кооперации к женской массе.

Котельникова очень чутка. Прослышала об уголках «Матери и ребенка» в кооперации, сговорила с правлением и сейчас же принялась за его организацию, при чем организовала его не в больнице, а при избе-читальне, где через уголок проводит беседы и лекции. Котельникова сумела привлечь к работе уголка медицинские силы. Уголок расширил по ее инициативе свою деятельность и выезжает в окружные деревни для просветительной работы и посещений крестьянок на дому.

Ее работа не осталась бесследной. Безболезненно удалось провести через пайщиков отчисление на ясли из прибылей кооперации,—это были первые ясли в губернии, целиком организованные за средства кооперации.

Пример Котельниковой особенно ярок потому, что еще во многих кооперативах не придают значения работе крестьянок в кооперации, а тяга среди женщин к кооперации есть, например: в Юрьев-Польском уезде крестьянки решили ходить мыть полы в исполком, а полученные за это деньги вносить, как пай, в кооперацию.

Работница *Малышева*.

ЗА НОВЫЙ БЫТ

Работница и новый быт,

Наши великие учителя Маркс и Ленин учили нас тому, что социализм это не только перестройка хозяйства на новых началах, но и перестройка всей жизни по новому.

Сейчас мы уже видим, как понемножечку перестраивается наша жизнь, но все же в ней еще слишком много старого хлама, полученного нами от старого буржуазного строя. Сознательные работницы должны внимательно относиться к работе по улучшению и изменению нашего быта.

Мы строим социализм в стране, которая еще очень отстала в отношении культуры, образования, всего уклада жизни, а между тем, по словам т. Ленина, «без поголовной грамотности, без достаточной степени приучения населения к тому, чтобы пользоваться книжками» цели нашей достигнуть нельзя. Вот почему товарищ Ленин такое огромное значение придавал ликвидации неграмотности. Это первый шаг к культуре, к образованию, к пониманию задач партии и советской власти, и работницы должны прежде всего понять, что, помогая работе по ликвидации неграмотности, они вносят свой кирпичик в дело строительства социализма.

Но не только это. Каждая работница должна в своем быту, в своей семье строить новый быт, который поможет воспитывать новых людей.

Много у нас еще всяких остатков старого крепостнического отношения к женщине в нашей домашней жизни. Бывает так, что даже в передовых рабочих семьях сохраняется старый взгляд на женщину. Она, мол, дура, и нечего к ней по-человечески относиться. Разговаривать с ней можно только о ее домашних делах, другим она ничем не интересуется.

Часто бывает: придет к мужу товарищ, идет разговор о разных общественных вопросах, о том, что слышно о международном положении и о других всяких делах на фабрике, в завкоме, в ячейке,—жену в эти разговоры не втягивают, и она сама считает, что так и быть должно.

Такое отношение к женщине в семье рабочего отзывается на всем быте, делает его старым, отсталым. У женщины как будто в голову ничего, кроме домашних забот, не укладывается. Так и детвора начинает смотреть на сестру, на мать, появляется грубость к женщине, как к существу низшего порядка.

С этими остатками старого быта должны бороться передовые работницы, не только в своих семьях, но и разъясняя рабочим и женской рабочей массе всю недопустимость такого подхода к женщинам в семье.

Воспитание ребят тоже частенько складывается по старому, нет у нас к ним с раннего возраста отношения, как к товарищам, которым нужно постараться все, что их интересует, разъяснить так, чтобы они поняли.

Отношение к детям, как к равным, делает их уже с малых лет понятливее, толковее. Они начинают и к окружающим относиться так, как надо детям пролетариев,—по товарищески, по дружески.

Наша семья хоть в общем и сохранилась еще от старого быта, но отношения между членами семьи должны складываться по новому, не как раньше в мелко-буржуазных семьях. Наша семья не должна в себе сохранять ничего от старых отношений между людьми из тех времен, когда жена находилась в полной зависимости от мужа и должна была к нему пребывать в почтении и повиновении, а муж мог всячески издеваться над ней.

По нашим советским законам женщина вполне равноправна мужчине. В семье тоже должно быть это же полное равноправие между мужем и женой. Они должны быть двумя товарищами по общественной работе и борьбе за новый строй общества—за социализм.

Капиталистический строй общества, из которого мы только что вышли, основан на частной собственности. Люди, живущие в этом строе общества, думают только о том, чтобы им самим жилось получше. В лучшем случае они переносят свои заботы на своих родных. Каждый говорит: «Моя хата с краю, ничего не знаю», и все, что получше, старается притащить в свой угол. Каждая семья обособлена, отгорожена от другой семьи.

В наше переходное от капитализма к социализму время мы строим другую жизнь. Мы выходим из нашей семейной ограниченности к жизни в обществе.

Человек делается частью коллектива, частью всего общества.

В капиталистическом обществе на семье лежат все заботы о детях, о питании членов семьи, о воспитании детей, о починке, стирке белья и пр. Все эти заботы ложатся на женщину. Тов. Ленин называет эту работу женщины мелкой, отупляющей и непроизводительной.

Теперь у нас еще слишком мало учреждений, раскрепощающих трудящуюся женщину от домашней работы, которая превращает ее в домашнюю рабыню. Это объясняется тем, что мало у нас еще средств, а также тем, что женщина еще слишком мало вовлечена в производство и домашний труд ее считается ни во что.

Вместе с развитием производства все больше и больше женщин пойдут на фабрики и заводы, и все больше и больше ее домашняя работа будет превращаться из домашней в общественную.

«Для полного освобождения женщины и для действительного равенства ее с мужчиной нужно, чтобы было общественное хозяйство и чтобы женщина участвовала в общем производительном труде. Тогда женщина будет занимать такое же положение, как и мужчина» (из речи тов. Ленина на конференции московских рабочих).

С тех пор, как пролетариат взял в Октябре власть в свои руки, он не только издал закон, по которому женщина пользуется всеми политическими правами наравне с мужчинами, но советская власть немедленно приступила к строительству учреждений, снимающих с женщин домашние тяготы. Однако мы знаем, что у нас еще далеко недостаточно всех этих учреждений, в корне изменяющих быт женщины и семьи.

Правда, у нас уже есть и ясли, и детские площадки, детские дома, и общественные столовые, но всех этих учреждений слишком мало. Возьмем, например, общественное воспитание. В начале революции частенько работницы с недоверием относились к детским учреждениям. Наиболее отсталые даже пускали в ход слухи, будто бы советское правительство собирается отнимать детей у матерей и помещать их в детские дома. В ясли—и то неохотно отдавали детей.

Все это давно уже прошло. Работницы теперь прониклись доверием к детским учреждениям, но у советской власти нет достаточно средств, чтобы обеспечить яслями, детскими садами и домами всех детей трудящихся.

Мы знаем, как много у нас беспризорных ребят, оставшихся после гражданской войны, после тифа и голода круглыми сиротами. Пока наше правительство занято обеспечением питания и воспитания этих детей, а тех, у кого есть хотя бы один родитель, приходится оставлять на попечении семьи.

Но значит-ли это, что мы должны сидеть, сложа руки, и сами ничем не помогать нашему государству в устройстве таких учреждений, которые со временем должны окончательно раскрепостить работницу? Конечно, нет! Товарищ Ленин сказал, что освобождение работниц должно быть делом самих работниц. Что это означает? Прежде всего, это означает, что женщины-работницы должны сами заботиться о том, чтобы существующие учреждения работали лучше, а также и о том, чтобы их было больше.

Кооперация может помочь работницам в этом отношении. Нужно привлекать в кооперацию как можно больше женщин и ставить вопрос о том, чтобы часть прибылей шла на устройство общественных столовых, детских и др. учреждений, которые помогают женщине.

В клубе, в общежитии можно устроить детскую площадку или детский уголок с дежурством матерей. В Москве есть клуб, в котором самими матерями устроена детская комната для малышей, с 15 кроватями для грудных и на 15 ребят постарше. Матери—члену этого клуба—есть куда отвести своего ребенка и самой отдохнуть в клубе, почитать, послушать лекцию, музыку. Обходится все это в месяц в 110 руб., с питанием для детей и няней. Средства собираются со всех членов клуба.

Нужно работницам обратить внимание на общежития, где ребята остаются без всякого надзора. Такая безнадзорность ведет к нехорошим вещам. Многие ребята дичают, превращаются в хулиганов. Нужно делегаткам наладить жизнь детей в общежитиях путем дежурств матерей, устройством для них каких-нибудь разумных развлечений.

У нас на все отвечают: у нас теснота, беднота, где уж тут. Это верно: рабочие еще живут в трудных жилищных условиях, но все же есть и клубы, и столовые при фабриках, и школьные помещения, которые по воскресеньям пустуют. Наконец, весной и летом многое можно устроить в каком-нибудь дворе или саду.

Уменья устроить у работниц достаточно. Недаром тов. Ленин говорил, что у женщины-работницы много организаторского таланта.

Вот только плохо мы раскачиваемся. Все кажется, что ничего то у нас не выйдет! Это неверно. Начинать надо с маленького, но, взявшись за дело, уж не отступаться от него.

Каждое, хотя бы и маленькое, учреждение, помогающее женщине хоть в некоторой степени освободиться от домашнего труда, имеет огромное значение. Товарищ Ленин призывал всех трудящихся заботливо относиться ко всем этим «росткам нового быта». Они призваны со временем окончательно уничтожить неравенство женщины с мужчиной, которое объясняется домашней закабаленностью женщины.

Будем следовать совету тов. Ленина, будем растить и холить те ростки нового быта, которые у нас уже имеются. Приложим также все силы, чтобы, работая в кооперации, в профсоюзах, направлять внимание этих органов на организацию новых учреждений, и, наконец, путем самодеятельности, своими силами, будем использовать все возможности, чтобы, хотя отчасти, освободить себя от мелкого домашнего хозяйства.

Вместе с отдыхом от домашней работы женщина получит возможность и принять участие в оздоровлении быта.

По ком особенно бьет пьянство, хулиганство, как не по женщине? Теперь она ведет борьбу с этими явлениями, но неорганизованно, так сказать, кустарным способом. А между тем глубоко заинтересованная борьбой с этими тяжелыми сто-

ронами быта женщина должна получить возможность приложить все силы к общественным способам борьбы с этими явлениями.

Оздоровление быта, перестройка его на новых началах, необходимо для строительства социализма.

Недаром товарищ Ленин сказал, что постройка социалистического общества начнется только тогда, когда мы, добившись полного равенства с женщиной, примемся за новую работу вместе с женщиной, освобожденной от мелкой, отупляющей, непроизводительной работы.

С. Слудович.

Новая прядильная.

В красный, летний день, на траве, рядом с пухлой дорогой и гнилым забором, у холодных стен корпусов на лестницах, где поминутно ходят люди, работницы-матери кормят грудью детей. Их несут на фабрику из дома.

В условленные часы бегут матери от несмолкающих машин, бегут к проголодавшимся крошкам. А те, как галчата, раскрывают рты, чмокают губенками, призывно-нетерпеливо плачут.

И суровый фабричный двор, который знает лишь хлопок, машину да товар, по особому красочно выглядит, когда кормит грудью мать. Невольно цветут доброй улыбкой лица проходящих мимо! Прекрасная и вместе с тем странная, среди грязи фабричного двора, картина!...

Какое дело было Гандурину, что матери кормят детей под открытым небом, во дворе, на лестнице—среди фабричной грязи.

Никакого дела!

* * *

Своими руками строим новую фабрику... Вон она могучим, невиданным аэропланом распласталась там, за Старо-Дмитровской мануфактурой. Стройно громоздятся один над другим ее четыре этажа.

Поседела от инея кирпичная кладка внутри четвертого этажа. Как и везде, здесь не столько кладки, сколько окон. Через саженный простенок—двухэтажное окно.. простенок и опять окно. Строгими часовыми стали ряды богатырей-колонн.

В нижнем этаже будут служебные помещения. Он пока разделен перегородкой. От входной двери рабочий у этой перегородки кажется шестилетним, маленьким.

Около перегородки намечен зал в 10 на 6 сажен, где матери будут кормить детей.

Освежившись под умывальником, одев белоснежный халат, мать пойдет к своему любимцу, и не лестница, не трава у черного забора будет сиденьем для матери, а удобные кресла и диваны, где под рокот машин можно будет минутку передохнуть.

В зале, рядом (он будет чуть больше кормилки)—столовая. Перед уходом на работу или после работы, прядильщицы могут пообедать—обеда доставит Нарпит.

По всей длине в середине этажа намечена раздевальная.

И кормилка, и столовая, и раздевальная, все это для рабочих прядильной. На семьдесят пять процентов здесь будут работать женщины.

— «Не в пример лучше будет матерям в особой кормилке с ребятишками побыть, чем на дворе, в пыли да грязи»,—говорит пожилая работница. Она уже работает на новой прядильной и охорашивает присланные из за границы веретена.

Хлебозавод.

Разгрузить хозяйку-работницу от еженедельных хлебов—большая задача. И благодарная. Потому на несколько часов ее освободишь для книги и газеты...

Для нас кажется странным понятие—«Хлебозавод». До сих пор не было таких заводов. Хлеб испечен дома или в пекарне—это понятно, а тут—хлеб с завода!

Однако—это так... Завод уже дал пробу, выпустил белый, вкусный хлеб.

В опрятно выбеленном здании разместился завод на углу Воскресенской и Соковской. Если бы не труба,—она черным железным столбом выбросилась из группы белых зданий,—можно было бы подумать, что это не завод, а особняк: два этажа, огромные окна.

Гудит мотор под'емника. Мешки с мукой он доставляет на верхний этаж. Здесь тепло—мука подогрывается. Круглые пасти двух мукосеек ждут работы. Они и пресеивают, и смешивают, и насыщают муку воздухом.

Из прибора в прибор мука спускается с верхнего этажа к тестомесильной машине. Контрольные весы отпускают порцию муки и соответствующее количество воды. Такая смесь попадает в заранее подставленную дежу.

Любая хозяйка знакома с квашенкой, опарницей... Дежа—тоже опарница, вроде деревянной чашки семеновских кустарей, только... в нее уходит 60 пудов теста!

Эта чугунная чашка ставится на платформу тестомесильной машины... Характерный перегуд мотора, и тестомесилка ожила... Плавно вертится на платформе дежа, а шатун, как рука бодрой хозяйки, взмешивает шестидесяти-пудовую массу. И так дежа за дежой идут через две тестомесилки.

— Эк, ведь ворочает,—дивится рабочий.

Чтобы тесто бродило, «взошло», как говорят, дежи подогрываются горячим воздухом, а после этого электровозы, сетью

воздушных рельсовых путей, отправляют тесто на делительную машину в переднюю часть завода.

Здесь только делительная машина—заграничная гостья, остальные—изготовлены на советских заводах.

Склоненная дежа отдает тесто в воронку делительной, а машина, с немецкой точностью, дает нужные по весу хлеба; они тут же размещаются в формовки. Гнездами, секциями от 3 до 12 штук, на дугообразных висячих этажерках, мимо тестомесилки—формовки подвигаются к печам, на посадочную.

Замысловатая штука—машина для посадки... Опуталась роликовыми цепями, обставилась решетками. Шестерни, железные рамы... По рельсовым путям она ходит от одной печи к другой и бережно кормит хлебом то одну, то другую...

— Без лопат, без старинки.

Печей три, у каждой три пода. Голодными ртами смотрят они на посадочную машину и терпеливо ждут подачи. Печной под вместо кирпича выложен колосниками из наклонных железных трубок, в которых наглухо закупорена вода. Вода кипит и отдает тепло хлебу.

— Тут уж хлеб не подгорит!

За три смены завод может выпечь 3200—3600 пудов белого и черного хлеба.

Стоит ли хозяйкам канителиться с печкой, когда завод дает вкусный и чистый хлеб?!

Дм. Крестьянский.

Фабрика—Кухня.

— У меня Павлушка не стал обедать дома, а, глядя на него, Федор—тоже. Возьмут талоны и в «Нарпит»—один туда прямо с фабрики, другой из училища. Там, говорят, лучше и на людях веселее. А к тому же и время на обед не тратится. Глядели, глядели мы со стариком, да тоже в столовку стали ходить. Разве когда от охоты сготовишь обед дома,—рассказывала своим приятельницам пожилая работница...

...Словно заботливые хозяйки, с пяти утра поднимаются рабочие фабрики-кухни. Надо завтрак сготовить, да чтоб и с обедом не опоздать!.. Одели традиционные колпаки и белые халаты суетливые, плотные повара...

В десяти блестящих, наглухо закрытых котлах варятся разные супы. Котлы не на огне. Пища готовится паром. Рядом—девять котлов, чуть меньше размером,—тут соуса, гарниры, подливы.

Вместе с двумя плитами, где поджариваются котлеты, готовятся зразы, голубцы и прочая снедь, котлы занимают центр нижнего этажа кухни. По бокам расположены загото-

вочные отделы. Здесь машины чистят картофель, шинкуют капусту. Визжит круглая пила, разрезая кости в отделении, где заготавливают мясо. А рядом ритмично постукивает хлеборезка, машина, которая изящней любой мастерицы режет пряники ржаного хлеба...

На фабрике-кухне 111 человек рабочих. А пищу они готовят за несколько тысяч хозяйек. 8000 обедов в день летом 1926 г. и около 5000 обедов теперь—такова продукция фабрики.

Половину обедов везут на фабрики, в рабочие столовые, а половина потребляется в центральной столовой. Каждый день здесь бывает около трех тысяч посетителей. Рабочий люд, учащаяся молодежь, служилый элемент...

И машинная кухня вполне успевает их обслужить. И не только успевает—за большее берется: расширяет столовую на два больших зала, что пристроены в прошлом году. Расширяет для того, чтобы больше народу ходило обедать в Нарпит, чтобы больше хозяйек-работниц освободилось от горшков и ухватов...

А. Филатов.

Кусочек нового быта.

(Дом отдыха матерей с детьми в с. Богородском).

Решено расширить дом отдыха матерей с детьми в с. Богородском до 100 коек. Летом это даст возможность пропустить в течение 4-х месяцев 800 детей через ясли и детский сад при доме отдыха.

(Из отчета страх кассы
Ив.-Возн. губ.).

Мохнатые сосны. Высокое синее небо. Внизу серебро речки и цветущий покатый спуск к ней, усеянный молодыми сосенками. Солнце щедрое и ласковое... Кругом черника и брусника... Сколько радости для ребят?! Небольшие, красивые дачи тонут в зелени. Дорожки усыпаны песком. В дачах белоснежное белье—образцовая чистота. Отдельный домик—столовая для ребят и молочная кухня для грудных. Здесь царство детей.

Их привезли сюда вместе с матерями, пугливых и бледных зверушек—детей нужды, скученности рабочих жилищ, и они попадают в ловкие и нежные руки специально подготовленного персонала. Сначала слезы, тянутся за матерями, а потом привывают, и веселый их смех оглашает поляны и лес. Ребята быстро поправляются, не капризничают, прибывают в весе. Грудники таращат светлые глазенки на солнышко и сосны, на жужжащих жуков.

Старшие ходят в лес, собирают цветы и ягоды, а матери отдыхают.

Здоровый сон, купанье, прекрасное питание делают свое дело. Постепенно разглаживаются морщины заботы на лицах. Устанавливаются чисто дружеские отношения к медперсоналу.

Любуются ребятами, и живо и охотно воспринимают в этой обстановке все, что им дает медперсонал: гигиенические навыки, понятия о женских и детских болезнях, вопросы быта в новом укладе жизни.

100 новых коек на 1927 год вместо 50 коек 1926 года!

Это большое достижение работниц. Это уголок нового быта, где мать от материнства берет только радость. Во время своего отдыха перед ее глазами вырастает новый образ жизни, когда мать всегда в материнстве возьмет только радость, а муки и горе материнства оставит за порогом этой старой, умершей жизни, которая не должна воскреснуть никогда у возрожденного человечества.

Э. Конюс.

В ПОМОЩЬ КЛУБДМ

Кумачевая новь.

Скоро стает с груди твоей камень,
Отогретое тело нив,—
Скоро ласковыми ручейками
Голубые заплещутся дни...
Лепестковым дождем на рассвете
Ты умоешься, розовый сад...
— Подпевай же нам, мартовский ветер,
Уноси в эту синь голоса!
Все мы, все мы подруги и сестры,
Молодая песня звонка.
На разводы платочков пестрых
Засмотрелись, пристав, облака.
...Разухабистые да кривые,
Изморщиненные, в синяках—
Годы каторжные, не вы ли
По пути полегли в колеях?
Ночи-ноченьки чернотканные,
Заслепленные горечью слез!
Оседали на сердце туманы
Кровяными каплями рос.

.....

Пальцы иглами злыми исколоты,
До зари не расправить спины...
Позабыла уж ты, как смолоду
Снились ясные, теплые сны.
Да и снились они занапрасно—
Было-б холодно им наяву!
Рано выпило лихо-ненастье
У девчонки из глаз синеву.
...Горю дверь распахнулась настуж
После смены, в четверг, вечерком,
Когда в темной табельной мастер
Пригрозил ей расчетным листком...
И за это пять лет по субботам
Муж раздолье давал кулаку,
Пропивая, что заработал,
Пропивая свою тоску...
Ты похлебку слезами солила,

Когда хныкали детские рты,
И в корыте холодное мыло
Согревала слезами ты...

.....
Друг наш солнце! Товарищ веселый!
Горячей,
горячей,
горячей!

Переплескивай спелые волны,
Золотую влагу лучей.
...Мы вчера, когда тень голубую
Бросил в улицы месяца свет,
Выбирали подругу родную,
Посылали ее в Совет.
С барабаном пришли пионеры
(Были глазки у них, что костер!):
Обещаем учиться примеру
Матерей своих и сестер!
Серебром, серебром поздравлений
Голоса их звенели, ясны.
И смотрел на нас тихо Ленин,
Улыбавшийся со стены...
... Слышишь? Хором приветным запели
Корпусов капитаны-гудки! .
... И плывут, и несут, аляя,
Кумачевую новь платки...

Мих. Лукьянов.

Пусть помнят...

Когда, работница, ковригу хлеба
Разрежешь ножом ты острым,
Вспомни—под знойным деревенским небом
Работают крестьянки-сестры.
Клонятся к земле усталые лица
Всю жаркую страдную пору,
И к осени поезд—железная птица—
Примчит новый хлеб к нам в город.
А город уважит крестьянских модниц
И ситцу пришлет им на смену.
Пусть вспомнят крестьянки сестер-работниц,
Как в праздник обнови наденут.
Когда ж на дворе забушует вьюга,
Пусть вспомнят крестьянки снова—
В читальне, за книжкой, в часы досуга—
Работниц печатного слова.

Крестьянка! Работница! Знать вам нужно:
Вы — сестры! победа за вами—
Пока вы вместе и несете дружно
Трудящихся алое знамя!

Чернышова.

К празднику работниц.

Сестра с мозолистой рукой,
Где б ни жила ты, все едино:
В столице, в дебрях иль в пустыне,—
Но ты призыв услышишь мой.
Я—гражданка страны Советов,
И вот тебе моя рука.
Поддай свою издалика
С горячим, искренним приветом.
У нас с тобой одно желанье:
Выйти на свет из темноты,
И что нам трудности пути,
Коль впереди зари сиянье?..
А там, на грани новых лет,
Какой простор, какие дали!..
Так рви же цепи, что сковали
Тебя с нуждой, где Солнца нет!
Отбрось былого гниль и плесень
И без молитвы, без креста,
Туда, где свет и красота,
Идем под звуки алых песен.

Работница Быкова.

Колыбельная песнь.

Спи, дитя мое родное,
Баюшки-баю,
Я про время боевое
Песнь тебе спою.
Расскажу тебе не сказки,
Правду расскажу,
Ты ж дремли, закрывши глазки,
Баюшки-баю.
Долго цепи вековые
Наш народ влачил,
Гибли силы молодые
Капитал царил.

Но вдали зажглась зарница,
Близился восход;
Встала красная столица,
С нею весь народ.
Спи, дитя. В заре восстанья,
Мальчик дорогой,
Мы разрушим мир страданья,
Создадим иной.
Будет день, когда впервые
Вступишь в красный строй,
За идеи трудовые
Станешь рваться в бой.
Но пока ты мал, мой милый,
Будущий герой.—
Спи и набирайся силы,
Чтобы выйти в бой.

Работница Федорова.

Частушки квалификационные

(Исполняет девушка под балалайку).

Не пугай ты нас, дружок,
Мы и так запуганы,
Муженьками и отцами
Биты и заруганы.
Муженек мой у станка,
Задается здорово;
Коль на фабрику пойду —
Поубавлю норова.
Мне железо нипочем,
Буду сталеваром —
Разве лучше у плиты
Обжигаться паром?
Дома — ругань и пинки,
В фабзавуче весело.
Погляди — на стенку я
Ленина повесила.
Надо девушкам скорей
Токарями сделаться,
А то рожи посвело —
Красятся и белятся.
В фабзавуче для девчат,
Двери порастворены,
Кто туда не попадет —
Бледный и расстроенный.

Как окончим — мастера,
Ванька не подступится,
Наши тяжкие труды
Целиком окупятся.
А окончу фабзавуч
Мне разряд прибавится,
Или токарь, милый друг,
Тебе не понравится?

Работница.

Сестры труда и борьбы.

Инсценировка в 3-х картинах к 8-му марта *Н. Алексеевой.*

Картина I.

Корпус фабрики. На сцене три живых машины из работниц, ткацкие станки. Декорация с одной стороны изображает фабричную сцену с большими окнами. Работницы за станками по одной, по две около окон за маленькими скамеечками. Приносят чайники, валы с готовым товаром. Гул станков сливается с хором, который все разрастается. Поют на мотив «Мы кузнецы».

Хор работниц.—Станки работают исправно,
Бежит, мелькая, полотно.
Соткали мы руками славно
Для смычки новое звено (2 раза).

(Работа станков приостанавливается).

1-й голос.—Тките, работницы-сестры, красных полотнищ
ходсты!

2-й голос.—В стройный узор заплетите красные нити-мечты!
Две работницы вместе. — Дружнее, сильнее!
Все *(хором)*.—Веселее!..

Старый подмастерье. *(сердито)*.—Ап-ч-хи!..

1-й голос.—Что, старикан, не нравится?

2-й голос.—Старое валится ..

Все вместе.—Старому крышка, знать...

Дружно (Приостанавливаются) ткать!..

(Станки работают, работницы поют):

По деревням раскинем ситец

С каемкой алой по краям...

Вперед страну нашу подвинем

На зло всесветным буржуям!

Старый подмастерье.—Ап-чхи!..

Мужской голос.—Эк, его разобрало!..

Представитель старого начала...

Женский голос.—Нечего на него смотреть.....

Все вместе. — Работать и... петь!.. (*Работают и поют*).

Наш голос слышится повсюду,
Согласный хор везде гремит,
И откликается навстречу
Наш брат, измученный наймит.
Мы цепи мира расковали
Для мятежей и для борьбы;
Встают миллионными полками
На бой рабы.

Последний куплет поется тише. Станки замирают. Работницы заняты около машин и не обращают внимания на старого подмастерья, который выходит к рампе и, согнувшись, вглядывается в публику и грозит ей пальцем.

Старый подмастерье. — Ну-ну, порядки!
Болят пятки...
Все в движении,
Никакого уважения.

То ли было дело:
Хватал какую хочешь смело;
Курицы не было, а яички были...
Забыли, черти, забыли...

(*Сокрушенно*). — Эх, один грех!.. (*Машет рукой и отходит вллубь сцены*).

Работницы (*работают и поют*).

— Станки работают исправно.
Бежит, мелькая, полотно.
Соткали мы руками славно
Для смычки новое звено.

За сценой нарастает шум. Гневные крики.

Голос. — Не троньте... Не имеете права!..
Да тут вас целая орава!..
Будем об'ясняться в конторе...

Голоса. — Никуда не уйдешь... Врешь!..
— Машины портить!!.
Ты сюда как попал?!.
Кто тебя нанял? .

Машина резко останавливается. Вбегает группа рабочих и работниц.
Возбужденные голоса:

Голос. — Я его за руку схватил...
Около мотора мудрил...
Еще немножко... Был бы взрыв...
Всю фабрику... в крошки...

Все (*испуанно*). — Мотор испортил!.. Мотор встал!..

Чужой (*извиваясь в руках рабочих*). — Ну, и что-ж?..
Меня не трожь!..

Голос работницы. — Ведите в контору...
Все. — По делам мука вору..
(Уводят чужою; он старается вырваться).
Подмастерья. — Вот как!.. Довольно смело...
Работницы *(хором)* — Портить наше дело...
Первая *(с укором)* — Я говорила сколько раз:
 Нужен, нужен рабочий глаз.
2-я работница. — Нас много, но враги есть...
 Нельзя ни на минутку присесть...
Все вместе. — Будем беречь наше добро...
 Ленин велел строго...
 Злитесь, не злитесь, —
 Всем нам ясна
 Наша дорога. *(Молчание).*
Мужской голос. — Мотор молчит...
Женский голос. — Станки стоят...
2-й женский голос. — Снова усилья и муки...
Девушка *(выбираясь вперед).* — Не бойтесь, друзья:
 Есть у нас крепкие руки!..
Все — К мотору!.. Помочь! Ничего, что ночь!..
 Дружнее... теснее... *(Шумно направляются к выходу).*
Старый подмастерье *(приближаясь к рампе):* —
 Эх, было время, не теперь...
 Хошь — верь, хошь, — не верь...
 Хозяин звал: „Иван Ильич“...
 Хозяйка шлет детям кулич...
 Рабочий... В-во!.. *(показывает кулак)*...
 Боялись как...
 А уж того... *(щелкает по юрлу).*
 Был не дурак... *(Оглядывается. Машина начинает медленно работать).*
 Наладили... Пошло опять...
 Эх, видно, надо умирать... *(Станки работают шибче. Вваливаются работницы).*
Все — По местам, по местам!..
 Заработал мотор...
 А в конторе теперь —
 Страсть идет какой спор... *(Становятся к машинам).*

Песня.

Мы победим: за нами сила,
 Мы все идем семьей одной,
 И скоро, скоро разгорится
 Последний наш победный бой.
 Муж и жена, сестра и дети
 Под красным знаменем одним...
 В ряды тесней, рука с рукою
 Мы победим, мы победим!..
 Занавес медленно опускается.

Картина II.

Сцена представляет подземную галерею. Наворочены черные глыбы угля. В различных позах застыли работающие углекопы. Тела до пояса обнажены.

Раз... Удар кирками...

Раз... Стон всех... О-ах!..

Раз... Удар кирками... Стон всех... О-ох...

Раз... Удар кирками... Стон всех... О-ох!..

Надсмотрщик (*пробегая мимо*). — Кирки выше! Удар ровней!
Отставать никто
Не смей!

(*В правом углу поднимается фигура высокого черного углекопа*).

Все. — Раз... Удар кирками... О-ох!.. (*Углекоп резко опускает кирку невлад и падает грудью на глыбу угля*).

Надсмотрщик. — Что, собака, сорвался?..

(*Углекоп рвет на себе рубаху и падает на бок*).

Надсмотрщик (*кричит*). — Убрать!.. (*К упавшему подсакивают и волочат по земле к выходу из шахты*). — Ну, живо!..

Углекопы. — Раз... Удар кирками... Стон — о-ох!..

(*Надсмотрщик уходит. Удары становятся реже. Спины разгибаются*).

Один углекоп (*с высоты глыбы*). — Жизнь, как смола черная...
Нету больше сил...

Все. — Нас капитал проклятый
(*придушенным голосом*) Раздавил.

Другой. — Товарищ, дома нет куска. Вчера схоронил ребенка...

Тоска!...

Третий. — Руки стали, как плети...

Из дома нечего взять...

Все. — Довольно мучаться!.. Бастовать!!

Молодой (*с глыбы угля*). — Там, далеко — Ленин...

Он на бой зовет...

Товарищи! Товарищи!

Наше время придет...

Все. — К чорту кирки!.. Машину...

Всех наверх поднять...

Лучше, не работая, будем умирать!..

(*Слышен грохот*.)

Углекоп. — Везут вагонетки...

Видите свет?..

Нет, не поднимутся кирки... Нет...

Надсмотрщик (*появляется*).— Что вы встали?..
Законь знаете?..
Устали?..
Не растаете!..

Ну, живо...

Углекопы (*поднимая кирки и наступая*).— Хозяйская под-
лиза, собачий хвост, уйди, прохвост! (*Надсмотрщик убекает*).

Все.— Спины согнутые выпрямим...

Рабства лучше — борьба...

Нам до конца опротивела

Жалкая доля раба...

Красное знамя колышится,

В бой беспощадный зовет...

Помощи крики слышатся...

Помощь навстречу идет...

Один угол сцены озаряется красным цветом. В расщелине между
камнями вырастает фигура работницы, обнявшейся с крестьянкой. Угле-
копы сбиваются в живописную группу и протягивают к ним руки.

Работница.— Цепи рвутся на теле рабочих...

Слышите топот множества ног?..

Толпы рабочих наполнили гулом

Даль Ильичевых дорог...

Крестьянка.— На подмогу спешат...

Все слышнее набат...

И крестьянка пришла на подмогу —

Расчищать углекопам дорогу...

Работница.— Духом окрепнут в борьбе...

С новыми силами к бою...

Новое счастье людей

Вместе построим.

Если разбили раз —

Ленин учил: встанем...

Солнцу прямо в лицо

Глянем... (*Свет туснеет, видение исчезает*).

Углекопы.— Сестры далекой страны,

Сбросивши цепи, с нами...

Нечего нам дрожать

Перед врагами!! (*Медленно*).

Если разбили раз...

Ленин учил: (*пауза*) встанем!

Солнцу прямо в лицо

Глянем!

Занавес опускается.

Картина III.

Отделение 1-е.

Работница и крестьянка встречаются на сцене, деко-
рированной красной материей. В глубине — портрет Ленина. В руках
у них эмблемы: у работницы челнок, у крестьянки серп и сноп.

Работница.— Здравствуй, сестра дорогая!
Крестьянка.— Здравствуй! Куда ты?..
Работница.— Вперед!
Крестьянка.— Путь нам один: к победе!

Обе (*указывая на портрет Ленина*).— Он зовет.

Работница.— Близится десятилетье
Нашей славной борьбы.

Крестьянка.— Мы изнывали в неволе...

Работница.— ...Были — рабы.

Обе.— Светлых часов не знали...
Голод сгибал в дугу...

Работница.— Ныне — новь укрепляем...

Крестьянка.— ...Наперекор врагу.

Работница.— Фабрики светлые строим,
Освободясь от пут.

Крестьянка.— К городу — другу — с приветом
Наши деревни льнут.

Знаем: сердца работниц
Бьются с нашими в лад.

Чуем, как нас машины
К жизни безбедной мчат.

Работница.— Знаем: деревне нужно

Все, что дает завод.

Обе.— Прочная власть Советов

Верным путем ведет. (*Пауза; за сценой пенье*

женщин).

Работница.— Вот они, надежные подруги!
Все звончей родные голоса...
Брызнул свет в избушки и лачуги
И призывом бодрым разлился.

Не они-ль вчера в тоске немели
И томились в кухонном чаду?

А сегодня вольнее запели

Гимн раскрепощенному труду.

Обе.— Бьют наш прежний

Безрадостный быт

Детские ясли,

Нарпит.

В полит'учебе

Черпаем знанья.

Силу почуяли

В вихре восстанья.

Не потеряем

К коммуне пути.

Женщине новой

К свету итти!.. (*Пауза. За сценой пенье раз-*

растается).

Работница. — Они подходят тесными рядами;
Их алый день для жизни разбудил...
Мы с ними спаяны. Они бессменно с нами.
Сегодня — смотр сплоченных наших сил.
Занавес опускается.

Отделение 2-е.

Явление I.

Входят одна за другой, маршируя по сцене и выстраиваясь у рампы, делегатки, — человек пятнадцать-двадцать, все в красных платочках, с книжками, тетрадками, с большими карандашами. Перед тем, как они входят, за сценой слышна песня, которая нарастает: «Эх, куда ты, паренек, эх, куда ты?»... Одеты — группа деревенских делегатов по-деревенски; платки — концы вперед.

Работницы-делегатки (*выстроившись налево*). — Нас выбирали на фабриках...

Крестьянки-делегатки (*направо*). — По деревням...

Раб. — По цехам, от каждого уголочка...

Крест. — Кулачье теперь боится красного платочка...

Все (*вместе*). — Мы партии — под-мо-га первая!

Работницы. — Социализм строить...

Крестьянки. — Собирать продналог, защищать бедноту...

Все (*вместе*). — Гнать прочь

Невежества ночь,

Злую темноту!... (*Поют хором*

на мотив „Мы кузнецы“):

Нас много, много, по цехам, по деревенским уголочкам!

Дорогу каждый уж дает

Веселым, красненьким платочкам...

Вместе с работницами по краям сцены стоят две фигуры.

Одна — рабочего с молотом, другая — типа забулдыги-пьяницы.

Рабочий (*направо*). — Женщина проснулась,

Делегатке дорогу!

С нами она в бой

Выступит в ногу.

Забудыга (*налево*). — Что они плетут опять?

Экая оказия:

Распустили этих баб, —

Прямо безобразие!

Делегатки (*вместе*). — Мы застрельщики нового быта!

Работницы. — Работницы! Ребят в ясли, сады

И площадки!

Чистой одежде и холе

Рады наши ребятки.

Крестьянки. — Выкинем люльки, жеванку, соску,

Ясли летние будем беречь,

Мы, делегатки, снимаем заботу

С усталых крестьянских плеч!

Делегатки (*вместе*).—Мы выполняем свой наказ—
Права работниц защищаем.
И с нами вместе всех сестер
Быт строить новый призываем.

Крестьянки.—Мы законы изучаем,
Чтоб не били мужа жен,
И рассказываем всюду:
Защищает нас закон.

Забудыга.—Вот до чего доехали!
Эко, какая прыть!
Надо бы все делегатские
Эти собранья закрыть.

Голос рабочего.—За делегатками
тысячи
Дружных женских
сердец.
Быт перестраивать
старый
Ленин учил, отец.

Делегатки (*вместе*).—Мы усилъя устроим,
Всех позовем с собой,
Старый быт перестроим,
Новый построим, свой.

Все (*хором*).—Нас много, много, по цехам, по деревен-
ким уголочкам!
Дорогу каждый уж дает веселым красненьким
платочкам. (*Отходят*

в глубину сцены и становятся по середине ее, сбоку портрета Ильича).

Явление II.

На сцену с видом крайней торопливости входят гурьбой члены «бытового кружка», все с корзиночками, по-будничному. Через плечо бумажные ленты с надписью «бытовой кружок».

Члены бытового кружка (*вместе*).—Со смены прямо мы
в кружок—
Шить, кроить,
Вязать, вышивать.
С каждым часом растёт
Наша бодрая рать.

Забудыга (*в сторону публики*).—Вот это дело—это так,
Нашьют, пожалуй, на пятак,
И экономию наведут,
И равноправья не разведут.

Одна работница.—Кройкой и шитьем
Мы сплочены
И другим озабочены...

Все вместе.—Читать, писать, углекопам помогать,
Беспризорным детям.

Одна работница.—Спросите-ка про Ленина!
Все—Ответим!!

Зовут в фабкомы выбирать—
То нас не надо зазывать,
Мы сами понимаем,
На выборы шагаем—
(*Делая два шага вперед*)
Раз-два—раз-два!
Зовут в советы, мы идем
Все досканально проведем.
Найдем мы нужные слова
Свои отстаивать права. Раз-два!

Забулдыга.—Караул...обманули ..

Опять надули!
Кройка, шитье—только
Отвод глаз.
Опять проклятое бабье

Все.—Стыдно тебе дурачиться!

Видишь, старое валится,
Надо новое дело ладнать,
Нас поддерживать, а не ругать. (*Хором*).—
Идемте стройными рядами
Построить новый светлый быт,
Наш Ленин огненное слово для всех работниц говорит.
Всегда верны его заветам,
Учиться будем управлять,
Нам надо общие прорехи
Иголкой нашей зашивать... (*Делают вид, что шьют,
наступая на Забулдыгу*).

Забулдыга (*забавно отступая*).—

Эка беда!
Нет покою:
Эти делегатки
Всех баб
Повели за собою.
Умора-потеха... (*С видом испуга*).—
Ей-ей, не до смеха,
Того и гляди—
И тебя пришьют,
Забери их шут!

Голос рабочего.—Под знамя красное встают

Отсталых женщин вереницы...
Октябрь их тоже осветил
Горящим отблеском зарницы...
Начали с кройки и шитья—
Теперь общественницы стали,
Теперь не скажет уж никто,
Что будто женщины отстали!

Явление 3-е.

На сцене появляется актив рабочих, празднично одетый, с красными флажками в руках. На груди на лентах надписи: коммунистка, цех-делегатка, делегатка, женорг, профактив, женщина-подмастерье, депутат в Совет, в кооператив, в фабком, одна комсомолка.

Все вместе.—Ленина знамя подняли...

Мы впереди идем,
Всех рабочих
За собой поведем.

Комсомолка.—Молодые, равняйте ряды...

Партии новая смена...

Голос с боку.—Лезут тоже...

Какого хрена!..

Все (обернувшись).—Мы начинаем, им кончать...

Тебе бы надо помолчать.

Партийка.—Партия вела на Октябрь...

Всех подняла смело...
Боролись еще при царе
За рабочее славное дело...

Все.—Партия В. К. П. Ленина знает путь; под руководством ее будем буржуев гнуть.

Партийка.—Ленин учил нас...

Все.—Крепить смычку с крестьянством,

Строить фабрики и заводы,
Бороться с бюрократизмом,
Всех объединить в кооперацию,
Дать свободу всем народам и нациям,
Зажечь электричество для страны,
Не бояться бога и сатаны.

Партийка.—Он велел помогать зарубежным братьям.

Все.—Строить мировую страну Совета,

Звать богачей к ответу...
Смерть буржуазному строю
Подписать, взяв его с бою...

Партийка.—Он звал работницу и крестьянку

Раскрепостить себя.

Все.—Для мирового Октября! (*Хором*).—

Вместе с рабочим...

Вместе с рабочим

Ленина дело упрочим... (*Пауза. За сценой слышны стоны. Выстрелы, крики. Опять стоны*).

Работница.—Там, за рубежом,

Опять расправа.

Все.—Фашистская орава...

Партийка.—На Китай протянули

Жадные руки
Капиталисты...

Все.—Поднимают головы фашисты...

Комсомолка.—Больше нельзя ждать!

Все.—Протестовать!!

Партийка.—Они хотят опять
Пролить потоки крови,
Затянуть новую войну.

Все.—Не дадим,
Призовем к бою... . (*Гроико кричат*).—
Сестры, с нами в бой!..
Под красное знамя, в строй!..

На сцене появляются японка и китайка в национальных костюмах—
в цепях.

Японка и китайка (*вместе, показывая*).—
Рубцы кровавые на теле...
Мы ничего еще не ели...
Нам горсти рису не дают...
Нас бьют... (*Поднимая руки в цепях*).

Японка.—Ребенком продали меня
Лишь за мешочек ячменя.
И вот уж скоро двадцать лет,
Как я не вижу белый свет.
Нам сковали усталые руки,
Обrekli на страданья и муки,
Но мы знаем: пылает восток...
Дайте срок...

Китайка.—Там, за высокою стеной,
На фабрике стоит конвой...
Под плетью двигаем челнок...

Вместе.—Но востепенулся весь Восток...
Все работницы (*к ним*).—Помните, сестры! В бою
Можно цепи разбить...
Надо свою свободу
Больше жизни любить...

Японка и китайка (*разрывая цепи*).—
Мы по Ленинскому слову
Тоже выступили в бой...
Скоро кончатся страданья
За фабричную стеной...
Нас миллионы, миллионы
Пробудившихся рабов...
Только битвы, только дело
И не надо больше слов.

(*Становятся рядом с работниками. За сценой Интернационал*).

Входят французская и немецкая работницы. Французская в красном платочке и в изящной красной блузе. Германская в шапочке солдатской, защитной куртке

Французская работница.—
В день 8-го марта зовем работниц в бой...

Да здравствует в Красной Франции советский строй!
Нас обложили налогами,
Даже не можем вздохнуть...
Нечего эту музыку больше тянуть.

Германская работница.—Растут рабочие полки...
Работница идет в ряды...
Мы босы и раздеты...
Да здравствуют Советы!
Пусть продают меньшевики,—
Растут рабочие полки!

(За сценой крики: «Да здравствует Союз Советских Республик! Да здравствуют Советы! Долой предателей меньшевиков!»).

Германские работницы.—Капитал дрожит—чует нашу силу...
Красные фронтовички, пролетарки
Готовят им могилу...

Все.—К нам, в наши ряды!
Скоро последний бой!
Всех работниц
Увлечем за собой..

Англия — входит в красном платочке, в черном платье, с шахтерским фонарем.

Англия.—Нас миллионы бастовали,
Но нас продали вожаки...
Но скоро в мире засияли
Призывным светом маяки... *(Наклонясь вперед).* —
Шопот по шахтам—восстаньте!
Шопот в углах бедняков...
Наши враги не с'умели
Разбить рабочих полков. *(Гордо выпрямишься).*—
Английская работница с русскими
Сестрами! Призыв к войне с советами—
Будет и призывом к бою.

Все.—С капиталом!

Польша *(вбегает, звеня цепями. Самая красивая. Волосы распущены).* —

Белый душит террор... Встают,
Стреляют, бьют
Женщин, детей... не разбирают...
Новые цепи куют...
Когда же кончится ночь?...
Вы должны нам помочь...

Все.—Наши силы умножим—

Поможем. *(Бросаются к ней, срывают оковы. Берутся за руки и говорят все вместе).*

Как тяжело, сестры, вам живется!
Но есть один лишь к счастью путь:
Насильника ударить в грудь,—

Кровь угнетенных отольется...
Под нашим знаменем легла
К свободе верная дорога.
Вершим мы добрые дела
Без рабства, без царя и бога.
Играет мускульная крепь
Разогнуты повсюду спины,
Упала предрассудков цепь,
И с женщиной равны мужчины.

Голос. — Но нас окружают враги...

Другой. — Прожорливы хищников своры...

Третий. — Все уже, теснее круги...

Четвертый. — Скрежещут винтовок затворы...

* * *

Х о р. — Мы им ответим: «Стой!»

Мы их штыками встретим!
Вольным не быть под пятой!
Нас не касаться плетям!
Но дорожит Союз
Кровью рабочих мира.
Пусть же расплаты груз
Бьет богача-вампира.
Рвите с труда кандалы,
Бейте по холеным лапам.

Голос. — Следом за нами из мглы
Выйди, восток и запад!

Иностранки. — Не дадим погасить рассвет
Капиталу, чадающему злобой.
Не миримся мы больше, — нет! —
С окаянной его утробой.

Голос. — Скажем сестрам и братьям своим...

Другой. — Все товарищам нашим скажем...

В с е. — Лишь тогда нужду победим,
Если власть фабрикантов свяжем.
Жизнь доселе, как ночь, текла,
Но мы бурей в грядущем встанем,
В золоченые стены зла
Революцией грозной грянем...

Забулдыга (*испуанно приседает, потом срывается с места*). —

Ай!... Ой!...
Боже мой!...
Скорей домой!..
В покой,
В уют,
Где...

Рабочий (*грозно*). — Дни твои гниют...

Прочь! (*Забулдыга исчезает*).

Рабочий (*обращаясь к женщинам*).—
Товарищи! Упорно вместе
Мы революцию творим.
Горят буржуи жаждой мести,
Мы—жаждой творчества горим.
И не найти такой преграды,
Чтоб наш порыв остановить:
Всходили мы на баррикады,
Умели из окопа бить.
Мы боремся за то, чтоб строить
И чтобы не было рабов.
Презрения—и то не стоят (*указывает рукой
в сторону убежавшей Забулдыхи*)
Обломки рухнувших столбов.
Мы знаем: за-границей братья
Полны враждою к палачам,
Буржуазии шлют проклятья,
А свой привет горячий—нам.
Все присутствующие на сцене.—
Красной дорогой
Дружно пойдем мы
Плечо к плечу...
Каждая, каждый равняйся... (*Минутная пауза,
в течение которой все по-военному берут равнение
на портрет Ленина; следующие слова вырываются громом*):
...По Ильичу!!.

З а н а в е с .

Н е с о з н а т е л ь н а я .

инсценировка в двух действиях.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Васютка, сын рабочего, мальчик 12 лет.
Мать. Измученная женщина, лет 45. Худая, одета плохо.
Дед. Комическая фигура. Волоса клочьями.
Пионер первый. Веселый, живой мальчик.
Пионер второй. Рослый парнишка, заботливый.
Отряд пионеров—человек 10. Мальчики и девочки.
Соседки, старухи и молодые.

Действие первое.

Явление 1-ое.

Бедно обставленная комната рабочего. Васютка за столом учим уроки. Пишет старательно. Бросает книжку и задумывается. За окошком пионерский хор, сначала издали, потом ближе.

«Вейтесь кострами, синие ночи!
Мы—пионеры, дети рабочих.»

Близится эра светлых годов..
Клич пионеров: всегда будь готов!»

Васютка в начале песни бросается и прилипает к окну.

Мать (*входит к комнате*). — Васютка, чего глядишь?...
Уроки учи, наказание мое...

Вася. — Мама, там пионеры, пусти на улицу...

Мать. — Ишь, что выдумал!.. Тоже хочешь в их компанию?
В жизнь не допущу. Безбожником станешь, только баловать
да старших не слушать...

Вася. — Все ребята в пионерах, только я один, как...
буржуй какой! В школе стыдно глаза показать. Ребята смеются...
«Ты, говорят, несознательный!..»

Мать. — Замолчи, чертенок! Старших слушайся, — больше
тебя понимают...

Вася (*сердито оцлянувшись, подбегает к окну и вылядывает.*
За окном: «Клич пионеров: всегда будь готов!»). — Все равно,
уйду за ними, что ни говори!.. (*Бросается к двери*).

Мать (*схватив кочергу*). — Только уйди, чортов сын, всего
расшибу! (*Вася боком выскакивает на улицу, увернувшись от*
кочерги).

Мать (*одна. С паузами, все повышая голос*). — Мученье,
наказание... светопредставление... жизни нету... Безбожники,
ротозейники, святых не почитают... В аду гореть будет дитяtko
мое несуразное... А-а-а... (*Воеет и причитает. Входит старик-*
рабочий).

Явление 2-е.

Старик. — Ты чего реवेशь? На всю хату слез навела...
ступить некуда, елова голова...

Мать (*вытирая слезы передником*). — Васютка отбился,
сладу нет. В пионеры захотел...

Старик. — Ну, так что-ж что в пионеры? Елова голова!
Все идут, и он хочет...

Мать. — Да батюшки! Да он безбожником станет...

Старик. — Хороший парень выйдет... Не все ль тебе равно,
хотя и безбожником?..

Мать. — В жизнь не допущу.. Уж нет... нет... прокляну...
выгоню...

Старик. — Эка ты, мать, нескладная. Ты вот что скажи,
елова голова: ты ведь вдова?

Мать. — Вдова... так что ж?..

Старик. — Кто кормить-то будет?.. Сын?..

Мать. — Сын. Да если в пионеры запишется, то и кормить
не будет. Они родителей не почитают.

Старик. — Выдумки это бабские! Вот Серега - комсомолец,
первый безбожник, троих кормит, да ничего, не кается.

Мать. — Так то Серега?

Старик. А то Васютка, елова голова...

Мать.—И не говори, и не говори!.. Вот заткну уши и буду сидеть.. *(Затыкает уши и ворочает глазами)*. — Не слышу... Ничего не слышу... Ничего, ничегошеньки не слышу..

Старик.—Тьфу! Разве с тобой сговоришь, оглашенная?

Мать *(открывая уши)*.—Перестал?

Старик.—Перестал. Эка ты, прости Господи, уродилась какая... Жизнь вперед идет, а она назад пятится, елова голова... *(Помолчав)*.—Пособие-то получила после мужа?

Мать.—Какое пособие! Ходила, ходила, все ноженьки избила... Туда сунусь: «Иди, говорят, не туда попала!». В другое место сунусь, и там не так... Измотали меня, всю душеньку вымотали...

Старик.—На фабрику-то ходила?

Мать.—Ходила сколько разов, да справки не найдут. Вот я и остаюсь сиротой несчастной...

Явление 3-е.

В комнату пробирается тихонько по стенке Васютка.

Мать *(Васе)*.—Явился, шибеник... Где носило?.. Пионеров своих искал?

Вася.—Искал... Понятно, искал. Пионеры — сознательные. Книги у их.. флаги... Во...

Мать.—Замолчи, нехристь! *(Обращаясь к старику)*.—Вот вместе с сыночком-то пропадем мы...

Старик.—А ты сходи на фабрику-то.. сходи.. елова голова!.. Поищут — найдут, свидетелей выстави. Бумажку-то и дадут, а там и в страхкасу. За Советской властью работа-то не пропадет.

Вася.—Мать, пусти в пионеры! Я работником буду.. тебя буду кормить.

Мать.—Учи книжку-то! Кормилец выискался... *(надевает платок и выходит вместе со стариком в двери)*.

Вася *(сидит задумавшись)*.—Хуже всех мне на свете жить. Бедность... Хлеба нет... Я еще не вырос... В пионеры не пускают... Плохо!.. Чего это мать говорила? Записку надо с фабрики, что отец работал. Как бы ее достать?.. *(Стучат. Входят двое ребят с пионерскими галстуками)*.

Явление 4-е.

1-й пионер.—Вася, ты чего к нам не ходишь?

Вася *(застыдившись)*.—Мать не пускает, я бы с охотой...

1-й пионер.—Приходи на Октябрьский праздник, мы тебя примем...

Вася.—Не пускает мать-то... Говорит: безбожником будешь. А нам есть нечего. Пособие-то не получаем после отца. Бумажку, вишь, затеряли на фабрике, не найдут...

2-й пионер.—Мать у тебя несознательная, но мы тебе поможем.

Вася.— Неужто поможете? Да как же это?

2-й пионер.— Поможем, не беспокойся... У нас—организация. Фабком за бока возьмем. Разыщем.

Вася (*радостно*).— Ребята вы мои милые! Помогите, страсть хочу в пионеры.

1-й пионер.— Ладно. Ты нынче в клуб забеги. Поговорим. Пойдем. (*Уходят*).

Вася (*один*).— Ребята помогут. Вот это дело. Буду пионером. Буду!.. (*Волчком вертится по комнате. Приплясывает. Попадает на кочергу, которая с грохотом падает и попадает под нош входящей матери*).

Явление 5-е.

Мать (*споткнувшись о кочергу*).— Тьфу, оглашенный! Маленький какой... Разыгрался!.. Нет на тебя погибели!..

Вася (*в сторону*).— Буду пионером, буду.

Действие II-е.

Явление 1-е.

Та же комната. Мать больная—на постели.

Мать.— Ох, горе мое горькое!.. пропадать надо... Ни дровец ни хлебца... Ваську из школы взять надо. (*Сыну*).— Васька!

Вася.— Чего тебе, мамынька?

Мать.— К сапожнику пойдешь учиться. Берет Тихоныч-то за хлеб на три года.

Вася.— Не хочу к сапожнику. Учиться буду, а потом в бронь на фабрику...

Мать.— Наказание мое! (*Ласково*).— Ничего не сделаешь, Васенька...

Вася (*Засовывает что-то в карман; оттуда высовывается конец красной иалстуха*).

Явление 2-е.

В комнату торжественным маршем входят человек 10 пионеров. Пионеры со знаменем маршируют под барабан.

Мать.— Батюшки! Что это за навождение такое?.. Откуда?.. С нами крестная сила!..

Пионеры (*выстраиваясь, хором*).— Мы из фабрик, из заводов к вам пришли.

1-й пионер.— В вашу бедную избушку радость принесли.

Все.— Вейтесь кострами, синие ночи!

Мы — пионеры, дети рабочих.

Близится эра светлых годов...

Клич пионеров: всегда будь готов!

Мать.— Обалдели, милые! ей-богу, обалдели...

1-й пионер.— Гражданка, глянь сюда, в дом к тебе не придет беда... Видишь эту бумажку?

Мать.— Что за бумажка, не пойму.

Вася (*выскакивая вперед*).— Да это на пенсию бумажка-то. С фабрики..

Мать.— Господи помилуй, да как же это?

Пионеры (*хорош*).— Мы достали бумажку маленькую. Завернули в тряпочку аленькую. Довольно бедовать, не будешь голодать.

Вася (*захлебываясь, кричит*).— Не надо к сапожнику! В школу! В бронь!

Мать (*растерянно*).— Постой... Постой...

1-й пионер.— Ваш сын теперь — член нашего отряда. Он пионер, и вот ему награда (*подает ему бумажку*).

Мать (*понявши*).— Родненькие-то мои, а я-то вас ругала... Голубятки! Да как же это?..

1-й пионер.— Вася, в ряды! (*Вася становится*).— Галстух надень!

Вася (*надевая*).— Вот хорошо-то!.. (*В комнату набиваются соседки, ахают, качают головами*).

Явление 3-е.

Дед (*почти вбегает. Смеется, щурится, притоптывает*).— Ну, что? Поладили, елова голова?..

1-й пионер (*Васе*).— Выступи вперед на два шага. Будешь блюсти законы пионеров.

Вася.— Буду.

2-й пионер.— Будешь первым помощником комсомолу?

Вася (*радостно*).— Буду.

Ребята (*хорош*).— Да здравствует новый юный пионер! (*Выстраиваются и идут с пенцем*).

Будем в работе, будем в борьбе —

Дружно и в ногу итти в В. К. П.

Ведь от тайги до Британских морей

Мы, пионерия, всех сильнее!

В нас, юных ленинцах, отвага пенится...

И мы веселою гурьбой,

Веселым роем, мир перестроим

Своей работой и борьбой... (*Уходят*).

Дед (*матери*).— Что, я тебе говорил, елова голова?.

Занавес опускается.

Указатель литературы.

Первая степень трудности.

1. Славачевская Т. И. Удаленкова—Крицина. Повесть работницы и крестьянки. Гиз. М. 1920.
2. Берющина. Почему я стала коммунисткой. Гиз. М. 1919.
Обе брошюры описывают, как трудящиеся женщины пришли к убеждению о необходимости коммунизма и советского строя.
3. Ленин. 1) Речь на съезде работниц. 2) Советская власть и положение женщин. Гиз. М. 1920 г., стр. 15.
4. Самойлова. Работницы в Российской революции. Гиз. М. 1920 г., стр. 32.
5. Путиловская. Оборона Петрограда и работница. Гиз. М. 1920 г., стр. 24.
6. Коллонтай. Международный день работниц. Гиз. М. 1920 г., стр. 15.
Доступное изложение более общих, профессиональных и политических запросов женского движения.

Вторая степень трудности.

1. Самойлова. В объединении—залог победы. К Международному женскому дню. Гиз. М. 1921 г., стр. 29.
2. Блок и а. Работницы в Интернационале. Гиз. М. 1920 г., стр. 32.
3. Женское международное движение. Сборник статей. М. 1920 стр. 16.
4. Трудовая повинность и задачи работниц и крестьянок. Сборник статей: Ленин. «От разрушения векового уклада к творчеству нового»; Бухарин. «Труд прежде и труд теперь»; статьи Коллонтай, Бланиной и др.
5. Ленин. Международный день работниц. Собр. соч., т. 18, ч. I, стр. 90—100.
Эти книжки вводят читателя в широкие рамки международного движения. Много фактов и сведений из истории женского движения.
6. Коллонтай. Семья и коммунистическое государство. Гиз. М. 1920, стр. 24.
Разбираются вопросы женского движения.
7. Серман. Что такое охрана материнства и младенчества и как ее нужно строить. Гиз. 1920 г., стр. 14.
8. Арберре—Ролле. Мать и дитя в Советской России. Гиз. М. 1920 г., стр. 32.
9. Коллонтай. Проституция и меры борьбы с нею. Гиз. 1921 г., стр. 24.
Книжки дают представление о конкретных мерах по улучшению быта женщин в Советской России.

